

От издательства

В 1999 году увидел свет сборник проповедей и бесед игумена Илариона «Ночь прошла, а день приблизился». Почти сразу же после публикации этот сборник, содержащий 22 проповеди и несколько бесед, превратился в библиографическую редкость.

Публикуемый ныне сборник содержит шестьдесят две проповеди, в том числе двадцать две ранее опубликованных. Почти все публикуемые ныне проповеди произнесены отцом Иларионом в храме святой великомученицы Екатерины на Всполье, где он несет свое пастырское служение.

Игумен Иларион (Алфеев) родился в 1966 году. Получил музыкальное образование. В двадцатилетнем возрасте принял монашество в Виленском Свято-Духовом монастыре, был рукоположен в сан иеродиакона и затем иеромонаха. В 1990—91 годах — настоятель Каунасского Благовещенского кафедрального собора. В 1991 году закончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1991 по 1993 преподавал гомилетику, догматическое богословие в Московских духовных школах, Новый Завет в Свято-Тихоновском православном богословском институте и патрологию в Российском православном университете имени святого апостола Иоанна Богослова. В 1993—95 годах учился в Оксфордском университете, который окончил со степенью доктора философии. По возвращении в Россию в 1995 году указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II назначен клириком храма святой великомученицы Екатерины на Всполье. С 1997 года — секретарь Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата по межхристианским связям, член Синодальной богословской комиссии Русской Православной Церкви. В 1999 году Свято-Сергиевским православным богословским институтом в Париже удостоен степени доктора богословия.

Игумен Иларион — автор более десяти книг, в том числе монографий, посвященных Отцам Церкви, переводов святоотеческих текстов с греческого и сирийского языков. Книги отца Илариона пользуются заслуженным признанием читателей. Они высоко оценены Священноначалием Русской Православной Церкви.

Издатели выражают надежду на то, что настоящий сборник послужит духовной пользе читателей, укрепит в них любовь к Святой Православной Церкви, служению которой отдает все свои силы отец Иларион.

О встрече со Христом. Рождество Христово

«Христос рождается — славьте! Христос с небес — встречайте! Христос на земле — возносите! Воспойте Господу, вся земля!» Этими словами начал свою рождественскую проповедь святитель Григорий Богослов, и с тех пор на протяжении шестнадцати столетий они звучат в нашем церковном богослужении, ставя перед нами одни и те же вопросы: в чем значение Рождества Христова для каждого из нас; как мы можем встретить Христа, приходящего с небес; как можем мы вознестись от земли на небо; как можем прославить Христа своей жизнью?

Многие религии, исповедующие единого Бога, обещают человеку, что он сможет в той или иной мере прикоснуться к Богу, испытать чувство Его присутствия и близости. Но ни одна религия, кроме христианства, не позволяет человеку познать Бога как брата, как друга. Через воплощение Сына Божия, по слову преподобного Симеона Нового Богослова, мы становимся сынами Бога Отца и братьями Христа. Бог воплощается, чтобы иметь возможность общаться с нами на равных, чтобы, разделив нашу судьбу и прожив нашу жизнь, получить *право* сказать нам о Себе

и о нас ту последнюю истину, которая никаким иным способом не могла быть нам открыта. Истину о том, что нет пропасти, разделяющей Бога и человека; нет непреодолимых препятствий для встречи между человеком и Богом — один на один, лицом к лицу.

Встреча эта происходит в нашем сердце. Ради этой встречи пришел Господь на землю, стал человеком и прожил человеческую жизнь: родился в вертепе Вифлеемском, бежал в Египет, вернулся в Назарет, воспитывался в доме плотника, крестился, вышел на проповедь, ходил по Галилее, Самарии и Иудее, проповедуя Царствие Небесное и исцеляя болезни человеческие, претерпел страдание и крестную смерть, воскрес из мертвых и вознесся на небо. Все это — ради того, чтобы произошла таинственная встреча, чтобы разрушилась преграда между человеком и Богом, воздвигнутая человеческим грехом. «Средостение градежа разрушися, пламенное оружие плещи дает, и херувим отступает от древа жизни, и аз райския пищи причащаюся», — поется в церковной песни. Преграда разрушена, и меч херувимский, преграждающий вход в рай, отступает; врата рая открываются, и человек возвращается к древу жизни, от которого питается Небесным Хлебом.

История грехопадения Адама — это история всего человечества и каждого человека. Грех Адама повторяется в каждом из нас, когда мы отворачиваемся от Бога и грешим. Но и Христос воплощается для каждого из нас, а потому и спасение Христом Адама — это наше спасение. «Разрешися связанный Адам, свобода же *всем* верным даровася», — говорится в каноне, который читается на повечерии предпразднства Рождества Христова. Во Христе *всем* людям возвращается та богоподобная свобода, которую Адам и его потомки утратили через грех и отпадение от Бога.

Святитель Григорий Богослов называет Боговоплощение «вторым творением», когда Бог как бы заново творит человека, воспринимая на Себя человеческую плоть, «вторым общением» между человеком и Богом: «Существующий начинает существовать; Несозданный создается; Необъемлемый объемлется; Богатый становится нищим через восприятие плоти, чтобы я обогатился Его Божеством... Что за новое таинство? Я получил образ Божий и утратил его, а Он воспринимает мою плоть, чтобы и образ спасти, и меня обессмертить. Он вступает во второе общение с нами, которое гораздо лучше и выше первого».

В воплощении Слова происходит, по выражению святого Ефрема Сирина, «обмен» между Богом и человеком: Бог воспринимает от нас человеческую природу, а нам дарует Свое Божество. Через воплощение Слова происходит *обожение* человека. «Слово воплотилось, чтобы мы обожились», — говорил святитель Афанасий Великий. «Сын Божий стал Сыном Человеческим, чтобы сынов человеческих сделать сынами Божиими», — сказал святой Ириней Лионский. Обожение, к которому человек был предназначен по самому акту творения и которое утратил через грехопадение, возвращено человеку воплотившимся Словом.

И потому именно в Рождестве Христовом происходит всецелое обновление человеческого естества. Не только в том единственном Рождестве, которое произошло две тысячи лет назад в Вифлееме, но и в том рождении Христа, которое вновь и вновь происходит в наших душах. Ибо душа человека — это «скотские ясли», которые Бог делает вместилищем Своего Божества и храмом Своим. Человек в грехопадении «уподобился скотам несмысленным», но Бог приходит к падшему человеку и делает душу его местом, где происходит таинственная встреча между Ним и нами.

Величайшее чудо Боговоплощения — в том, что, совершившись однажды в истории, оно возобновляется в каждом человеке, приходящем ко Христу. В глубоком молчании ночи Слово Божие воплотилось на земле: так воплощается оно в молчаливых глубинах нашей души — там, где умолкает разум, где истощаются слова, где ум человека предстоит Богу. Неизвестным и

неузнанным родился Христос на земле, и лишь волхвы и пастухи вместе с ангелами вышли навстречу Ему: так тихо и незаметно для других рождается Христос в человеческой душе, а она выходит Ему навстречу, потому что возгорается в ней звезда, ведущая к Свету.

Мы таинственно встречаем Христа в молитве, когда вдруг обнаруживаем, что молитва наша принята и услышана, что Бог «пришел и вселился в нас» и наполнил нас Своим живоносным присутствием. Мы встречаем Христа в Евхаристии, когда, причастившись Тела и Крови Христовых, вдруг чувствуем, что наше собственное тело пронизано Его Божественной энергией и в жилах наших течет Кровь Бога. Мы встречаем Христа в других таинствах Церкви, когда через соприкосновение с Ним обновляемся и оживотворяемся для жизни вечной. Мы встречаем Христа в наших ближних, когда человек вдруг раскрывается для нас и мы прозреваем в сокровенную глубину его, где сияет образ Божий. Мы встречаем Христа в нашей повседневной жизни, когда среди шума ее вдруг слышим Его призывный голос или когда видим Его явное и внезапное вмешательство в ход истории.

Именно так — внезапно и неожиданно — вмешался Бог в жизнь человечества двадцать веков назад, когда Своим Рождением повернул весь ход истории. Именно так рождается Он вновь и вновь в душах тысяч людей и изменяет, преобразует и преображает всю их жизнь, делая их верующими из неверующих, святыми из грешных, спасающимися из погибающих.

Пусть праздник Рождества Христова станет праздником рождения Христа в нашей душе и нашего возрождения во Христе. Умолкнем для мира, чтобы в душе нашей родилось Божие Слово и наполнило нас Божеством, Светом и святостью...

1997

Христос гонимый. Второй день Рождества Христова

«Из Египта воззвал Я Сына Моего». Эти слова пророка Амоса о судьбе народа израильского, который был выведен Богом из египетского плена, прозвучали сегодня, на второй день Рождества, в евангельском чтении, посвященном избиению вифлеемских младенцев беззаконным царем Иродом (Мф. 2:13—23). Испугавшись, что родившийся Царь Иудейский когда-нибудь посягнет на его собственное царство, Ирод посылает воинов, приказав им убивать всех младенцев «от двух лет и ниже», в надежде на то, что среди этих младенцев окажется и новорожденный Царь. И Мария с Иосифом и Божественным Младенцем бегут в Египет, чтобы избежать смерти от руки земного царя.

Так, едва родившись, Христос оказывается вовлеченным в конфликт между царством мира сего и Царством Божиим. Он еще ничего не совершил, а Его уже хотят убить. Он еще не научился говорить, а уже вынужден бежать в землю изгнания. И вся Его земная жизнь будет отмечена непрекращающейся враждой мира сего. За все доброе, что Он сделал для людей, эта вражда воздаст Ему оскорблениями, лжесвидетельством, предательством, жестокими мучениями и в конце концов возведет Его на Крест.

Конфликт между Богом и «миром сим» начался до воплощения Сына Божия и не прекратился после Его смерти и воскресения. Задолго до пришествия Христа пророки предсказали, что Христос не будет принят Своим народом, что Он будет изгнан и предан смерти. Пророки обличали народ израильский и призывали его к покаянию, но он не послушал их голоса и встретил Христа всей силой своей ненависти и злобы. Народ израильский ожидал

могущественного «князя мира сего», который освободит его от иноземного владычества, но увидел кроткого Царя Небесного — и отверг Его. Христос «пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин. 1:11).

Конфликт между Богом и миром продолжается и сегодня. И в наши дни незаконный Ирод поднимает руку на сынов своего отечества и предает их смерти. И в наши дни льется кровь невинных, и никто, кажется, не в силах остановить кровопролитие. Но там, где нет мира, нет и Христа; там, где царствует смерть, нет места для Царства Божия; там, где неистовствует Ирод, не может царствовать Христос; там, где убивают детей, не может «жизнь жить». И если Ирод одной рукой строит храм Богу, а другой продолжает совершать убийства младенцев, Бог не примет этого храма. И если он созидает царство Израильское, но одновременно изгоняет Христа в Египет, не устоит царство его.

Христос принес на землю мир, о котором возвестили ангелы: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк. 2:14). Слова эти — о том, что примирение между Богом и человеком, между небом и землей наступает тогда, когда люди готовы примириться между собою, когда на место вражды и войны приходит благоволение — добрая воля. Пока нет у людей воли к примирению и прекращению междоусобной брани, нет между ними места и для родившегося Христа.

Библейский Израиль — это символ Царства Божия; Египет — символ мирового зла. Противостояние Израиля и Египта проходит через все Священное Писание Ветхого Завета. Мы помним о прекрасном Иосифе, которого братья из зависти предали и продали в Египет. Но Бог возвысил его там, сделал «богом фараона», поставил над всей страной. И Иосиф стал спасителем для своих братьев, некогда предавших его... Помним мы и об исходе народа Божия из Египта, земли рабства, в Израиль — землю обетованную. Помним, как гнался фараон за евреями, чтобы погубить их, уничтожить, растоптать конями, раздавить колесницами. Но Господь провел Свой народ через море «по суху», а колесницы фараоновы погибли в пучине.

Все эти библейские рассказы пророчески и прообразовательно говорят об одном и том же — о Сыне Божием, Которого мир предает, продает, гонит и распинает, но Который восстает в силе, воскресает в славе. Борьба между правдой Божией и ложью мира сего продолжается. Но она закончится победой Христовой правды. «И сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1 Ин. 5:4). Христианская вера, которая есть путь из Египта в Израиль, путь от смерти к воскресению, уже сейчас дана нам в залог будущей победы Царства Христова над царством «князя мира сего».

В масштабе всего мира победа Христа может совершиться только тогда, когда Христос вселится в сердце каждого человека. Преображение мира начинается с преобразования человеческого сердца, в котором происходит мистическая встреча со Христом. Будем помнить о том, что с нас, принявших Христа как своего Спасителя, уверовавших в Него как Бога, начинается победа Христова над миром. Пусть не будет среди нас ни одного Ирода. Будем подобны ангелам, вышедшим навстречу Христу, волхвам, поклонившимся Ему, ангелам, воспевавшим в Его честь небесную песнь — о мире на земле и о доброй воле между людьми.

1996

"Безумен муж рече: несть Бог". Неделя по Рождестве Христовом

Сегодня, в неделю по Рождестве Христовом, мы слышим евангельский рассказ о бегстве Иосифа и Пресвятой Девы с младенцем Иисусом в Египет (Мф. 1:18–25). В этом рассказе, помимо Иосифа, Марии и Иисуса, есть еще одно действующее лицо – царь Ирод. Именно от его гнева Святое Семейство бежало в Египет, именно он стал виновником гибели тысяч невинных младенцев.

Первая мысль, которая пришла в голову Ироду, когда он услышал о рождении в Вифлееме Царя иудейского, – что этот Царь может покуситься на его власть. Чтобы избавиться от этой опасности, Ирод призывает умертвить всех младенцев от двух лет и ниже в Вифлееме и его окрестностях. Об этом в богослужебных текстах Православной Церкви говорится: «Безумен муж рече: несть Бог. Иже неистовства исполнився конечнаго, христуубийством недугует, разума же дерзостию отпад, ко убиению младенец неискусозлобных всего себе вооружи, и землю осквернив кровьюми». Здесь указана главная причина безумия Ирода – для него «несть Бог». Иначе говоря, вся жизнь этого человека проходила только в земной перспективе. Для него не существовало Бога, он не боялся Его, поэтому для достижения земных целей он не останавливался ни перед чем, даже перед страшным злодейством. Об Ироде известно, что он был человеком болезненно подозрительным, и эту подозрительность рождала и питала его страсть к власти. Он умертвил не только вифлеемских младенцев, но и многих преданных слуг и даже собственную жену и сыновей: всех их он подозревал в заговоре. Этот иудейский царек I века вошел в историю как безумец, который воле Божией противопоставил свои амбиции, свое стремление во что бы то ни стало удержаться на царском престоле.

Но вот мы видим другого человека, Иосифа. Евангелие говорит о нем очень мало. Когда он был уже обручен с Марией, внезапно обнаружилось, что «Она имеет во чреве от Духа Святого. Иосиф же муж ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее». За этими двумя-тремя фразами евангелиста об Иосифе стоит личная драма человека. Несомненно, Иосиф был праведен. Но что мог подумать этот человек о своей жене – Той, Которую он, как говорится в богослужебных текстах, «взял... от рук священников из храма» и от Которой ожидал лишь самого лучшего и светлого, и вдруг узнал, что Она беременна. Но во сне ему является ангел и говорит о Марии, что «родившееся в Ней есть от Духа Святого». И Иосиф тотчас перестраивает весь свой образ мыслей, весь свой образ жизни. С этого момента жизнь его целиком посвящена Марии и Младенцу, Который не его сын, но Сын Божий. И ради того, чтобы сохранить девство Марии, – ибо мы веруем, что Мария осталась Девой и в браке Своем, и мы исповедуем Ее приснодевство, – ради того, чтобы сохранить жизнь Младенца, Иосиф берет на себя роль главы семейства. Они бегут от гнева Ирода в Египет, и Иосиф охраняет и защищает Марию и Младенца. Позже, узнав о смерти нечестивого царя, они возвращаются в Иудею и поселяются в пределах вифлеемских.

Таким образом, в прочитанном евангельском отрывке перед нами два примера. Один человек живет без Бога, для него не существует ничего, кроме его эгоистичных устремлений и желания во что бы то ни стало удержать все, чем он в этом мире обладает. Другой человек готов отречься от всего и принести в жертву даже свою жизнь за Младенца Христа.

Священное Писание говорит нам, что у каждого из нас есть выбор: избрать путь жизни или путь смерти, путь верности Богу или путь отречения от Него. «Жизнь и смерть предложил я тебе, – говорится во Второзаконии, – благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое» (Втор. 30:19). Перед таким выбором иногда оказываются и целые народы. Народ иудейский стоял перед лицом Христа. Он мог принять Его как своего Спасителя, а мог отвергнуть. И он отверг Его. Но и каждый конкретный человек, каждая душа человеческая часто стоит перед выбором, пожертвовать ли собою, посвятить ли себя Христу или жить так, будто Бога и вовсе не существует. Миллионы людей оказываются перед подобным выбором, и одни избирают жизнь, а другие смерть.

Скоро, в преддверии Великого поста мы услышим притчу Иисуса о Страшном суде, о том, как Господь отделяет «овец» от «козлиц» и одни наследуют Царство Божие, а другие – «геенну огненную». Будем помнить, что разделение на «овец» и «козлиц» происходит уже в земной жизни. Страшный суд начинается уже здесь. И выбор делаем мы сами. Не столько Господь будет определять, идти ли нам в жизнь в вечную или в муку вечную, сколько мы сами определяем свою судьбу, когда избираем жизнь или смерть, благословение или проклятие.

2000

Путь к Богу. Неделя перед Богоявлением

Закончился праздник Рождества Христова, приближается праздник Крещения Господня. В первые века это был один праздник – Богоявления, когда вспоминалось и рождение Спасителя, и выход Его на проповедь. Но к концу IV века Рождество и Крещение стали отмечаться раздельно.

Сегодня, находясь на перепутье между двумя праздниками, мы слышим начало Евангелия от Марка, где говорится об Иоанне Крестителе (Мк. 1:1–8), и конец Второго Послания к Тимофею, которое было написано апостолом Павлом незадолго до его мученической смерти (2 Тим. 4:1–8). Какая связь между этими чтениями? Думаю, та, что оба они говорят нам о вере в Бога как о пути. Вера – это путь, по которому мы идем к Богу, и путь, по которому Господь приходит к нам. Проповедь Евангелия началась со слов Иоанна Крестителя, обращенных к народу: «Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему». А апостол Павел говорит: «Я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил» (2 Тим. 4:67). Течение – значит бег; апостол использует здесь образ бегуна на дистанции, достигшего своей цели, выигравшего соревнование. Таким образом, мы слышим сегодня и о начале, и конце пути, и о том венце, который готовится каждому из тех, кто не споткнулся, не оступился на беговой дорожке духовной жизни, но достиг своей цели. А цель – это Сам Господь.

Началом христианской жизни, началом, которое мы должны полагать ежедневно, является покаяние. Слова Иоанна Предтечи: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3:2) – обращены к каждому из нас. Эти слова нужно понимать не в том смысле, что Царство Божие приблизилось хронологически, но в том смысле, что оно всегда рядом с нами, оно всегда готово придти и приходит к нам. Вопрос лишь в том, готовы ли мы прийти в Царство Божие, принять его в себя. Ведь за пределами Царства Божия останутся не те, кого Господь осудит за их ошибки, но те, кто не возжелал или не нашел в себе сил пройти этот путь до конца, – до дверей Царства Божия, кто остановился на полдороге. И мы должны помнить о том, что, хотя все мы уже на пути, но есть опасность, что мы не дойдем, оступимся, не дотянем, не добежим.

Апостол Павел говорит: «Будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое». «Дело благовестника» – это дело евангелиста. Каждый из нас должен быть проповедником, нести в мир Евангелие Христово – не словами только, но прежде всего нашим образом жизни и той целеустремленностью, с которой должно нам идти навстречу Богу и искать Царствия Божия. В этом мы должны являть пример другим, и в этом заключается наше служение, о котором говорит апостол Павел во втором Послании к Тимофею.

Сегодня, в начале того пути, который ведет нас от Рождества к Пасхе, Церковь напоминает нам о том начале, которое мы должны полагать ежедневно через покаяние, о той решимости, с которой мы должны искать Царства Божия. Церковь напоминает и о том, что Христос всегда с нами, что Царство Небесное близко к нам, и только от нас зависит, достигнем ли мы цели, пройдем ли по

этому пути до конца, получим ли тот венец, который уготован каждому из нас Господом Иисусом Христом. Аминь.

16 января 2000

Праздник воды и света. Крещение Господне

Господь создал воду как стихию жизни, но грех человеческий сделал ее источником смерти. Когда Господь создавал воду, Дух Божий «носился над водою», наполняя воду Своей животворной энергией. Но когда грех человеческий умножился на земле, вода жизни стала водой смерти. В водах Великого потопа погибло ветхое человечество, чтобы дать жизнь человечеству новому, обновленному этими страшными водами.

Перед пришествием Христа на землю, Иоанн Предтеча крестил людей в водах Иорданских. Люди сходили в эти воды ветхими, а выходили новыми, обновленными покаянием, потому что грех человеческий омывался водою. Но затем на Иордан к Иоанну пришел Сам Господь Иисус Христос, чтобы погрузиться в воды Иордана – не для очищения от греха, но для того, чтобы освятить их, преобразить, наполнить жизнью. Иисус пришел на землю, чтобы взять на Себя грех мира: «Он взял на Себя наши немощи, и понес наши болезни» (Ис. 53:4). И в воды Иорданские Он сошел, чтобы взять на Себя тяжесть греха и смерти и водную стихию вновь сделать стихией жизни.

С тех пор ежегодно мы освящаем воду, и вода эта становится великой святыней. Эта вода, в которой присутствует Сам Бог, освящает все, что ею окропляют, она исцеляет людей от болезней.

В Евангелии описаны случаи исцеления при помощи воды. В купальню, называемую Вифезда, время от времени сходил ангел и «возмущал» воду; тот, кто первым входил в воду после «возмущения», выздоравливал (Ин. 5:2–9). Сам Господь использовал воду для исцеления. Когда Иисус увидел слепого от рождения, Он сказал ему: «Пойди, умойся в купальне Силоам» (Ин. 9:7); тот пошел, умылся и прозрел. Господь делает воду источником жизни, она действительно становится для нас живоносной, потому что Дух Божий присутствует в ней и потому что Сам Христос Своей человеческой плотью сходил в нее и наполнил ее Своим Божеством. Причащаясь этой воды, мы приобщаемся Духа Святого и Господа Иисуса Христа, соединяемся с Самим Богом.

Праздник Крещения Господня называется Богоявлением, потому что в момент Крещения Иисуса впервые в истории человечества все три Лица Святой Троицы были явлены людям. Господь Иисус Своею плотью погрузился в воду, Дух Святой в виде голубя сошел на Иисуса, а голос Бога Отца говорил: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 3:13–17). В церковном уставе праздник Крещения Господня называется также Днем Светов, потому что это не только праздник воды и Духа, но это и праздник божественного света, который озаряет внутренние очи человека, просвещает его сердце и преображает все его естество. Это тот свет, который дает нам Господь в таинстве Святого Причащения, в других таинствах Церкви, а также и в освящении воды.

Ведь освящение воды – не просто обряд. Хотя оно и не входит в число семи таинств, но как и в каждом таинстве, в нем происходит преображение материи, ибо обыкновенная вода, которую мы наливаем из крана, преображается и становится святой. Как и в каждом таинстве, здесь происходит встреча человека с Богом, а значит, его освящение и обновление. Происходит нечто гораздо большее, чем то, что случалось с людьми, приходившими к Иоанну Крестителю.

Приходя к Иоанну, люди принимали крещение покаяния и получали оставление грехов. А через приобщение к святой воде мы не только получаем прощение грехов, но и соприкасаемся с Богом Живым.

Будем молиться о том, чтобы в День Светов и мы, участвующие в великом водоосвящении, приобщились божественного света, чтобы изменились и преобразились. Ибо именно в этом, в конечном итоге, состоит цель всех таинств, всех обрядов церковных, цель всей нашей христианской жизни.

2000

Невозможное человеку возможно Богу. Неделя 35-я по Пятидесятнице

Нравственное учение Иисуса Христа было чрезвычайно радикальным, и то, что Он говорил людям, нередко вызывало недоумение. Его проповеди о спасении часто встречали вопросом: «Так кто же может спастись?», – настолько недостижимо высоким казался нравственный идеал Христовой проповеди. И не просто высоким – он казался и до сих пор кажется многим абсолютно не соответствующим тем стандартам, по которым живет большинство людей в этом мире.

На каждой Литургии мы слышим Заповеди блаженства, и сегодня мы снова слышали их в чтении из Евангелия от Луки (6:20–38). В этих заповедях в качестве добродетелей предложено то, что по законам мира сего абсолютно не привлекательно, – «блаженны нищие духом», «блаженны плачущие», «блаженны алчущие и жаждущие правды», «блаженны кроткие». Идеал человеческой жизни в мире сем совершенно иной. Люди мира сего думают, что блаженны и счастливы преуспевающие, богатые, ни в чем не нуждающиеся.

Таким, по-видимому, был и богатый юноша, который подошел к Господу с вопросом, что ему делать, чтобы наследовать жизнь вечную. Это был человек обеспеченный, более того, добродетельный. Он исполнял все те заповеди, которые были даны в Законе Моисеевом (Мф. 19:16–30). И когда Господь увидел, что этот человек стоит на достаточно высоком нравственном уровне, Он предложил ему нечто более радикальное, чем то, что предлагал обычным людям: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19:21). Но оказалось, что слово Христово превысило меру этого в общем-то добродетельного и в высшей степени достойного человека. Оно было не в его меру, выше его уровня.

Заповеди, которые дает нам Христос, превышают меру обычного человека, в отличие от заповедей ветхозаветных, которые вполне укладывались в рамки человеческих возможностей. Для исполнения Заповедей блаженства недостаточно лишь человеческих усилий, необходима особая благодатная помощь Божия, необходимо сотрудничество человека с Богом. Слово Христово слишком радикально, чтобы большинство из нас могло выполнять его своими силами. Никто из нас не способен на такую степень самопожертвования, отречения о себя, чтобы все раздать другим, не оставив себе ничего. А именно это предлагает нам Христос как нравственный идеал, как нравственную норму.

Смысл заповедей Христа заключается в следующем: мы должны жить не для себя, но для других. Мы должны помнить, что если нам дано богатство – будь то материальное или духовное, – то это не для того, чтобы мы накапливали его для себя, а чтобы делились им с ближними. Мы должны с

благодарностью принимать от Бога то, что Он нам посылает. Но нужно помнить, что множество людей вокруг нас находится в худшем положении, и участь хотя бы некоторых из них мы можем облегчить, если чем-то поделимся с ними. А у каждого из нас есть чем поделиться. Если нет богатства материального, есть богатство духовное. Если нет богатства духовного, то, может быть, есть та «нищета духа», которую можно разделить с другими. Словом, всегда можно найти что-то, чем мы можем поделиться с другими.

И еще один важный момент. То, что «человекам невозможно», возможно Богу (Мф. 19:26; Мк. 10:27; Лк. 18:27). И то, что невозможно одному, возможно нескольким людям, которые объединятся, чтобы вместе бороться за добродетель и вместе идти ко Христу. Человеку трудно спастись в одиночку, но гораздо легче как члену церковной общины. Именно Церковь – то духовное пространство, где мы идем к Богу друг вместе с другом и где Бог – наш сотрудник и соратник в деле нашего же спасения. То, что по человеческим представлениям превышает наши силы, становится для нас возможным, если мы призываем на помощь Бога.

Ни один человек не смог и не сможет своими силами достичь спасения. Это возможно только с помощью Божией. Но от нас прежде всего требуется решимость. Преподобный Серафим Саровский говорил, что святого от грешника отличает только одно – решимость. Святой – это человек, который тоже когда-то был грешником, как и все мы, но который решился пойти трудным путем самоотречения и самопожертвования, подчинения своей воли воле божественной. Дай Бог каждому из нас преисполниться решимости исполнять заповеди Христовы, сохранить верность Богу до конца, предать свою волю в волю Божию, чтобы нам достичь спасения во Христе и уготованного нам Царствия Небесного. Аминь.

30 января 2000 года

О фарисействе. Неделя о мытаре и фарисее

Два человека вошли в храм, один — фарисей, другой — мытарь. Первый встал посреди храма и сказал Богу: Господи, я делаю все так, как Ты заповедал — пощусь, даю десятину, исполняю все написанное в законе; благодарю Тебя за то, что я не таков, как прочие люди, не таков, как этот мытарь, который стоит в углу. А мытарь в это время, не смея поднять глаз на небо, говорил только: «Боже! Будь милостив ко мне, грешнику» (Лк. 18:10-13).

В чем разница между этими людьми? Как говорит современный проповедник, разница в том, что один делал все правильно, а другой — все неправильно. Один стоял на правильном месте, в правильной позе — с очами, благочестиво поднятыми горé; он знал, как надо вести себя в храме; в молитве он использовал правильный язык — язык благодарения и хвалы; и даже самовосхваление он превратил в благодарение Богу. А другой стоял не там, где положено, смотрел не на небо, а в землю, не произносил изящные и хорошо сложенные слова благодарения, но из груди его вырывались лишь вздохи и всхлипывания.

Разница между фарисеем и мытарем очевидна. Один пришел к Богу для того, чтобы сказать, что он хорош, что он все исполняет, как надо, и потому заслужил награду от Бога. А другой пришел, чтобы молить Бога о прощении. Действительно, они жили по-разному: мытарь не исполнял все те предписания Закона, которые исполнял фарисей. Но кардинальная разница между ними, которая и определила судьбу того и другого перед Богом, когда один оказался оправданным, а другой осужденным, заключалась в чувствах и мыслях, с какими они приступали к Богу. Мытарь сознавал ту пропасть, которая существует между тем, что он есть, и тем, чем он должен быть. Фарисей же этого не сознавал.

Сущность фарисейства заключается в самопревозношении, в гордыне, которая настолько ослепляет человека, что он перестает видеть разницу между тем, к чему он предназначен, и тем, чем он на деле является. Он уже не видит своих грехов, он видит только свои достоинства. И с этими достоинствами, гордо подняв голову, он приходит к Богу. Фарисейство существовало и существует в самых разных формах, на разных уровнях — на уровне конкретного человека, семьи, группы людей, целой страны.

Фарисейство может стать идеологией. Оно существует как вне, так и внутри Церкви. Но особенно страшно и уродливо бывает проявление фарисейства в тех людях, которые постоянно слышат слово Господне, обращенное к ним, но не проецируют сказанное Господом на свою собственную жизнь. Особенно уродливо проявление фарисейства в человеке, считающем себя истинным христианином.

Вот типичная для многих наших храмов сцена. Идет служба, стоят верующие — каждый на своем месте; все делают правильно: когда нужно, крестятся, когда нужно, кланяются. И вдруг появляется незнакомый человек, которого в храм, возможно, привело горе или покаяние, отчаяние или любопытство. Никогда раньше он не был в церкви и, придя, не знает, как себя вести. И на него тотчас обращаются негодующие взгляды, и он слышит в свой адрес шипение: почему встал не там, почему не крестишься, почему свечку не той рукой передаешь? А если, не дай Бог, девушка войдет в храм в брюках или без платка, то ей придется испить полную чашу «праведного гнева» сегодняшних фарисеев и фарисеек — тех, которые исполняют все, как должно, но у которых в сердце нет ни любви, ни смирения, ни истинного покаяния.

Именно к таким людям обращался Спаситель: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру... Вожди слепые, оцезивающие комара, а верблюда поглощающие! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды... Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» (Мф. 23:23-28).

Одно из наиболее страшных проявлений фарисейства — это когда принадлежность к православной вере становится источником гордыни и превозношения над людьми других вероисповеданий. Нередко православные готовы бывают всех вокруг себя осудить как еретиков и грешников, обреченных на вечные мучения. Часто и приходится слышать от таковых: «Католики, лютеране, англикане не спасутся, только мы спасемся». В связи с этим вспоминаются слова святителя Феофана Затворника: «Я не знаю, спасутся католики или нет. Знаю только, что я вне Православной Церкви не спасусь». Это подход не фарисея, а истинно православного человека, который знает о себе, что *для него* нет иного пути спасения, кроме как от Бога, что скорее все спасутся, чем он, потому что он сознает себя первым из грешников. Вопрос о спасении или не-спасении может и должен рассматриваться каждым из нас только применительно к самому себе: спасусь я или нет? А спасение других предоставим Богу.

Преподобному Антонию, одному из величайших египетских подвижников, однажды пришел помысел: «Есть ли кто-либо в настоящем веке, кто превзошел меня в аскетических подвигах?» И Господь сказал ему: «Пойди в Александрию, на улицу такую-то в дом такой-то; там живет человек, который духовно превзошел тебя». Антоний очень удивился, но отправился в путь и отыскал кожевника. У того была большая семья, он с утра до ночи трудился, ничем не отличаясь от других людей. Антоний долго наблюдал за кожевником, но не мог понять, в чем суть духовного подвига этого человека. Наконец он умолил кожевника сказать, чем он угождает Богу. «Я не знаю, отче, — ответил кожевник. — Я никаких подвигов не совершаю. Каждое утро, идя

на работу, и каждый вечер, возвращаясь с работы, я говорю себе: все люди этого города спасутся и наследуют Царство Небесное, только я один за грехи мои буду ввергнут в геенну огненную». Тогда Антоний понял, что этот человек своим смирением угодил Богу больше, чем многие великие аскеты своим подвижничеством.

Подходя к Святой Чаше, мы исповедуем перед Богом, что Господь пришел грешников спасти, «от нихже первый есмь аз». Как же мы при этом смеем говорить, что мы спасемся, а кто-то другой не спасется? Если я имею надежду на спасение, то я войду в Царствие Божие последним, после всех, именно потому, что я — первый из грешников. И если я думаю о вечных муках, которые кому-то уготованы, то я думаю прежде всего о том, что именно я за свои грехи достоин вечных мучений, а не о том, что другие будут мучиться, пока я буду наслаждаться райским блаженством.

Мытарь сознавал, что перед лицом правды Божией и справедливости Божией он не выстоит, что единственная надежда для него — милость Божия, не знающая границ, не имеющая пределов. Мытарь не смел даже взглянуть на фарисея, который молился в нескольких шагах от него, потому что был уверен, что тот во много раз лучше него, потому что первый из грешников — он, мытарь. Именно потому он и был оправдан Богом.

Фарисейство страшно тем, что оно пытается ограничить милость Божию, ставя Богу рамки, вне которых Он не может спасти людей. Когда святителя Филарета Московского спросили, считает ли он ересью лютеранство, он ответил: «Я не говорю ни то, что это ересь, ни то, что это не ересь. Для того, чтобы решить, ересь это или нет, нужен Вселенский Собор». Сегодняшние же «борцы за чистоту Православия», не задумываясь, ответят, что есть ересь, а что нет. Для этих «фарисеев», многие из которых провели в Церкви всего два или три года, но уже почувствовали, что все знают лучше, чем Филарет Московский или Феофан Затворник, все ответы ясны: они «знают», где ересь, где — не ересь, кто спасется, кто не спасется, уверенные при этом, что если кто и спасется, то первыми будут они.

Вот в чем сущность этого страшного духовного явления. Здесь речь уже не идет о разнице во мнениях или взглядах: христиане имеют право различаться в своем подходе ко многим вопросам, которые не закрыты для обсуждения в Церкви. Здесь речь идет об опаснейшем духовном состоянии, которое на святоотеческом языке можно определить как «прелесть». Фарисейство — это прелесть, прельщение, самообольщение, самопревозношение, духовное ослепление. Оно противоположно покаянию, смирению и самоосуждению, свойственным мытарю.

Православие несовместимо с оскорбительным, уничижительным отношением к другим людям, даже к еретикам, даже к врагам истины, даже к атеистам. И пусть не думают те, кто проявляет себя подобным образом, что они — православные. Истинно православный человек — это тот, кто, как мытарь, входя в храм Божий, не смеет поднять глаза к небу, потому что сознает, что если есть на этой земле самый грешный человек, то это — он сам...

1997

Путь внутреннего делания. Неделя о мытаре и фарисее

С каждым днем мы приближаемся к Великому посту, до начала которого осталось три недели. И Церковь заблаговременно готовит нас к этому времени покаяния, когда мы должны заглянуть внутрь себя, чтобы увидеть свои грехи, немощи, слабости, страсти, дурные наклонности и,

принеся за все это покаяние перед Богом, встать на путь исправления. В эти подготовительные к Великому посту недели мы слышим притчи Господни, которые настраивают нас на покаяние.

В притче о мытаре и фарисее Господь говорит нам о двух людях, каждый из которых олицетворяет собой определенный тип религиозности. У фарисея на первом месте стоит внешнее. Он постится дважды в неделю, дает десятину от всего имущества и уверен, что он не таков, как прочие люди – разбойники, грабители и прелюбодеи. И действительно, он не таков, как прочие люди. То, что он делает, весьма похвально, ибо он исполняет предписания Закона, а это уже немало. И потому Господь не говорит в конце притчи, что мытарь вышел оправданным, а фарисей осужденным, но говорит лишь, что мытарь вышел оправданным более, нежели фарисей.

Спросим себя: есть ли у нас та праведность, которая была у фарисея? Постимся ли мы дважды в неделю? Даем ли мы десятую часть от всего, что имеем, на церковь или на бедных? И окажется, что нашей праведности не хватает даже для того, чтобы достичь уровня, на котором находился фарисей.

Но вот перед нами другой пример – религиозности внутренней. Она не блещет теми добродетелями, которые были свойственны фарисею. Мытарь, по-видимому, и не постился дважды в неделю, и не давал десятину на храм. Но у него было то, чего не было у фарисея. У него была способность взглянуть внутрь себя и там, в сокровенных глубинах сердца, обрести Бога. Придя в храм, он не сравнивал себя с другими, но поставил себя перед милосердием Божиим и, ударя себя в грудь, взывал к Богу в покаянии и сокрушении сердца.

Фарисей сравнивал себя с другими людьми, и действительно, по многим показателям отстоял выше других. Но, похоже, в религии он упустил главное – внутреннее делание, которое было у мытаря, непрестанно повторявшего: «Боже! будь милостив ко мне, грешнику». Многие наши беды происходят именно оттого, мы не умеем сосредоточиться на внутреннем, а разбрасываемся на внешнее. Но все внешнее, в том числе и все внешние атрибуты религиозной жизни, как-то пост, десятина и тому подобное, суть лишь вспомогательное средство, которое может помочь нам заглянуть внутрь себя.

Путь христианской жизни – это путь внутреннего делания. Есть множество людей, о которых не скажешь, что они добродетельные христиане, у которых не хватает самых, казалось бы, элементарных добродетелей верующего человека, а между тем в глубинах их сердца происходит та внутренняя работа, которую видит только Бог, взирающий не столько на слова и даже дела человека, сколько на его сердце. А есть, наоборот, такие люди, у которых все внешние атрибуты христиан соблюдены, а внутри ничего нет, внутри пустота. Конечно, внешние предписания важны и мы должны их соблюдать, но при этом должны помнить, что они даны ради того, чтобы мы внутренне изменялись и преображались. Ибо сущность христианства – во внутреннем делании. Каждый из нас может определить для себя ту меру, в какую мы способны исполнять внешние предписания, ибо не каждый может исполнять их в полной мере. Но ни в коем случае нельзя утрачивать тот внутренний ориентир, который указывает путь в Царство Божие. Аминь.

20 февраля 2000 года

Последняя встреча. Неделя о страшном суде

Сегодняшнее евангельское чтение (Мф. 25:31-46) говорит о той последней, решающей встрече со Христом, которая ждет каждого из нас, когда мы перейдем из жизни настоящей в жизнь будущего века.

Из слов Христа о Страшном Суде мы узнаем, единственным критерием, по которому овцы будут отделены от козлов, является отношение человека к своим ближним. Господь не спросит нас на Суде, соблюдали ли мы посты, совершали ли поклоны, вычитывали ли молитвенное правило — хотя именно в этом многие видят главную цель христианской жизни. Господь спросит, как мы доказали свою веру в Него на деле, то есть как отнеслись к Нему в лице Его меньших братьев — наших ближних: сделали ли мы добро или прошли мимо, не заметив Христа, стоявшего на нашем пути?

О Страшном Суде веками думали как о грандиозном и ужасном событии; рисовали грозного и неумолимого Судию, Который будет подсчитывать грехи и добродетели людей. Человеческая фантазия живописала муки грешников, отсылаемых в огонь проклятия, где они будут нести вечное наказание за совершенные грехи. Но не таково евангельское благовестие: оно говорит нам о том, что Бог есть Любовь. Ветхозаветное представление о Боге-Карателе, «наказывающем беззаконие отцов в детях до третьего и четвертого рода» (Числ. 14:18), сменилось в Новом Завете вестью о Боге, Который возлюбил человека, Сам стал Человеком и умер на кресте ради спасения людей. И именно перед лицом любви Божией, любви Христовой, любви крестной мы окажемся на Страшном Суде.

Из Евангелия мы знаем, что Бог хочет не судить людей, но помиловать и спасти. «Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну», — свидетельствует Христос об Отце (Ин. 5:22). О Себе же Он говорит: «Я пришел не судить мир, но спасти мир» (Ин. 12:47). Итак, ни Отец, ни Сын не хотят судить человека. Кто же будет судить человека на Страшном Суде? Судить нас будет тот Человек, Который стучался в нашу дверь, а мы не пустили Его к себе, Который просил у нас пищи, а мы не дали Ему, был болен, а мы не посетили Его. Судить нас будут наши ближние, которых мы не заметили, когда они стояли на нашем пути — голодные, жаждущие, не имеющие одежды или крыши над головой. Судить нас будет сострадательная любовь Божия, которой мы оказались не верны. В конечном итоге, мы сами осудим себя, когда поймем, что нам нет места там, где любви Божией причащаются дети Божии, которые своей любовью и своим милосердием уподобились Христу.

Каждый день мы встречаем Христа, Который взывает к нам о помощи. На улицах, в метро, в подземных переходах, возле дверей храмов — всюду видим мы нищих, в лице которых обращается к нам Христос. Подать нищему — значит послужить самому Христу, поделиться с Ним, нуждающимся в нашем участии. И наоборот, пройти мимо нищего — значит пройти мимо Христа, упустить свой шанс сделать добро Господу. Разумеется, мы не можем подавать милостыню *всем* встречающимся нам нищим, так как их сегодня слишком много; но хотя бы некоторым помочь необходимо. А о тех, на кого у нас не хватило денег, надо помолиться с состраданием — попросить Господа, чтобы Он Сам помог им. Самое страшное — пройти мимо нищего, *не заметив* его. Не за то ли и был осужден богач, что, когда выносили его на носилках из дома и вносили обратно, не замечал он нищего Лазаря, лежащего у ворот?

Преподобный Симеон Новый Богослов говорит: «Кто дал по одному оболу девяноста девяти бедным, а одного бедного оскорбил или ударил или выгнал ни с чем — кому он это сделал, если, конечно, не Тому, Кто сказал и всегда говорит и будет говорить: *То, что вы сделали одному из этих меньших, Мне сделали* (Мф. 25:40)? Кто дал милостыню сотне бедных, но, имея возможность и другим дать, напоить и накормить их, отказал многим умолявшим его и взывавшим к нему, тот будет осужден как не накормивший Христа, потому что и во всех этих Он есть, и в каждом из «меньших» мы питаем Его. Кто подал сегодня всем все необходимое, но, имея возможность и завтра сделать то же, пренебрежет кем-либо из братьев и оставит его погибать от голода, жажды и холода, тот оставил умирать и презрел Самого сказавшего: *То, что вы сделали одному из этих меньших, Мне сделали*».

Повторю: мы не можем накормить *всех* голодных, одеть *всех* нагих, посетить *всех* больных и находящихся в заключении. Но мы можем сделать добро хотя бы кому-то, особенно тем нуждающимся, голодным, жаждущим, больным, которых Господь посылает *непосредственно* к нам. У каждого из нас есть такие люди — в семье, на работе, в храме: мы знаем об их нужде, и мы можем помочь им, или — не помочь. Если твой друг попал в больницу, посети его. Если твой родственник, сосед по дому, сотрудник по работе оказался в нужде, дай ему денег. Не можешь помочь деньгами, поделись пищей, одеждой. «Ничего не имеешь? Утешь слезою», — как говорит святитель Григорий Богослов. Утешь ближнего твоего теплым словом, состраданием и сочувствием, поделись с ним хоть чем-нибудь, только не будь безучастным к его горю, не пройди мимо.

Страшный Суд, на котором овцы отделяются от козлищ, начинается здесь, на земле. Он происходит всякий раз, когда мы остаемся один на один с бедным, нуждающимся, страдающим. И мы бываем осуждены не только когда не откликаемся на просьбу о помощи, но и когда, погруженные в себя и свои заботы, не замечаем человеческого горя и нужды рядом с собой. Не надо ждать, пока нас попросят о помощи. Если поблизости от тебя живет старик, за которым некому ухаживать, зайди сам к нему и предложи помощь. Если ты знаешь, что твой сотрудник в нужде, предложи ему денег, не дожидаясь, пока он попросит. Если ты узнал, что кто-то из знакомых остался без крова, без средств к существованию, приходи на помощь прежде чем тебя позовут.

Встреча с человеком, находящимся в нужде или в бедствии — это встреча со Христом, это Страшный Суд, который мы переживаем до того, как он совершится над всем человечеством и над каждым из нас в конце истории. От того, что мы сделаем или не сделаем для нуждающегося, зависит наша судьба в вечности. Если мы *здесь* пройдем экзамен на сострадание и любовь, нам не страшно будет *там* предстать перед Христом. Если мы в жизни окажемся верны Христовой любви, суд этой любви не станет для нас катастрофой. Если мы кому-то помогли в земной жизни, этот человек будет стоять рядом с нами на Суде и ходатайствовать о нас перед Богом. Если мы накормили и напоили Христа в лице нуждающихся и страдающих, то, представ на Суд, мы узнаем Его, ибо уже прежде, в земной жизни, многократно Его встречали. Тогда и Он узнает нас и назовет нас Своими: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф. 25:34). Аминь.

1997

"Ночь прошла, а день приблизился".

Прощеное воскресенье

«Ночь прошла, а день приблизился» (Рим. 13:12). Этими словами апостола Павла Церковь вводит нас в Великий пост. Начинается пост с того, что мы должны всех простить и быть всеми прощены. Что же такое — прощение, которое мы будем просить у наших ближних и у Бога?

Простить кого-то иногда бывает легко, а иногда очень трудно. Как правило, нам легче простить *всех* — точнее, тех, кто не находится в непосредственной близости. Гораздо труднее простить тех нескольких людей, которые рядом с нами, может быть, того одного человека, который, как «жало в плоть», как «ангел сатаны», отравляет нашу жизнь. Иногда мы говорим: «Я готов простить всех, кроме одного человека, который сделал мне *слишком* много зла». Но до тех пор, пока мы не простим этого единственного человека, который стоит на пути между нами и Богом, преграждая нам доступ к Богу из-за того, что мы не примирились с ним, до тех пор ночь не пройдет, и день не приблизится.

Ибо ночь — это когда мы помним обиды, когда червь злопамятства гложет наше сердце, когда память о причиненном нам ущербе не дает нам спокойно жить. А день — это когда мы со всеми в мире и готовы простить даже тех людей, которые так глубоко нас ранили, так глубоко оскорбили, что не хватает нам человеческих сил, чтобы примириться с ними. И мы должны просить Бога, чтобы Он совершил чудо и преобразил нашу душу, дав нам силы прощать тех обидчиков, которых мы по человеческим меркам простить не в силах.

Сегодня, в Прощеное воскресенье, мы ждем, что будем прощены теми, кого невольно оскорбили, кому причинили зло. Мы виноваты перед многими — друг перед другом, перед своими близкими. Часто, живя в одной семье, люди годами не могут примириться друг с другом. Случается, что, работая в одном месте, люди подолгу не разговаривают друг с другом, не здороваются, потому что не могут примириться. Но пока не наступит примирение, ночь не пройдет, и день не приблизится. Если же нам не хватает собственных сил осознать, в чем мы виноваты перед другими людьми, будем просить Бога, чтобы Он открыл нам, в чем и за что должны мы просить прощения у ближних.

Не только у ближних, но и у Самого Бога мы сегодня просим прощения. За то, что живем не так, как Он повелел. За то, что сила Божия не явлена через нас миру. За то, что, будучи христианами, мы по делам своим нередко оказываемся хуже неверующих, хуже язычников. За то, что любовь Божия не изливается через нас на ближних. За то, что неверны мы заповедям Божиим. За то, что пропасть лежит между тем, что мы есть, и тем, чем мы должны быть. За все это мы должны просить прощения у Бога.

Сегодня мы должны не только испросить прощения у Бога, но и «простить Бога» за все то, что, по нашим человеческим меркам, кажется несправедливостью. Разве не бывает с нами, что в момент какой-то катастрофы, какого-то крушения, в момент, когда происходит нечто такое, с чем мы не можем примириться, мы спрашиваем у Бога: «Где же Ты? Как Ты допускаешь это?» Например, когда близкий, бесконечно дорогой нам человек уходит — во цвете лет, внезапно, словно Бог «похищает» его у нас без предупреждения. Пережив такое потрясение, человек может «замкнуться» по отношению к Богу, затаив на Него обиду, потеряв к Нему доверие. Тогда человек начинает воспринимать Бога не как милостивого и любящего Отца, но как жестокого и непредсказуемого в своих действиях Властителя. На место любви тогда приходит страх. Бывает, что рана с годами затягивается, а тень недоверия человека к Богу остается. Но пока мы не примиримся со всем тем, что Бог по отношению к нам совершил, сколь бы горьким и болезненным это ни было, пока не скажем, подобно Иову: «Бог дал, Бог взял, да будет имя Господне благословенно», — ночь не пройдет, а день не приблизится.

Подумаем о том, что наша жизнь в земной, человеческой перспективе — совсем не то, что в перспективе божественной: мы видим свою жизнь не так, как видит ее Бог. Часто Господь ждет от нас гораздо большего, чем мы ждем от себя сами. Именно поэтому Он иногда посылает нам испытания, которые кажутся нам жестокими и несправедливыми, но на самом деле являются вразумительными, благодетельными и спасительными.

Подумаем также о том, что земная жизнь дана нам только один раз: у нас нет возможности ее прожить на черновик, а потом пережить на белом. Все, что мы не успеем сделать сегодня, мы не успеем сделать никогда. Поэтому примириться друг с другом и с Богом мы должны *сегодня*. И тогда уже сегодня наша жизнь преобразится, уже сегодня воссияет для нас солнце, и ночь пройдет, а день приблизится...

«Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное». Начало Великого поста.

Покаянный канон преподобного Андрея Критского

В Великом каноне преподобного Андрея Критского перед нами проходят, один за другим, образы библейских героев — праведников и грешников, о которых говорится в Ветхом и Новом Заветах. Многим из нас имена людей, упомянутых в Великом каноне, ничего не говорят, потому что мы плохо знаем Библию, так как не читаем ее ежедневно.

А между тем Библия — это не только история израильского народа, но и летопись души человеческой — души, которая падала и вставала пред лицом Божиим, которая согрешала и каялась. Если мы посмотрим на жизнь людей, о которых говорится в Библии, то увидим, что каждый из них представлен не столько как исторический персонаж, не столько как личность, совершившая те или иные дела, но как человек, предстоявший перед лицом Бога Живого. Исторические и иные заслуги человека отходят на второй план, остается то, что всего важнее: сохранил человек верность Богу или нет. Если мы будем читать Библию под этим углом зрения, то увидим, что многое из того, что говорится о древних праведниках и грешниках, является ни чем иным как летописью *нашей* души, *наших* падений и восстаний, *нашего* греха и покаяния.

Вспомним Иону. Многие из нас читали книгу, повествующую об этом ветхозаветном пророке, и многие, вероятно, восприняли ее как прекрасную древнюю сказку, как легенду о человеке, которого Бог спас из чрева кита. И немногие, наверное, задумывались о том, что история Ионы — это история многих тысяч, миллионов людей, на которых Богом была возложена та или иная миссия, но которые, не справившись с ней, пытались бежать от лица Божия. Разве не случилось и с нами, что мы отказывались исполнять повеление Бога и пытались скрыться от Него? Разве не оказывались мы порой в бездне обезбоженности и оставленности, подобно Ионе «во чреве китове»? Разве не взывали из этой бездны к Богу, поняв, что от Него некуда бежать?

В псалмах Давида — другого ветхозаветного героя, о котором говорится в Великом каноне, — мы читаем: «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо — Ты там; сойду ли в преисподнюю — и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, — и там рука Твоя поведет меня и удержит меня десница Твоя» (Пс. 138:7-10). Поистине, Бог присутствует всюду, и от лица Его никуда не скрыться.

Бог присутствует даже там, где, как нам кажется, Его нет. И Он всегда обращен к нам, даже если мы думаем, что Он отвернулся от нас. Бог никогда не отворачивается от человека, но человек отворачивается от Бога — в этом и заключается человеческая трагедия. По словам одного средневекового западного богослова, Бог никогда не оставляет нас, но мы оставляем Его; Бог всегда слышит нас, но мы часто не слышим Его; Бог всегда внутри, но мы оказываемся снаружи; Бог всегда рядом, но мы нередко далеки от Него. Бог не ввергает человека «во чрево китово», но человек сам бежит от Него, садится на корабль, попадает в бурю, а потом оказывается в пучине богооставленности. И тогда «из глубины», из бездны он взывает к Богу, и Господь приходит к нему на помощь.

Вот в чем мы каемся, вот о чем мы плачем во время Великого поста. О том, что многие дни, которые были даны нам для покаяния, для исполнения заповедей Божиих, дни, когда мы могли жить с Богом, предстоять перед лицом Бога, мы прожили без Него, вдали от Него. Драгоценные

дни жизни, дарованные нам для того, чтобы мы могли приблизиться к Богу, мы потеряли, погубили. Жизнь была дана каждому из нас, чтобы мы пришли к Богу и узрели Его лицом к лицу, но мы не увидели Его. И кто знает, сколько еще Великих постов суждено нам пережить, сколько отпущено нам возможностей для покаяния. Может быть для кого-то их стоящих здесь этот Великий пост окажется последним шансом пересмотреть свою жизнь и обратиться к Богу.

Вслушиваясь в слова Великого канона, всматриваясь в историю жизни людей, бежавших от Бога, но достигнутых Им, людей, которые оказывались в безднах, но которых Бог выводил оттуда, подумаем о том, как Бог выводит каждого из нас из бездны греха и отчаяния для того, чтобы мы принесли Ему плоды покаяния.

Не нужно думать, что покаяние заключается в том, чтобы копаться в собственных грехах, заниматься самобичеванием, стараться выявить в себе как можно больше злого и темного. Истинное покаяние — это когда мы обращаемся от тьмы к свету, от греха к праведности; когда мы понимаем, что прежняя наша жизнь была недостойна высокого призвания, когда перед лицом Бога мы сознаем, как ничтожно все то, что мы делаем, как ничтожны мы сами, и сознаем, что единственная наша надежда — Сам Бог. Истинное покаяние — это когда перед лицом Бога, «призвавшего нас в чудный Свой свет», мы понимаем, что жизнь дана нам для того, чтобы стать детьми Божиими, чтобы приобщиться к Божественному свету. Истинное покаяние — то, которое выражается в делах, а не только в словах, в готовности прийти на помощь людям, в открытости по отношению к ближним, а не в обращенности на себя. Истинное покаяние — это когда мы обращаемся к Богу с надеждой, что, хотя и не в наших силах стать настоящими христианами, в Его силах сделать нас таковыми. Как говорится в Великом каноне, «идеже бо хошет Бог, побеждается естества чин». Там, где Бог хочет, происходят сверхъестественные события: Савл становится Павлом, Иона изводится из «чрева китова», Моисей проходит через море по суше, умерший Лазарь воскресает, Мария Египетская из блудницы превращается в великую праведницу. Ибо, по словам Спасителя, «человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19:26).

«Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное», — говорит Господь (Мф. 3:2). И сегодня, когда мы вступаем на путь, ведущий нас к светлому Христову Воскресению, мы должны принести покаяние за наши прежние грехи, за наше отступничество, за то, что мы бежали от Бога, когда Он хотел, чтобы мы служили Ему. У каждого из нас еще есть шанс, есть время — короткое ли, долгое ли — и это время мы должны употребить на то, чтобы принести достойные плоды покаяния.

1998

«Ни лобзание ти дам, яко Иуда». Неделя 3-я Великого поста, Крестопоклонная

С каждым днем Великого поста мы все ближе подходим к Страстной седмице. И сегодня Церковь выносит для поклонения Святой Крест, чтобы напомнить нам о том, что великопостный путь приведет нас к подножию Голгофы, где мы будем предстоять распятому Господу.

Мы только что слышали евангельское чтение о последних днях Спасителя — о том, как люди, бывшие вокруг Иисуса, один за другим отходили от Него, предавали Его. Его предали архиереи, книжники и старейшины народа израильского. Его предала та толпа, которая еще недавно была свидетельницей Его чудес и которая еще недавно встречала Его с пальмовыми ветвями и со словами «Радуйся, Царь Иудейский». Его предали, не выдержав испытания, ближайшие ученики.

И даже Петр, глава апостольской общины, уверенный, что скорее умрет, чем отречется от Господа, — даже он отрекся.

Лишь немногие из учеников и несколько женщин, которые при жизни Иисуса следовали за Ним всюду, нашли в себе смелость дойти до Голгофы, чтобы стать свидетелями последних минут Спасителя; среди них была и Матерь Божия. Лишь случайный прохожий, Симон Киринейский, оказался способным понести крест Иисуса и тем самым облегчить Его страдания. Большинство же, в том числе воины и стража, стоявшая у креста, издевались и глумились над Иисусом.

Вспоминая людей, находившихся в те дни рядом со Спасителем, подумаем: как бы мы повели себя на их месте. Как и ученики Христовы, мы участвуем в Тайной Вечери, принимаем в таинстве Евхаристии Тело и Кровь Спасителя. Но не отрекаемся ли мы от Господа всякий раз, когда отказываемся исполнить заповедь Его? Не уподобляемся ли мы Петру, который на Тайной Вечери говорит: «Хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя» (Мф. 26:35), — а спустя несколько часов об этом забывает? Не подобны ли мы той толпе, которая сначала с радостью встречает Спасителя, а потом, в час испытания, отворачивается от Него? Не предаем ли мы Спасителя, как Иуда, который, причастившись на Тайной Вечери Тела и Крови Христовых, затем пошел и за тридцать сребренников предал своего Учителя и Господа?

На Тайной Вечери все ученики приобщились Тела и Крови Спасителя, а в Гефсиманском саду они же, участники Вечери, оставили Господа страдать в одиночестве. И позже, когда воины пришли за Ним, те, с кем Господь делил кров и пищу, кого на протяжении нескольких лет ежедневно учил, кому дал власть творить чудеса, в страхе разбежались. Быть с Господом на Тайной Вечери, на Евхаристии, легко и радостно, а идти вместе с Ним через горе и страдание часто оказывается нам не по силам. Для того и проходим мы сейчас Великий пост, для того и участвуем в богослужениях Страстной седмицы, чтобы события, происходившие две тысячи лет назад, отразились в нашей жизни, чтобы тот великий и страшный урок, который тогда получило человечество, стал уроком для каждого из нас. Мы должны понять, что недостаточно идти за Господом только когда нам хорошо с Ним, что недостаточно быть с ним на Тайной Вечери или на горе Фаворской. Господь призвал нас в ученичество, сделал членами Церкви, чтобы мы были причастны Христу страждущему и чтобы эта сопричастность страданиям Христовым была явлена в наших делах по отношению к ближним.

В последние дни земной жизни Христа многие отвернулись от Него. И сегодня тысячи и миллионы людей отворачиваются от Господа. И страшно не то, что в мире есть много людей, враждебно настроенных по отношению к христианству. Страшно, что сами христиане отрекаются от Христа. Не будем удивляться тому, что мир отвергает Спасителя. Будем думать о том, что *мы* оказываемся неверны Ему. Не станем осуждать народ израильский, толпу, которая сначала радостно приветствовала Спасителя, а затем отвернулась от Него. Но задумаемся о нашей собственной ответственности за страдания и смерть Христа, о том, что каждый наш грех — это еще одна рана, нанесенная Христу страждущему. Из-за нас «имя Божие хулится у язычников» (Рим. 2:24), ибо внешние судят о христианстве по нам — недостойным христианам, которые по своим делам ничуть не лучше язычников и безбожников. Подумаем о том, какой урок *мы* можем извлечь из евангельского рассказа о последних днях Спасителя, преданного Своим ближайшим окружением.

Апостол говорит: «Время начаться суду с дома Божия» (1 Пет. 4:17). А дом Божий, Церковь — это мы. Нас Бог будет судить строже, чем людей, которые при жизни не знали Христа.

Будем молиться о том, чтобы нам никогда не отречься от Господа, как это сделал Петр. Будем просить Бога, чтобы нам не уподобиться Иуде, как говорим мы всегда, стоя перед Святой Чашей:

«Не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзание Ти дам, яко Иуда». Будем молиться о том, чтобы не разбежаться нам в страхе перед испытаниями и не забыть о самом главном — о Спасителе.

Мы не знаем, что ждет Церковь в будущем. В начале XX столетия никто не предполагал, что грядущий век станет столь страшным для Церкви, что она пройдет через горнило невиданных дотоле гонений. И сегодня, глядя в XXI век, мы не знаем, что ожидает Церковь. Некоторым кажется: время гонений прошло, Церковь завоевала прочное положение в обществе, наступила «свобода совести». Но не надо обольщаться — времена меняются быстро. Сегодня вся страна прославляет Христа и восклицает: «Радуйся, Царь Иудейский», — а завтра, может быть, этот же самый народ отвернется от Христа, оплюет Его, будет клеветать на Него и, подобно израильской толпе, восклицать: «Да будет распят... Кровь Его на нас и на детях наших» (Мф. 27:22, 25). Именно так произошло в годы революции: люди, которые в детстве ходили в церковь и изучали закон Божий в школе, повзрослев и потеряв веру, своими руками бросали в костер святые иконы, участвовали в осквернении мощей и разрушении храмов.

Что бы ни случилось в будущем с Церковью и со всеми нами, не будем разбегаться в страхе, но встретим испытания мужественно. Будем помнить, что страдание жизни сей по сравнению с жизнью вечной ничтожно и кратковременно. А Царство Божие, которое обещано нам благодаря страданиям и воскресению Господа Спасителя, вечно и нетленно. К этому Царству будем идти, преодолевая все скорби и трудности настоящего времени. И Господь распятый и воскресший да будет с нами во все дни нашей жизни.

1998

«Отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за мною». Неделя 3-я Великого поста, Крестопоклонная

Сегодня Неделя Крестопоклонная, когда Святая Церковь выносит нам для поклонения и для напоминания Святой Крест для того, чтобы напомнить нам о заповеди Христовой, которая обращена к каждому из нас и которую мы только что слышали в Евангелии. «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною». В этой заповеди как бы три момента. «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя». То есть если мы хотим идти за Христом, мы должны прежде всего отвегнуться себя, отречься от себя. Как говорит Господь, «кто хочет душу свою сберечь, тот погубит ее» и «кто хочет душу свою погубить ради Меня или Евангелия, тот спасет ее». Иными словами, человек, который живет только для себя, он все потеряет. Человек, который отдает себя другим, человек, который следует за Христом, который являет правду Божию другим людям, который делится тем, что имеет, со своими ближними, который расточает свое богатство и материальное, и духовное ради других людей, вот этот человек спасет свою душу. Итак, «отвегнись себя», то есть оглянись вокруг и научись замечать не только себя со своими скорбями и радостями, со своими переживаниями, трудностями и успехами, но и других людей, у которых тоже есть и свои проблемы, и свои трудности, и свои радости. Научись жить не только своей жизнью, но и их жизнью. Научись утешать скорбящего и радоваться вместе с радующимся, помогать страждущим, посещать больных — все то, о чем говорит Господь в притче о Страшном Суде. Научись разделять свою жизнь с другими. Или, как еще в Ветхом Завете было сказано, «душу свою отдай голодным». Эта именно та душа, о которой идет речь здесь. Душа — то есть жизнь, то, чем мы живем, то, о чем мы думаем, то, что мы чувствуем — все это подели с другими и отвергнись себя.

Затем следующий момент — это «возьми крест свой». Когда Господь говорил это, Он уже видел Свою собственную смерть, Он видел то, к чему приведет Его Самый Его путь. И это — крест, распятие, страдания. И вот на каждого из нас Господь возлагает крест, который мы несем иногда — с легкостью, если чувствуем помощь Божию, а иногда — сгибаясь под его тяжестью — если нам кажется, что помощь Божия от нас отстывает. Всякий раз, когда мы сгибаемся под тяжестью креста, мы должны помнить о том, что Господь Иисус Христос тоже нес Свой крест. Причем мы несем свой крест, потому что нам необходимо через страдание, через тяжесть избавляться от грехов, избавляться от страстей. У нас просто нет другого пути, нет другого средства у Бога, чтобы нас исправить, и потому Он возлагает на нас этот крест. Но Господь не должен был нести крест, Ему не за что было страдать, кроме наших грехов. Он поднял его ради нас. И поэтому, когда мы несем свой крест, будем терпеливы и будем молить Господа, чтобы Он облегчил тяжесть этого креста и чтобы его благодатная сила во всем нам споспешествовала, помогала нам нести скорби и страдания, которые возлагает на нас жизнь.

И третий момент — «следуй за Мной». «Сначала отвергнись себя, потом возьми крест и потом уже следуй за Мной». Что значит — следовать за Христом? Это значит — подражать Христу, это значит стараться во всем уподобиться Ему, это значит стараться жить так, как Он заповедал, поступать так, как Он поступал. Следовать за Христом — это значит быть среди людей и быть вместе с людьми, это значит — являть людям лик Божий. Это значит — быть такими, чтобы через нас свет Божий распространялся на других людей. Следовать за Христом — это значит — вместе со Христом, пережить все то, что Он пережил: последние дни Своей жизни отвержение собственным народом, поругание, заушение, оплевание и, наконец, крестная смерть и муки на кресте, муки богооставленности, когда Господь взывал: «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты оставил Меня?» Когда мы проходим через такие или подобные состояния, будем помнить, что и Господь через это все прошел. И если Он нас проводит через Голгофу, то для того, чтобы привести нас к воскресению. Если Он проводит нас через страстную седмицу, то для того, чтобы привести нас к Пасхе. И вот у каждого из нас есть эта своя «страстная седмица», которая заключается в том, что на нас возлагается крест, и мы должны его нести. Но будем помнить о том, что эту «страстную седмицу» мы переживаем для того, чтобы потом прийти в воскресение, для того, чтобы достичь Царствия Небесного, для того, чтобы умерев вместе со Христом и сораспявшись Христу, мы бы вместе с Ним воскресли и вошли в жизнь вечную. Аминь.

2001

Лествица духовного восхождения. Неделя 4-я Великого поста

«Весьма развратился нынешний век и весь стал преисполнен превозношения и лицемерия. Труды телесные по примеру древних отцов наших, может быть, и показывает, но дарований их не сподобляется. Хотя, думаю я, естество человеческое никогда так не требовало дарований, как ныне. И справедливо мы это терпим, потому что не трудам, но простоте и смирению являет себя Бог. Хотя сила Господня и в немощи совершается, однако отринет Господь несмиренномудрого делателя».

Это слова из «Лестницы» преподобного Иоанна Синайского, память которого сегодня совершает Церковь. Преподобный Иоанн написал свою книгу более десяти столетий назад для монахов Синайской горы. Но книга эта пережила своего автора, и многие поколения монашествующих и мирян пользовались ею как руководством к действию. До сего дня она остается настольной книгой многих, кто черпает из нее знание о духовной жизни, о жизни в Боге.

«Лествица» святого Иоанна состоит из тридцати глав. Каждая из них посвящена той или иной добродетели, которую нам надлежит достичь, или, напротив, тому или иному пороку, от которого необходимо освободиться. Многие, приходя на исповедь, задают вопросы: как молиться, как достичь смирения, как научиться никогда не раздражаться, как избавиться от злопамятности? Обо всем этом и о многом другом говорит святой Иоанн Лествичник. Книги, подобные «Лествице», важны для нас потому, что их авторы опирались не на книжное знание, а на собственный опыт: они испытали все то, о чем пишут, они прошли по той самой «лествице» духовного восхождения, по которой мы сегодня пытаемся подняться к Богу.

Уже в VII столетии, когда жил святой Иоанн, подвижники понимали, что «век нынешний развратился» и что телесные труды они могут совершать, но дарований древних отцов не сподобляются. То же самое происходит со многими людьми в наше время, когда они, казалось бы, делают все, чтобы достичь духовных высот, но не достигают и в малой степени того уровня, на котором находились древние святые.

Мы слышали сегодня слова святого апостола Павла о том, что мы должны дорожить временем, «потому что дни лукавы» (Еф. 5:16). Удивительно, как слова апостола, жившего в I веке, переключаются со словами Отца Церкви VII века и как они актуальны для нас сегодня, на рубеже XX и XXI веков. «Дни лукавы», — говорит апостол Павел; «век нынешний развратился», — пишет святой Иоанн Лествичник. Слова апостола Павла по-славянски звучат так: «искупующе время, яко дние лукави суть»; это — буквальный перевод греческого оригинала. Время настолько дорого, что его нужно «выкупать», покупать, его нельзя «распродавать» за бесценок, тратить попусту. Мы не должны, не имеем права потерять ни дня, ни часа, ни минуты нашей жизни. Восходя по лестнице, мы не можем остановиться на какой-то из ступеней. До тех пор, пока мы не пройдем все ступени, мы не достигнем уготованного нам Царства Божия.

Сегодня в евангельском чтении мы слышали начало Нагорной проповеди Спасителя: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блажены вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5:3-12).

Эти слова Спасителя, которые мы многократно слышали на Божественной Литургии, которые много раз читали и читаем — тоже суть не что иное, как лествица духовного восхождения. Не пройдя по ее ступеням, мы не достигнем Царства Небесного. Милосердие, милость, кротость, покаяние, смирение — без этого никто не может стать настоящим христианином, а значит и войти в вечность. И не случайно святой Иоанн Лествичник говорит, что не трудам, но простоте и смирению являет Себя Бог. Можно понести много трудов, совершить много аскетических подвигов, но если в человеке нет простоты и смирения, он не достигнет того, ради чего совершается духовное восхождение. И именно потому «полагаем мы труды, но дарований древних отцов не сподобляемся», что нет в нас простоты и смирения, что в нынешний лукавый век не умеем мы «выкупать время» таким образом, чтобы быть чистыми сердцем, смиренными, плачущими, алчущими и жаждущими правды, и, когда нас поносят и злословят, когда нам завидуют и против нас клеветуют, оставаться простыми, смиренными и искренними перед Богом.

Но другого пути нет у нас. Восхождение по этой лествице — единственный путь к достижению уготованного нам блаженства. Причем приобщиться к нему мы можем не только за гробом, но уже в этой жизни. Здесь, на земле можем мы приобщиться не только к трудам древних отцов, но и к тем дарованиям, которые были у святого Иоанна Лествичника, у апостола Павла и у многих

святых, чьи имена мы постоянно вспоминаем в Церкви. Труды древних отцов нам недоступны, но учиться простоте и смирению мы можем.

Что же такое смирение? Это не самобичевание, не нарочитое самоуничижение, не копание в собственных грехах. Смирение — это прежде всего память о Боге, чувство присутствия Бога и мысль о собственном ничтожестве перед величием Божиим. А что такое простота? Это не невежество, не обскурантизм, не отказ от знаний. Простота — это интегральное, цельное, целостное предстояние Богу и посвящение Ему всей жизни.

Только тогда жизнь человеческая имеет непреходящую ценность, когда она отдана Богу и ближним. И время наше только тогда драгоценно и «выкупается», когда мы употребляем его на дело Божие, на исполнение заповедей Божиих. Для того и дано нам время земной жизни, чтобы в наши лукавые дни, в наш развращенный век мы являли простоту и смирение истинных христиан — тех, которые, по слову апостола Петра, призваны возвещать совершенство Призвавшего их из тьмы в чудный Свой свет (1 Пет. 2:9).

Вот по какой лестнице должен восходить христианин. И именно об этом напоминает нам сегодня Церковь. Будем помнить о нашем высоком призвании, о великой задаче, стоящей перед нами, и не будем ни на день, ни на час, ни на минуту останавливаться на пути восхождения к Богу.

1998

Память преподобного Иоанна Лествичника. Неделя 4-я Великого поста

Мы прошли уже больше половины Великого поста. Многие из нас почувствовали усталость, оскудение сил. Мы думаем: хватит ли у нас решимости довершить пост? И в этот момент Церковь напоминает нам о том, что наше восхождение к Богу, наш постнический подвиг должен проходить постепенно, подобно подъему с одной ступени на другую, переходу от силы в силу. Церковь напоминает нам о том, что невозможно побороть все наши недостатки сразу, в одночасье избавиться от грехов и научиться добродетелям. Мы должны идти шаг за шагом, ежедневно работая над собой, побеждая страсти одну за другой и приобретая добродетели. Именно этой теме постепенного восхождения к Богу посвящена книга святого Иоанна Лествичника, чью мы сегодня празднуем.

«Лествица» включает тридцать «Слов», каждое из которых посвящено какой-либо добродетели или какому-либо пороку. «Лествица» содержит множество ценных духовных советов. Написанная в VII веке для монахов Синайской горы, она содержит много уроков, которые относятся к нам, живущим почти четырнадцать веков спустя. Прочитаем, например, Слово 28-е, которое посвящено «священной и блаженной молитве» и мы увидим, как много там полезного для нас. «Молитва, — пишет святой Иоанн Лествичник, — есть пребывание и соединение человека с Богом; по действию же она есть утверждение мира, примирение с Богом... умилоствление о грехах, мост для переходения искушений, стена, защищающая от скорбей, сокрушение браней, дело ангелов, пища всех бесплотных... пища души, просвещение ума». Святой говорит, из чего должна состоять наша молитва: «Прежде всего изобразим на хартии нашего моления искреннее благодарение Богу; потом исповедание грехов и сокрушение души в чувстве; после сего да представляем Царю всяческих наши прошения». Таким образом, молитва должна включать три элемента: благодарение Богу, исповедание грехов и прошения, которые мы обращаем к Богу. Ведь если мы забываем поблагодарить Бога, если мы забываем исповедать грехи, то и те просьбы наши могут не дойти до Бога, остаться неуслышанными. Слово 28-е содержит и другие советы,

например: «Не употребляй в молитве твоей премудрых выражений; ибо часто простой и неухищренный лепет детей был угоден Небесному Отцу их. Не старайся многословить, беседуя с Богом, чтобы ум твой не расточился на изыскание слов. Одно слово мытаря умилиствовало Бога, и одно изречение, исполненное веры, спасло разбойника».

Нередко мы, встав на молитву, многословим, произносим одно слово за другим, но ум наш не вникает в смысл этих слов. Многие жалуются, что, вычитывая молитвенное правило утром и вечером, они не способны сосредоточиться на их содержании. Обычно это происходит оттого, что многословием и многомыслием мы забиваем в себе то главное, что должно быть в нас во время молитвы, – чувство искренней любви к Богу, обращенности к Нему. Святой Иоанн Лествичник дает простой совет: молитва должна быть немногословной. Одно слово мытаря: «Боже! будь милостив ко мне грешнику» (Лк. 18:13) – умилиствовало Бога. И одно слово разбойника: «Помяни меня, Господи, когда прийдешь в Царствие Твое» (Лк. 23:42), – сделало его достойным рая. Мы должны учиться такой молитве, которая охватывала бы все наше существо, когда каждое слово, родившееся в нашем сердце, доходило бы до Бога. Для этого не нужно особое время и особые условия. Краткую молитву – молитву мытаря или молитву Иисусову – можно творить в любое время и в любом месте, и она будет для нас тем мостом, который соединит нас с Богом.

Вот еще совет святого: «Старайся всегда возвращать к себе уклоняющуюся твою мысль, или, лучше сказать, заключай ее в слова молитвы». Смысл молитвы не в том, чтобы вычитать какое-то количество текстов, но в том, чтобы ум наш был «заключен в слова молитвы». Если молитвенное слово не дошло до нашего сердца, оно не дойдет и до Бога. Если мы молимся одними устами, а ум наш блуждает на стороне, то такая молитва бессмысленна, это пустое времяпрепровождение. Нужно учиться тому, чтобы за каждым словом молитвы стояло живое чувство. Если мы находим в себе силы молиться теми молитвами, которые Святые Отцы составили для нашей пользы, то изберем краткие молитвы, но будем помнить, что самое главное – это заключать в слова молитвы наш ум, наше сердце и наше чувство.

Преподобный Иоанн Лествичник говорит: если ты долго молился, но не видишь плодов, не отчаивайся, «ибо самое пребывание в молитве есть уже приобретение». Действительно, мы молимся не только для того, чтобы поблагодарить Бога, исповедать свои грехи или испросить что-то у Бога. Мы молимся и для того, чтобы просто побыть с Богом. Если выдаются в течение дня какие-то минуты или часы, когда мы можем пообщаться с Богом, то это ценно само по себе. И даже если мы просили Бога о чем-то, но наше прошение осталось не исполненным, не будем думать, что молитва была безрезультатной. Уже одно то, что мы обратились к Господу, предстали перед Ним, возложили на Него свое упование, приближает нас к Нему и возводит на новые ступени той самой лестницы, по которой каждый из нас должен восходить в Царствие Небесное.

2000

О царстве Божиим. Вход Господень в Иерусалим. Благовещение Пресвятой Богородицы

Сегодня совпали два великих праздника — Благовещение и Вход Господень в Иерусалим. Одновременно созерцаем мы начало и конец земного странствия Господа нашего Иисуса Христа. Начало — когда архангел Гавриил явился Деве Марии в Назарете и возвестил Ей о рождении от

Нее Сына Божия, Царя Иудейского. Конец — когда Сын Божий вошел в Иерусалим, чтобы там принести Себя в жертву за спасение мира.

В Назарете ангел говорил Деве об Иисусе: «Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца» (Лк. 1:32-33). А в Иерусалиме народ приветствовал Иисуса словами: «Осанна! Благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!» (Ин. 12:13). В обоих случаях речь идет о Царе и о Царстве. Но ангел возвещал о вечном Царстве Бога над человечеством, иудеи же тосковали о земном царстве Давида над Израилем. Они видели в Иисусе пророка, который исцеляет людей и совершает чудеса: только что Он воскресил из мертвых Лазаря четверодневного. И они надеялись, что такой Человек сможет стать достойным царем, а потому и вышли навстречу ему с пальмовыми ветвями.

В течение всей Своей жизни Иисус был нищим странствующим проповедником, не имевшим, где приклонить голову. У Него не было ни дома, ни слуг, ни денег, чтобы заплатить подать... При этом Он всегда говорил о Царстве: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» — это были Его первые слова, обращенные к народу (Мф. 3:2). Все Его притчи — не тему Царства: «Чему уподоблю Царство Божие?» — спрашивает он. И отвечает: оно подобно зерну горчичному, жемчужине, найденной на поле, закинутому в море неводу, закваске в тесте.

Иисус всегда сознавал себя Царем. Даже на суде у Пилата, оболганный и поруганный, преданный Своим народом, на вопрос прокуратора: «Ты Царь Иудейский?» — отвечал: «Ты говоришь» (Мф. 27:11), — то есть «Да, Я Царь Иудейский». Но, говорил Он, «Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда» (Ин. 18:36). В Царстве Христа нет служителей, которые могли бы помочь Ему, применив, например, военную силу; там есть только друзья Его, такие же кроткие и смиренные, как Он Сам, готовые следовать за ним на Голгофу.

Праздник Входа Господня в Иерусалим — радостный и печальный. Радостный — потому что мы видим, как Господа встречают со славой, слышим голоса младенцев, восхваляющих Царя Израильского. Печальный — потому что знаем: Христос входит в Иерусалим, чтобы претерпеть страдания и добровольную смерть на кресте.

Когда-то святитель Григорий Богослов жаловался на то, как отнесся к нему народ в Константинополе: «Иных встречают с цветами, а меня встретили камнями». В жизни этого святителя были моменты, когда его встречали криками одобрения, рукоплесканиями, когда сам император выходил ему навстречу и брал под руку под одобрительные возгласы толпы. Но симпатии толпы непостоянны: сегодня тебя поднимают на щит, а завтра побивают камнями. Сегодня мы видим, как жители израильской столицы встречают Христа с пальмовыми ветвями в руках, но очень скоро Он будет поруган, от Него отвернутся, Его предадут, осудят и распнут на кресте.

Трагизм события, которому посвящен сегодняшний праздник, в том, что Христа встречали как царя, который воссядет на престоле Давидовом, как политического вождя, пришедшего освободить Иудею от ненавистных оккупантов-римлян; надеялись, что Он восстановит утраченную государственность, державность — идеалы, столь дорогие многим из тех, для кого земное превыше небесного. Но Он не оправдал этих надежд. И потому уже через несколько дней та же толпа, которая сегодня восторженно приветствует Христа, закричит: «Распни, распни Его!». И те, кто ныне провозглашает: «Благословен Царь Израилев», — будут восклицать со злой иронией: «Если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него» (Мф. 27:42). Со словами: «Радуйся, Царь Иудейский!» — Иисуса будут бить по голове тростью и плевать на

Него. Разочарование иудеев будет так велико, что, когда Пилат напишет на кресте Христовом: «Сей есть Иисус Назорей, Царь Иудейский», — они скажут ему: «Не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский» (Ин. 19:19, 21).

Иудеи ждали Мессию, могущественного монарха, самодержца, перед которым они могли бы рабски склониться. Ему — Создателю вселенной — ничего не стоило, если бы Он захотел, не только стать властителем Иудеи, но и подчинить Себе всю Римскую империю. Но то, что велико в глазах людей — ничтожно перед Богом. Иисус отверг искушение земного владычества в самом начале Своего пути, когда диавол искушал Его в пустыне, предлагая Ему все царства мира. Вместо земных царств Иисус взыскал одного — сердца человеческого, которое Он покорил не силой и могуществом, но кротостью и смирением. Иисусу нужны не рабы, но свободные сыны, которые избрали Его своим царем потому, что полюбили Его, а не потому, что Он сумел подчинить их Своей власти. Сын Божий стал Сыном Человеческим, чтобы сыны человеческие стали сынами Божиими — свободными и богоподобными. И в этом нашем усыновлении Богу, в этом призвании к богоуподоблению и обожению — величайшая тайна Боговоплощения.

Иудеи не узнали своего Мессию: они не вместили благовестия о Царстве, которое внутри сердца человеческого, о горнем Иерусалиме, о небесном престоле Небесного Царя. Он учил их притчами о Царствии Божием, а они все пытались узнать, *когда и где* увидят они это обещанное Им Царство. Но Он отвечал: «Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17:20-21). Иудеи так до конца и не поняли, о каком Царстве говорил Христос — не поняли до тех самых пор, пока не увидели Иисуса распятым на кресте с надписью «Царь Иудейский». Тогда только было явлено миру то, о чем Он говорил в Своих проповедях: Царство Божие — это распятая на кресте любовь Бога к человеку.

Царство Божие приходит не «приметным образом», но таинственно и тихо, и наполняет собою сердце наше. Христос приходит к нам с той же кротостью и смирением, с какими Он вошел в Иерусалим, и Он становится нашим Царем, а мы — Его народом. Он покоряет нас не силой и могуществом, но любовью и смирением, и мы выходим навстречу Ему с зажженными свечами и ветвями вербы, символизирующими пальмовые ветви. И в этой встрече людей с Господом — величайшая победа, которая когда-либо была одержана в истории человечества.

Господи, даруй нам никогда не отвернуться от Тебя, подобно народу израильскому, не предать Тебя, подобно Иуде, но принять Тебя как Царя и Спасителя. Даруй нам сохранить верность Тебе во все дни нашей жизни. Даруй нам стать Твоими сынами и войти в Царствие Твое, которому не будет конца. Аминь.

1996

«Если не обратитесь и не будете как дети».

Вход Господень в Иерусалим

Мы только что слышали евангельский рассказ о том, как Господь за несколько дней до Своей крестной смерти входил в Иерусалим и множество народа встречало Его. Люди резали пальмовые ветви и постилали их по дороге, восклицая: «Осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне!» (Мф. 21:1–17). Среди встречавших Христа было и много детей.

В одном из богослужебных песнопений этого праздника говорится о том, что дети встречали Христа как Бога. Это можно воспринять как аллегория, иносказание, но можно увидеть в этом и

более глубокий смысл. Когда Христос явился в мир, люди видели в Нем человека. Одни относились к Нему с любовью и восхищением, другие с подозрением, третьи с ненавистью. Когда, сидя на молодом осле, Господь въезжал в Иерусалим, первосвященники и книжники испытывали по отношению к Нему лишь зависть. А вот дети вышли навстречу Христу, чтобы почтить Его, порадоваться Его пришествию в Иерусалим. Вряд ли они, да и все, кто находился в тот день рядом с Иисусом, понимали, что Он – Бог Воплотившийся. Но, несомненно, были люди, которые это чувствовали, так как некая таинственная божественная сила влекла их ко Христу. И среди таких людей были дети. Сегодня мне хотелось бы сказать несколько слов о том, как дети воспринимают Бога и как мы, взрослые, должны воспитывать детей.

Вы помните случай из Евангелия, когда дети были приведены к Иисусу, а ученики возбраняли им, и Христос сказал: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19:14). Вы помните также, как Господь, призвав дитя, поставил его посреди учеников и сказал: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3). Почему Христос так говорил? Потому что дети многое воспринимают гораздо глубже и сильнее, чем взрослые. За спиной каждого взрослого прожитые годы, богатый опыт сомнений и разочарований. У детей этого опыта, как правило, нет. И у них нет того искаженного видения мира, которое характерно для многих взрослых. Дети все воспринимают таким, каково оно есть.

И в то же время именно на взрослых лежит обязанность религиозного воспитания детей. Есть такой рассказ. Женщина пришла к священнику с новорожденным младенцем и спросила: «Когда нужно начинать его воспитывать?» Священник ответил: «Если вы еще не начали, то уже опоздали на девять месяцев». Действительно, ребенка нужно начинать воспитывать еще до рождения. Если мать, которая носит ребенка во чреве, ходит в храм, причащается Святых Христовых Тайн, если на устах ее молитва и она участвует в благодатной жизни Церкви, то это благотворно скажется на ребенке. Даже еще не родившийся ребенок способен воспринимать благодать Божию.

Когда ребенок рождается, мы совершаем его крещение. И хотя ребенок и на этом этапе еще не воспринимает ничего рационально, но благодать Божия касается его сердца и начинает свое преображающее и изменяющее действие. Очень важно младенцев и грудных детей, приносить к таинству Святого Причащения. Мы не можем объяснить детям, что такое Причастие, как нередко мы не в состоянии объяснить это и взрослым, но знаем по опыту, что дети, которых регулярно приносят в храм для причащения, к Святой Чаше идут с радостью: все их существо ликует от встречи с Христом.

Позже, по мере того, как ребенок вырастает, начинает говорить и рационально воспринимать окружающий мир, мы должны очень осторожно и постепенно, но постоянно вводить ребенка в церковную жизнь, объяснять ему смысл церковных таинств, рассказывать ему о Боге. Но нужно быть чрезвычайно внимательными, чтобы не нарисовать неправильный, искусственный образ Бога.

Нередко бывает, что родители в воспитательных целях используют Бога для придания большего авторитета самим себе. Иногда ребенку внушают, что Бог – это грозное и сердитое существо, готовое за каждый самый незначительный проступок строго наказать. Такие родители внушают ребенку: «Не будешь меня слушаться – Бог тебя накажет». Это ложное, противоестественное и антихристианское представление о Боге. Мы должны учить детей тому, что Бог их любит, любит каждого, независимо ни от чего; и что бы ни происходило, любовь Бога не становится меньше. Говоря с детьми о Боге, мы должны сознавать: все, что закладывается в душу ребенка в первые годы его жизни, в той или иной степени будет отражаться на жизни последующей. И в большинстве случаев именно неправильные методы воспитания, неправильные представления о

Боге, которые взрослые внушают детям, приводят к тому, что дети, достигнув юношеского возраста, отходят от Церкви, отворачиваются от Бога.

Мы слышим в нашем храме крики детей – такие же, какие слышал Господь Спаситель, когда входил в Иерусалим. Мы должны радоваться этому и благодарить Бога за то, что Церковь не оскудевает, что в нее приходят новые и новые поколения людей. Но мы должны помнить и о той великой ответственности, которая возложена на каждого из нас за воспитание наших детей. Христос говорит: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф. 18:6). Это грозное предупреждение обращено к каждому из взрослых.

Празднуя сегодня Вход Господень в Иерусалим, готовясь к вступлению в Страстную седмицу, когда мы будем переживать вместе со Христом все то, что пережил Он в последние дни и часы Своей земной жизни, не забудем о детях, чтобы и они стали участниками всего того прекрасного, светлого и божественного, к чему мы приобщаемся в Церкви Христовой.

2000

"Чтобы радость ваша была совершенна". Вход Господень в Иерусалим

Сегодня мы празднуем вход Господень в Иерусалим — одно из самых грустных и одно из самых радостных вместе с тем событий из земной жизни Иисуса Христа. Оно грустное потому, что Иисус Христос входил в Иерусалим с великой славой, Его встречал народ, но входил Он не для того, чтобы там еще больше прославиться, а для того, чтобы отдать Свою жизнь за спасения людей, для того, чтобы пострадать и умереть. Но в то же время это событие радостное, потому что очень многие люди, встречая Его в тот момент, испытывали радость, которая выражалась и в том, что они держали пальмовые ветви, и в том, что они постилали одежды на пути Иисуса, и особенно эта радость была сильна в детях, которые, может быть, не сознавали всего величия происшедшего, но которые чувствовали своим духом, своим сердцем, что Иисус Христос приносит им радость. И вот об этой радости сегодня говорит нам апостол Павел в Послании к Филиппийцам, которое мы только что слышали. Он говорит: «Братья, радуйтесь всегда в Господе, и еще говорю — радуйтесь». Мы должны вслушаться в эти слова и понять, что христианство с самого начала и до самого конца является религией радости. Есть много других религий, в которых проповедуется послушание Богу, страх перед Богом, которые учат людей любить Бога, но, пожалуй, именно христианство является по-настоящему и в полной мере религией радости. Это несмотря на то, что именно христианство — религия воплотившегося Бога — вмещает в себя и весь трагизм человеческой жизни. Об этой радости говорится на протяжении всего Евангелия. Когда Христос родился, ангелы явились пастухам и сказали: «Мы благовествуем вам великую радость». И затем, когда Иоанн Креститель проповедовал о Христе, он говорил о себе как о друге Жениха, который радуется радостью Жениха. Господь Иисус Христос в своих притчах неоднократно говорил о пути к Богу как о пути радости. Вспомните притчу о жемчужине, когда человек, найдя драгоценную жемчужину, продает все, что имеет, от радости, идет и покупает эту жемчужину. Он не просто так продает все, что имеет, не по расчету, не потому, что думает, что эта жемчужина будет стоить дороже, чем все, что он имеет. Но он продает все от радости и покупает эту жемчужину. Вспомните притчу о заблудшей овце, когда девяносто девять овец не заблудились, а одна заблудилась. И пастырь добрый выходит на поиск этой овцы и когда находит, с радостью возлагает ее на плечи свои и, как говорит Господь, «бывает на небесах радости больше о спасении одного грешника, чем о девяносто девяти праведниках». И вот даже в Своей последней беседе с учениками на Тайной Вечери — мы очень

скоро услышим эту беседу, когда будем здесь слушать двенадцать Евангелий вечером Великого четверга, — в этой последней беседе, хотя Христос предсказывает ученикам о Своем страдании и о Своей смерти, но Он несколько раз говорит им о радости. Он говорит: «Я хочу, чтобы моя радость в вас пребывала, и чтобы радость ваша была совершенна». И Он говорит: «Сейчас вы имеете скорбь, но скоро настанет время, когда вы не будете помнить скорби от радости». И Он сравнивает эту радость христианина, познавшего опытно Воскресение Христово, с радостью женщины, которая несет скорби, когда готовится к рождению ребенка, но когда ребенок рождается, она уже не помнит скорби от радости, «ибо родился человек в мир». И, наконец, когда Христос воскрес, и мироносицы со страхом приходили ко гробу Его, не зная, что они там обретут, и они увидели ангела, потом они встретили Самого Христа, и они с радостью побежали и возвестили ученикам. И весь подвиг апостолов, вся их проповедь о воскресшем Христе, она была пронизана той же самой радостью, которой пронизано все Евангелие. И вот такой должна быть и наша христианская жизнь.

В духовной жизни есть много трудов, и от нас требуется подвиг, ежедневный подвиг работы над собой, ежедневный подвиг покаяния, ежедневный подвиг верности Христу. Но весь этот подвиг плодом своим имеет радость. И эта радость является не просто результатом подвига христианской жизни, но она сопутствует этому труду, который мы ежедневно полагаем для нашего спасения. Как преподобный Иоанн Лествичник в своей книге «Лествица» говорит о радости покаяния. Он называет это «радостотворным плачем». И он спрашивает, почему покаяние, которое должно быть сопряжено со скорбью, приносит нам такую радость? Оно приносит ее потому, что эта радость неземная, эта радость, имеющая мало общего с тем весельем, которым веселятся люди в мире сем, когда они придумывают для себя развлечения, а потом радуются, участвуя в этих развлечениях. Но эта радость поверхностная, она скоропреходящая. И когда она уходит, она оставляет в человеке ту же пустоту, которая в нем была до того, как эта радость пришла. А та радость, которую дает Христос, которую дает Господь, она остается в человеке навсегда, потому что это не скоропреходящая земная радость, а это Сам Бог, Который вселяется в человека, это тот духовный мир, о котором говорит сегодня апостол Павел: «Мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе. То есть это совершенно особый сверхъестественный мир, который вселяется в сердце человека благодаря Христу. А в этом мире, Христос тоже говорил своим ученикам на Тайной Вечере, — «мир оставляю вам, мир Мой даю вам». И Он подчеркивал: «Не так, как мир сей дает», — но совершенно особый духовный мир, который приходит от Бога. И вот все это мы узнаем на собственном опыте в христианской Церкви.

Мы вступаем в дни Страстной седмицы, когда вместе со Христом будем переживать скорбь Его последних дней, когда будем шаг за шагом следовать за Христом вплоть до Голгофы, до распятия, до того гроба, в котором Он был погребен. Мы сойдем вместе с Ним душою во ад, куда Он сошел после Своей смерти для того, чтобы вместе с Ним воскреснуть. Но эта скорбь Страстной седмицы — она преложится в радость о воскресении Господнем, и эту радость Господь даст нам ощутить в ночь Святой Пасхи, когда произойдет то самое, о чем говорил Христос, что «жена, когда рождает, терпит скорбь, но когда родит младенца, то уже не помнит скорби от радости». И мы тоже не будем помнить скорби от той радости, которая переполнит наши сердца.

И еще об одном хотелось бы сказать в связи с этой темой. Вся наша жизнь земная состоит из скорбей, который перемежаются с радостью. Как правило, скорбей в жизни человека бывает больше, чем радостей. Скорби — это наш ежедневный крест, а радости приходят иногда. Испытания от Бога приходят постоянно, а утешение приходит лишь в особых случаях. Но надо понимать, что и время этой сегодняшней жизни нашей, время нашей земной жизни — это тоже подготовка к жизни будущей, это тоже те скорби, которые мы терпим здесь для того, чтобы потом «войти в радость господина своего», для того, чтобы потом возрадоваться в Царствии

Божем со всеми святыми, где непрестанное ликование, где непрестанная радость о Христе Иисусе. Будем помнить, что и Страстная седмица дана нам для этого, и вся наша жизнь в Церкви дана нам для этого, и весь христианский подвиг, который несем, все это для того, чтобы «войти в радость господина своего», войти в радость Господа. Аминь.

Тайная вечеря. Великий Четверг

Мы собрались на Тайную Вечерю Христову, чтобы вместе с апостолами причаститься пречистого Тела и честной Крови Христа Спасителя, чтобы сделаться общниками Божества, чтобы Тело Бога воплотившегося стало нашим телом, и Кровь Его стала нашей кровью.

«Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем». В этих словах Господь говорит нам о двух вещах: о Его пребывании в нас и о нашем бытии в Нем. Господь пребывает в нас, потому что Он стал человеком, принял человеческую плоть. В воплощении Своем Он принял плоть не абстрактного человечества, но каждого конкретного человека: Он принял плоть каждого из нас. А мы пребываем в Нем, потому что принимаем в себя Его плоть — человеческую плоть воплотившегося Сына Божия, ту самую плоть, которую Он воспринял от нас, но которая соединившись с божеством Его, стала всецело обожженной. Через это взаимное причастие мы становимся «в Нем», а Он — «в нас»: происходит сущностное, онтологическое соединение между нами и Богом. Преграда между Богом и людьми, созданная руками человеческими, разрушена руками Божиими; она разрушена Воплощением Бога и Его Тайной Вечерей, когда Он предложил нам Самого Себя в пищу и питье.

В каноне Великого Четверга, который читался на утрени, мы слышали: «Господь Сый всех и Зиждитель Бог, созданное безстрастный обнищав, Себе соедини, и пасха за яже хотяше умерети Сам Сый, Себе предпожре: ядите, вопия, Тело Мое, и верою утвердитесь». Смысл этих слов следующий: «Господь, Создатель вселенной и каждого человека, обнищав до принятия на Себя нашей человеческой плоти и тем самым соединил нас с Собою, принес Себя в жертву за нас как новая Пасха. Он говорит нам: вкушайте тело Мое и утверждайтесь верою» — верою в то, что наше спасение совершено Христом, верою в то, что пропасти, отделявшей человека от Бога, больше не существует, верою в то, что, причащаясь Тела и Крови Христа, мы соединяемся с Богом телесно и духовно.

Первым причастником Бога была Пресвятая Богородица. Когда Господь воплотился, Он вошел во чрево Пресвятой Девы, и Она приняла в Себя Плоть воплотившегося Бога. Об этом говорится в каноне Великого Четверга: «Всевиновная и подательная жизни безмерная Премудрость Божия созда храм Себе от чистая неискусомужная Матери, в храм бо телесно оболкийся славно прославися Христос Бог наш», — то есть «Премудрость, Которая сотворила мир, Которая есть причина всего и подательница жизни, создала Себе храм в Пречистой и не познавшей мужа Деве». Не случайно, когда мы готовимся ко Святому Причащению и когда благодарим по Святом Причащении, мы обращаемся в молитве не только к Господу, но и к Его Пречистой Матери, потому что Она стала первым храмом, в который вселилось Божество. Вслед за Ней, принимаем мы внутрь себя воплотившегося Бога, становясь причастниками вечной жизни, небесного хлеба, нового питья и новой Пасхи, которая есть Сам воплотившийся Господь Иисус Христос.

В причастии Святых Христовых Тайн мы становимся, по учению святителей Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, преподобного Симеона Нового Богослова и других Отцов Церкви, «сродниками» Бога, «сотелесниками», единокровными Ему, становимся братьями и друзьями Бога. Причащаясь, мы становимся «богоносцами» и «христоносцами», по выражению святого Игнатия Антиохийского. Причащение ведет нас к спасению и обожению, о чем сказано в каноне Великого Четверга: «Рекл еси другом, Христе: Аз глаголю: питье новое во Царствии Моем пити

имам, якоже бо Бог с вами боги буду». Господь стал реальным человеком и через восприятие на себя реальной человеческой плоти Он обожил наше человеческое естество. Именно поэтому, причащаясь Святых Христовых тайн, мы становимся по благодати тем, чем Он является по природе, становимся «богами по благодати».

Преподобный Симеон Новый Богослов, вернувшись однажды в келлию после причастия, увидел, что руки его стали руками Божиими, и все его тело стало Телом Божиим, и всякая частица, всякая клеточка его земного, человеческого тленного тела соединилась с Божеством и сделалась пронизанной Божественным светом. Не случайно, готовясь ко Святому Причащению, мы читаем молитву преподобного Симеона «От скверных устен, от мерзкого сердца, от нечистаго языка, от души осквернены...». Именно его словами мы молимся, когда готовимся к тому, чтобы тело, душа и сердце наши стали храмом Божества. Это его мы просим, чтобы он помог нам хотя бы в какой-то степени быть такими, каким был он, потому что причащение и обожение дается тем, кто причащается достойно, а для тех, кто причащается недостойно, причастие бывает «в суд и осуждение».

Кто же причащается недостойно? Это те люди, которые сознательно нарушают заповеди Божии, противятся уставам Церкви, приходят в храм Божий и принимают в себя Святые Тайны, но в сердце своем носят злобу против ближних. Именно таким недостойным участником был Иуда. Он присутствовал на Тайной Вечере, но «егда славнии ученицы на умовении вечери просвещахуся, тогда Иуда злочестивый сребролюбием недуговав омрачашеся». Подходя к Святой Чаше, мы должны помнить, что, как говорит святой апостол Павел, «ядый и пияй недостойне, в суд себе яст и пиет, не рассуждая Тела и Крове Господних». Мы должны помнить, что, принимая в себя Тело и Кровь Бога, мы берем на себя великую ответственность за собственное будущее. Ибо, если не будет через нас «святиться» Имя Божие, если Тело и Кровь Христовы, которые мы принимаем как свет, станут для нас огнем пожигающим, тогда горе нам, потому что уподобимся мы Иуде-предателю.

Разве не в том смысл адских мучений, что человек находится с Богом, но само присутствие Бога становится для него непереносимой тяжестью и мукой? И не было ли такой именно невыразимой мукой для Иуды само присутствие на Тайной Вечери? Ведь душа его была раздвоена: какой-то частью души он, может быть, еще оставался с Господом, другой же частью уже отделился от Бога; сидя за одним столом с Учителем, он уже вынашивал в сердце замысел предать Его.

Об этом страшном уроке мы не должны забывать. Даже если мы причащаемся часто, даже если внимательно готовимся к причащению, мы должны помнить о том, что раздвоенность в деле Божиим недопустима. И подходя к Святой Чаше, мы должны всем сердцем, всем умом, всем своим существом и даже телом желать соединения с Господом. Мы должны желать всю жизнь отдать Богу, каждое дыхание, чувство, каждую мысль, каждое действие посвятить Ему. Только тогда мы будем достойными участниками, только тогда, подобно Пресвятой Богородице, станем храмом Божества, только тогда удостоимся обожения, к которому каждый из нас предназначен.

Об этом обожении и говорит нам вся сегодняшняя служба. Причащаясь Тела и Крови Христовых под видом хлеба и вина в настоящей жизни, мы надеемся, что в будущей жизни причастимся Бога еще полнее, еще совершеннее. Как мы будем петь в пасхальную ночь: «Попадавай нам истее Тебе причащатися в невечернем дни Царствия Твоего».

Блаженство рая и состоит в том, что люди пребывают в Боге, и Бог в них, и это соединение с Ним является для них источником непрестанной радости, неисчерпаемого ликования, невыразимого блаженства. Что же касается тех, кто не удостоивается этого блаженства, то Бог

пребывает в них, но они — вне Его, и именно это становится для них источником непрестанного мучения.

Будем помнить обо всем этом и, причащаясь Святых Христовых Тайн, будем «рассуждать» о Теле и Крови Господних. Будем готовиться ко Святому Причащению не только соблюдением поста и вычитыванием молитв, но прежде всего всей нашей жизнью, всеми нашими делами, посвящением самих себя Богу. Приняв же в себя Святые Тайны, будем носить их в себе достойно, с осторожностью, с благоговением, подобно тому, как Пресвятая Богородица носила во чреве Своем младенца Христа. Будем просить Бога о том, чтобы нам до конца земных дней причащаться Святых Христовых Тайн, чтобы в смертный наш час мы не лишились Святого Причастия и чтобы в вечной жизни удостоились причащаться Бога «в невечернем дни Царствия Его». Аминь.

1998

Семь слов спасителя на кресте. Великий Пяток. Чтение 12 Евангелий

В антифонах, которые мы слышали только что говорилось о том, что вода и кровь, которые истекли из ребра Иисусова, разделились на четыре источника, и эти четыре источника — это те четыре Евангелия, из которых мы узнаем о жизни и смерти Иисуса Христа. И сегодня, в день, когда мы вспоминаем распятие Господа на кресте, мы слышим чтение из этих четырех Евангелий, чтение, которое повествует нам о последних часах, последних минутах земной жизни Христа. Евангелисты сохранили для нас семь слов Спасителя на кресте. Первое из этих слов — это была молитва, которую Господь произнес, когда воины пробивали Его руки гвоздями, когда Он был распинаем на кресте. И Господь молился о них: «Господи, прости им, ибо не ведают, что творят». В этой молитве отражена вся любовь, которую Господь имеет к людям. Господь любит не только тех людей, которые Ему верны, не только тех людей, которые исполняют Его заповеди, но и своих врагов, и своих распинателей, и всех тех, кто своими грехами или по неведению, или намеренно вбивают гвозди в Его руки. И даже когда мы своими грехами наносим раны Господу, Господь и тогда любит нас и молится Своему Отцу: «Господи, прости им, ибо они не знают, что делают».

Затем в Евангелии мы слышим о том, как двое разбойников, которые были распяты рядом с Иисусом на крестах, поносили Его. Но внезапно один из разбойников одумался. Он увидел страдающего Иисуса, он вспомнил слова, которые Иисус говорил о том, что когда-нибудь настанет Царство, в котором Он будет Царем, и с верою он сказал Господу: «Господи, помяни мя, егда приидиши во Царствие Твоем». И Господь ответил ему, и это второе слово, которое Господь произнес на кресте: «Сегодня же будешь со Мною в раю». И это слово научает нас тому, что каким бы великим ни был грех человека, как далеко человек ни отступил бы от Бога, даже, если этот человек был разбойником, даже если всю свою жизнь он был неверен Богу, и распинал Бога, и делал зло людям, слово покаяния, с которым он обращается к Господу, может открыть ему врата Царствия Небесного. И мы веруем, слыша это слово, что что бы ни произошло с нами, Господь всегда будет готов простить нас, Господь всегда будет готов открыть для нас врата Царствия Небесного, если мы приступим к Нему с верой, с покаянием и с любовью.

Третье слово, которое донесли до нас евангелисты, это слова Иисуса Христа, обращенные к Его матери и к Его любимому ученику — апостолу и евангелисту Иоанну Богослову. При кресте Иисуса стояла Мать Его, и увидев Ее, Господь сказал: «Жено, се сын Твой». А Иоанну сказал: «Се Мать твоя». И этими словами Господь не только вручил Мать Свою на попечение

Своего любимого ученика, и не только вручил Своего ученика попечению Своей Пречистой Матери, но и вручил всех нас любви и предстательству Пресвятой Богородицы. Вспоминая сегодня Господа на кресте, мы вспоминаем и Божию Матерь при кресте Иисуса, Божия Матерь, Которая дала рождение Сыну Божию, Которая вместе с Ним прошла через все страдания, и Которая у креста Иисуса стояла и «растерзалася утробою». И Господь Ее предстательству вручает всех нас — верных и неверных Своих сыновей и дочерей.

В Евангелии мы слышим, что Господь, когда был на кресте, воззвал с Своему Отцу: «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?» И в этих словах присутствовала вся скорбь богооставленности, которую Господь испытал на кресте. Никогда, ни на один миг Иисус Христос не был оставлен Своим Отцом, никогда, ни на один миг, Божество Христа не разлучалось с Его Человечеством. Но для того, чтобы пройти путем страдания, Ему надо было претерпеть не только оплевывание и заушение, не только предательство и отречение от Него, Ему нужно было претерпеть и самое страшное страдание, которое может выпасть на долю человека — это ощущение, чувство богооставленности, это то чувство, которое испытывает человек, когда ему кажется, что Бога нет, или что Бог не слышит его молитвы, или что Бог оставил его. И Господь должен был через это пройти для того, чтобы стать одним из нас, для того, чтобы и мы могли в эти минуты богооставленности вспоминать о том, что и он прошел через эту муку.

Господь на кресте воскликнул: «Жажду». Это слово Господа свидетельствует о том, что Он переживал муки на кресте реально, так, как переживает их всякий человек. Он был распят, и это была страшная и мучительная смерть, смерть, которая наступала медленно от потери крови и от жажды. Но Господь жаждал не только воды материальной, Господь прежде всего жаждал спасения людей, Он жаждал, чтобы эти Его страдания на кресте достигли нашего сердца, чтобы и все человечество откликнулось бы на эту Его скорбь, на эту Его муку, на эту Его молитву обо всех нас и о Его распинателях. Господь жаждет нашего спасения, и именно потому Господь взошел на крест для того, чтобы каждого из нас спасти, для того, чтобы каждому из нас как разбойнику благоразумному открыть двери Царствия Небесного.

Когда приближался час смерти Господа, Он произнес: «Свершилось». Это слово означало то, что наступал конец Его земному подвигу. То, через что надлежало Ему пройти, заканчивалось, заканчивалось Его земное страдание, наступала Его небесная слава. Господь был распят, потому что так было необходимо, так было предсказано в писании. А необходимо это было опять же для нашего спасения. Когда Господь сказал: «Свершилось», — это значит, что наше спасение совершилось, это значит, что врата рая отверзлись, и для каждого из нас, а в том числе и для тех, кто находился в аду. Ибо сразу же после своей смерти Господь сошел во ад.

И, наконец, последние слова, которые Господь произнес на кресте, они были обращены к Его Небесному Отцу. Он сказал: «Отче, в руки Твои предаю Дух Мой». Мы должны только задуматься о том, через что прошел Христос, и с каким чувством мог Он произнести эти слова. Ведь еще перед Своим крестным страданием Он молился Отцу и говорил: «Отче, если возможно, да минует Меня чаша сия». Но чаша эта не миновала Его. Господь, Бог Отец, не снизошел к этому воплю, потому что так надлежало пострадать Иисусу Христу. И когда Господь обращался на кресте: «Боже Мой, для чего Ты меня оставил?», это был крик муки от разлученности с Отцом. Но Господь умер примиренным со Своим Отцом, Он умер с доверием к Отцу, Он умер с чувством того, что совершилось то, что Он должен был совершить. Он умер не в состоянии богооставленности, но в состоянии присутствия Отца, умер с доверием к Отцу. В Его словах не было упрека, в Его словах была одна бесконечная любовь и бесконечное доверие. Он обратился к Отцу так, как ребенок обращается к своим родителям: «Отче, в руки Твои предаю Дух Мой». Это были те слова, с которыми Иисус Христос испустил Дух.

И вот вспоминая все эти события, вспоминая смерть Господа Иисуса Христа на кресте, будем помнить о том, что Господь близок к каждому из нас, что Господь близок к нам также, как Он был близок благоразумному разбойнику, что Он любит нас также, как Он любил всех людей, которые окружали Его тогда: и Матерь Свою, и учеников Своих, и воинов, и распинавших Его, — всех, вне зависимости от их собственного отношения к Нему. Будем помнить о том, что что бы ни случилось с нами, как бы далеки мы ни были от Бога, Господь всегда будет близок с нами. Как бы далеко ни отступили мы от Его заповедей, Господь всегда будет любить нас. И даже если бы мы оставили Его, Он все равно никогда не оставит нас. Именно ради этого Он взошел на крест.

2001

Слово перед плащаницей. Великая Пятница

Свершилось то, ради чего Бог стал человеком, ради чего Сын Божий стал сыном человеческим: свершилась крестная смерть Спасителя.

В последние дни Своей земной жизни Господь был оставлен один перед лицом Своих ненавистников, перед лицом страданий и смерти. Он испил до дна ту чашу, которая была уготована Ему, и пережил самое страшное, что может выпасть на долю человека — одиночество и оставленность.

Он был один в Гефсимании, ибо ученики Его уснули крепким сном. Он был один на суде первосвященников, один на допросе у Ирода, один на суде Пилата, ибо ученики его в страхе разбежались. Он был один, когда шел на Голгофу: случайный прохожий, а не любимый ученик помог Ему нести крест. Он был один на кресте, один умирал, оставленный всеми.

На кресте Иисус взывал к Отцу Своему: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46). В этом крике вместились боль всего человечества и каждого человека — боль всякого, кто чувствует, что он одинок и оставлен Богом.

Ибо страшно быть оставленным близкими и друзьями, но еще страшнее, когда тебе кажется, что Бог покинул тебя, когда непреодолимая стена встала между тобою и Богом, и Он словно не слышит, не видит, не замечает тебя.

Если ты страдаешь от одиночества, вспомни, каким одиноким был Спаситель в последние дни Своей жизни.

Если близкие твои или ученики твои отвернулись от тебя, если подвергся ты незаслуженной клевете, если называют тебя еретиком и разрушителем отеческих преданий, если лжесвидетельствуют против тебя и объявляют повинным смерти, вспомни, что Сам Господь прошел через это.

Если тот, кто жил с тобою под одной крышей, причащался от одной чаши, ел твой хлеб, тот, кому доверился ты со всей силой любви, с кем делился своими мыслями и чувствами, от кого ничего не утаивал и для кого ничего не жалел, — если этот человек предал тебя, отвернулся от тебя, «поднял на тебя пядь свою» и плюнул тебя, вспомни, что и Господь пережил все это.

Если крест твой навалился на тебя с такой тяжестью, что ты не в силах понести его, и если близкие твои не хотят разделить его с тобою, будь благодарен и тому, быть может, случайному прохожему, который поможет тебе нести его хотя бы какую-то часть пути.

Если волна богооставленности накрыла тебя с головой, и кажется тебе, что Бога нет, что Он отвернулся от тебя или не слышит тебя, не отчаивайся, ибо и Христос прошел через этот опыт — страшный и горький.

Если осуждают тебя и хулят, ударяют по лицу и плюют на тебя, пригвождают ко кресту и вместо воды дают горькую желчь, молись за распинающих тебя, ибо «не ведают, что творят».

В страхе и трепете, в молчании и благоговении поклоняясь святому гробу Иисусову, возблагодарим Господа за то, что Он стал одиноким, чтобы мы не были одиноки, был оставлен, чтобы мы не были оставлены, прошел через оскорбления и поругания, клевету и уничтожение, страдания и смерть, чтобы во всяком страдании нашем мы чувствовали, что мы — не одни, но что Сам Спаситель — «с нами до скончания века». Аминь.

1996

«Жизнь во гробе». Великая Суббота

Мы еще стоим перед гробом Господним, но уже начинаем праздновать Воскресение Христово, еще поем надгробные песнопения, но уже облачились в светлые одежды. Ибо мы знаем, что гроб, которому мы поклоняемся, даст жизнь всему миру, и Мертвец, Который лежит в этом гробе, воскреснет, как и обещал, для спасения мира и для того, чтобы вместе с Ним воскресли и мы, и те миллионы людей, которые умерли прежде нас, и все те, кто умрет после нас.

Вчера, совершая чин погребения Спасителя, мы читали отрывок из 37-й главы Книги пророка Иезекииля о поле, полном мертвых костей. Господь спросил пророка: «Оживут ли кости сии?» И пророк ответил: «Господи Боже! Ты знаешь это». После этого Дух Божий вошел в кости сухие, и они стали соединяться одна с другой и обрастать плотью. А потом вошла в них душа живая, и все это великое полчище мертвецов воскресло к новой жизни, в новых телах.

Это пророчество, как и вся сегодняшняя служба, говорит нам о всеобщем воскресении. Оно говорит нам о том, что смерть была привнесена в этот мир человеческим грехом, и по вине людей смерть царствует над родом человеческим. Много раз в течение истории человечество уподоблялось полю, полному мертвых костей. Вспомним о войнах, битвах и сражениях, о которых мы читаем в исторических хрониках. В этих битвах одна сторона побеждала, другая терпела поражение, нередко в одном сражении решались земные судьбы целых народов. Но часто мы забываем о том, что главным результатом всех битв, боев, сражений всегда было одно: поле, полное мертвых тел, мертвых костей.

Сколько раз целые народы, сотни тысяч людей умирали от эпидемий, и результатом опять было поле, полное мертвых костей. А сколько людей стали жертвами землетрясений, стихийных бедствий? Все потомство Адама, за исключением Ноя и его семьи, погибло в водах потопа. Думая об этом, человек может спросить: «Где же Бог? Куда Он смотрел? Где справедливость Божия? Где Его любовь к людям, если столь безжалостно предает Он смерти тысячи и миллионы людей?»

Но мы видим только одну сторону — только то, что случается здесь, на земле; мы не видим того чуда, которое происходит с каждым человеком после смерти — чуда воскресения. Сколько бы людей ни умерло, какова бы ни была их смерть, все они воскреснут благодаря смерти и воскресению Господа. Для того Господь и сделался человеком, для того прошел Он через страдание и смерть, для того лежит Он сегодня во гробе, чтобы воскресло все человечество. И

если мертвецы, которых видел Иезекииль, говорили «погибла надежда наша», то *наша* надежда не погибла, ибо надежда на воскресение воссияла от гроба, перед которым мы стоим сегодня.

Судьба человечества решается не на полях сражений. Она решается здесь, в этом гробе, где лежит тело Божественного Мертвеца. Именно Он принес воскресение миру, именно Он дал нам надежду на то, что и мы воскреснем, и все наши сродники и друзья, ближние и дальние, которых мы теряем, но которых обретем вновь.

Апостол Петр говорит в одном из посланий, что после Своей смерти Господь сошел во ад, чтобы там проповедать Евангелие тем людям, которые, не покавшись, погибли в водах потопа: «Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных, быв умерщвлен по плоти, но ожив духом, которым он и находящимся в темнице духам, сойдя, проповедал, некогда непокорным ожидавшему их Божию долготерпению, во дни Ноя, во время строения ковчега, в котором немногие, то есть восемь душ, спаслись от воды» (1 Пет. 3:18-20).

Читая рассказ о потопе, многие задаются вопросом: как могло случиться, что Бог создал людей, а потом «раскаялся» в этом и погубил их? Буквальное понимание библейской истории в ее земной перспективе приводит именно к подобному вопрошанию, на которое в Ветхом Завете ответа нет. Но если мы рассмотрим этот рассказ в новозаветной перспективе, если мы увидим не только то, что происходило с людьми в земном плане, но и их последующую судьбу в вечности, мы поймем, что, хотя эти люди, не покавшись, потонули в водах потопа, надежда на их спасение не погибла. Господь сошел во ад именно для того, чтобы им проповедовать. Мы не знаем, все ли они откликнулись на Его спасительный зов, все ли последовали за Христом, но знаем, что, сойдя в мрачные бездны ада, Он всем проповедовал, всех призвал ко спасению и перед всеми открыл врата рая.

Мы слышали вчера, слышим сегодня и будем слышать с особенной силой на пасхальной ночной службе, что Господь, сойдя во ад, разрушил его изнутри. Ад не вытерпел присутствия Бога, и «верей вечные сокрушились», замки развалились, и ворота ада раскрылись для всех, кто пожелал последовать за Христом. Ад продолжает существовать для тех людей, которые добровольно и сознательно отвергают Христа Спасителя. И до тех пор, пока сохраняется злая воля человеческая, сохраняется и ад, который уготован для нас не Богом, но нашими собственными руками. А Господь злое дело рук человеческих разрушает — не насилием, не властью, не «мышцею высокою», но Своей смертью и Своим воскресением.

В Евангелии сказано, что, когда Господь умер, многие мертвецы вышли из гробов. А в богослужебных текстах мы слышим, что, сойдя во ад, Господь вывел оттуда Адама, Еву и всех содержащихся там от начала веков, всех тех, кто отошел в мир иной до воскресения Христа. Но после Его воскресения путь к воскресению открыт для всякой плоти, и об этом говорит Церковь в одном из песнопений, которое мы слышим в Великую Субботу: «Царствует ад, но не вечнует над родом человеческим». Что означают эти слова? То, что смертью Христовой и воскресением Христовым аду подписан смертный приговор. Ад еще существует, но уже «не вечнует» над людьми, и всякий, кто следует за Христом, кто отвергает зло и становится на сторону добра, благодаря воскресению Христову избавлен от власти ада.

Сегодня, в Великую Субботу, предвкушая воскресение Христово, ожидая пасхальную ночь, в трепетном молчании предстоим мы гробу Иисусову — гробу, от которого воссияло спасение миру. И то, что мы испытываем сегодня, выражено в словах Херувимской песни: «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет: Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным.

Предходят же Сему лица ангельстии со всяким началом и властью, многоочитии херувими и шестокрилатии серафими, лица закрывающе и вопиюще песнь: аллилуия, аллалуия, аллилуия».

Почему херувимы и серафимы закрывают лица свои? Почему предстоят они со страхом и трепетом? Потому что совершилась великая тайна — тайна, перед которой немеют человеческие уста, перед которой бессилен человеческий ум, тайна, которую не может выразить ни одно человеческое слово. «Ангельский собор удивися, зря Тебе в мертвых вменившася, смертную же Спасе крепость разоривша, и Собою Адама воздвигша, и от ада *вся* свободша». Господь *всех* освобождает от ада, Господь *всякому* человеку — не только праведнику, но и грешнику — открывает дверь в вечную жизнь.

Перед этой тайной ангелы закрывают лица свои. Перед ней будем предстоять и мы в молчании и благоговении, моля Бога о том, чтобы врата вечности раскрылись для нас и для ближних наших, уже умерших и еще живущих. Ибо всем нам предстоит не только сделаться полем, полным мертвых костей, но и воскреснуть со Христом, и для каждого из нас уготована «обитель» в Царствии Божиим, где в непрестанном ликовании все от века святые предстоят лицу Божию.

1998

"Царствует ад, но не вечнует над родом человеческим". Великая Суббота

«В Святую и Великую субботу мы празднуем боготелесное погребение Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, благодаря которому наш род, будучи вызван из тления, перешел к Вечной жизни. Отныне ад бывает обманут и изумляется, ощущая мощную силу, ибо вскоре извергнет он Христа — мощный краеугольный камень — Которого он несправедливо поглотил, а также тех, кого он несправедливо поместил во чреве, сделав соей пищей». Так говорится в синаксарии, поучении, которое содержится в «Триоди постной» на сегодняшний день, на день Великой субботы.

В Великую субботу мы вспоминаем погребение Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, когда Телом Своим Господь лежал во гробе, а душа Его сходила во ад. И об этом сошествии во ад Церковь говорит во многих своих песнопениях, в том числе и в тех, которые мы слышали вчера вечером за богослужением, и сегодня утром. «Царствует ад, но не вечнует над родом человеческим. Ты бо положишься во гробе державне живоначальною дланью смерти ключи разверзл еси и проповедал еси от века тамо спящим избавление неложное быв, Спасе, мертвых первенец». Сегодня ад стонет и вопит: «Лучше было бы мне не принимать родившегося от Марии, ибо найдя на меня, Он разрушил мою державу, сокрушил медные врата, а души, которыми я прежде владел, Он как Бог воскресил». Сегодня ад стонет и вопит: «Разрушена моя власть, я принял мертвого как одного из умерших, но удержать Его никак не могу, и теряю вместе с Ним тех, над кем царствовал. Я от века содержал мертвецов, но вот, Он всех воскрешает». Сегодня ад стонет и вопит: «Поглощена моя держава, Пастырь распят и Адама воскресил. Всех, над кем царствовал, я лишился, и кого смог поглотить, всех извергнул. Распятый опустошил гробы, и держава смерти обессилена».

В этих словах Церковь говорит нам о том, что происходило в Святую и Великую субботу. Господь наш Иисус Христос сошел не только на землю, но Он сошел и в преисподнюю для того, чтобы и там находившиеся узрели Его пришествие, для того, чтобы и те, кто в аду, слышали Его проповедь. Как вчера мы слышали в похвалах, которые читались перед Гробом Спасителя, «Господь пришел на землю, чтобы найти Адама, но не найдя его здесь, на земле, Он спустился в

адские бездны для того, чтобы извлечь его оттуда». До пришествия Спасителя ад, ветхозаветный Шеол, был местом, куда отходили все умершие вне зависимости от их добродетелей и пороков. И ад воспринимался как место, где нет Бога, место отсутствия и место оставленности. И там ветхозаветные праведники пребывали в ожидании пришествия Спасителя, а грешники пребывали в безысходной муке и тоске. И вот в это темное царство, которое никогда не озарял Свет Божий, внезапно проник свет. И об этом мы также слышим в богослужебных текстах, которые основаны на древнем апокрифическом Евангелии Никодима, написано не позднее третьего века, и основные элементы этого Евангелия вошли в наше богослужение. Там рассказывается о том, как находившиеся в аду, пребывали в этой своей безысходной тоске, когда вдруг, внезапно, ад озарил свет, и замки на вратах ада сокрушились, врата упали, и вошел туда Господь Спаситель. Это было явление славы Божией и силы Божией. Господь сошел во ад не как один из умерших, не как очередная жертва ада, но как Тот, Кто пришел разрушить и уничтожить ад. Господь сошел туда для того, чтобы преодолеть силу адову, для того, чтобы там победить дьявола и для того, чтобы вывести оттуда находившихся там мертвецов. И это было событие, которое имело значение не только для тех, кто находился там тогда, но и для всех тех, кто сойдет во ад и после сошествия туда Христа, ибо ад — это уже не место отсутствия, но это место, где Божий Свет присутствует, также как он присутствует на земле, также как он присутствует в раю. И если ад теперь существует, то не потому, что Бог его создал для того, чтобы наказывать людей, но потому что сами люди оказываются неспособными, неготовыми или не желающими вместить в себя и принять этот Свет Божий. Свет Божий ныне сияет повсюду. Ни одна часть неба, земли и преисподней не исключена из этого присутствия Божия. И в аду Бог присутствует всей Своей силой, всем Своим существом, всем Своим могуществом и всем Своим беспредельным и нетварным Светом. И только злая воля человеческая способствует тому, что ад, уже побежденный Христом, уже разрушенный, все еще сохраняется.

Мы должны помнить, что ад будет существовать до тех пор, пока он существует в наших душах, пока мы в своем сердце не одержали ту победу, которую Господь одержал в этот страшный и великий день Великой субботы. До тех пор, пока этот змий, дьявол искуситель, продолжает в нас жить и действовать, в нас остается ад, и во всех тех людях, в которых живет дьявол, он тоже остается. И поэтому мы должны, вспоминая то, что происходило в Великую субботу, мы должны думать и о глубинах нашего сердца, куда тоже сходит Господь для того, чтобы уничтожить и там гнездящегося змия. Мы должны помнить о том, что сошествие Господне во ад имело отношение к каждому из нас, потому что в глубины наших сердец сходит Господь для того, чтобы вывести нас из этой преисподней тьмы, для того, чтобы ввести нас в жизнь вечную. Мы должны помнить, что Господь сошел во ад и для всех тех людей, которых мы с вами потеряли, и надеждой на встречу с которыми в будущем веке мы живем. Мы должны помнить, что эти люди ушли не в ад богооставленности, но они ушли туда, где уже пребывает свет Божий. И мы молимся за них и за всех тех, которые уже спасены Богом, и за всех тех, которые находятся на пути ко спасению, и также о «иже во аде держимых» мы молимся для того, чтобы все они стали способными причаститься этому небесному Свету.

Господь умер ради каждого из нас, Господь сошел во ад ради каждого из нас, чтобы нас воскресить к новой жизни, чтобы преобразить нашего внутреннего человека, чтобы победить в нас царствующий грех. И поистине эти слова, которые мы слышим, что «царствует ад, но не вечнует над родом человеческим», они тоже относятся к каждому из нас, потому что и в наших душах, и в наших сердцах есть место для дьявола, есть место для зла и есть место для ада. Но мы со Христом. В помощь Божией, призывая благодать Божию, живя в Церкви, участвуя в таинствах Божиих, мы ожидаем того, что Господь уничтожит этого древнего змия, и что Господь и нас всех введет в Царство Свое Небесное. Аминь.

Вера и неверие. Неделя Фомина

«Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю». Так ответил Фома ученикам Спасителя, возвестившим ему о том, что они видели воскресшего Господа (Ин. 20:25).

«Если не увижу, не поверю». Так часто отвечают нам, верующим, люди, которые требуют от нас логических, осязаемых доказательств христианской веры. Но таких доказательств нет и быть не может, ибо вера христианская — за пределами разумного постижения, она сверхрациональна. В христианстве ничего нельзя логически доказать — ни бытие Бога, ни воскресение Христово, ни другие истины, которые можно только принять или не принять на веру.

«Бога не видел никто никогда», — говорит апостол Иоанн Богослов (Ин. 1:18). И бытие Божие никто никогда не доказал. И воскресение Христово никто никогда не засвидетельствовал таким образом, чтобы оно стало очевидным фактом для всего человечества. И тем не менее, несмотря на кажущуюся бездоказательность христианской веры, миллионы людей приходили, приходят и будут приходить ко Христу; верили, верят и будут верить в воскресение Христово; признавали, признают и будут признавать бытие Божие. Почему? Потому что они встретили Бога на своем пути, и никакие дополнительные доказательства оказались им не нужны.

Но как происходит встреча человека с Богом? Для каждого — по-разному. Для одних — это опыт внезапного откровения, прозрения, когда люди вдруг осознают, что Бог рядом с ними, что Он — здесь, что Он видит и слышит их, а они видят и слышат Его. Для других — это опыт прорастания в них присутствия Божия, опыт постепенного узнавания Христа воскресшего. Бывает, что Христос встречает человека, но человек или не сознает этого, или лишь впоследствии начинает понимать, что то была встреча с Господом. Именно так произошло с двумя учениками, которые, возвращаясь из Иерусалима в Эммаус, в приблизившемся к ним путнике не узнали Иисуса, потому что Его внешний облик после воскресения изменился. Господь беседовал с ними на протяжении всего пути, вошел вместе с ними в дом, и лишь когда Он преломлял хлеб, они узнали Его, но Он тотчас же сделался невидим. И тогда они сказали: «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге?» (Лк. 24:32) И с радостью пошли и возвестили ученикам о своей встрече с воскресшим Учителем.

Поразительно, что ученики не узнали Христа, когда Он был рядом с ними; телесные глаза не помогли им распознать воскресшего Бога. Но внутренними очами души они узнали Господа. И как только узнали, Он сделался невидим для них, потому что телесное зрение не нужно, когда сердце воспламеняется верой.

Так происходило и происходит с христианами, которые не видели Бога, но уверовали в Него, потому что сердце их возгорелось любовью к Нему. Именно о них говорит Христос: «Блаженны невидевшие и уверовавшие» (Ин. 20:29). Блаженны, потому что не логических доказательств взыскали они, но того огня, который Бог ввергает в сердца человеческие. И мы верим в воскресение Христово не потому, что нас кто-то в этом убедил, но потому, что мы сами, своим внутренним опытом познали Воскресшего. Мы уверовали не потому, что видели Бога, но потому, что ощутили Его живое присутствие в сердце нашем.

Скептический разум современного человека говорит: «Не увижу — не поверю». А мы говорим: «Верую, хотя и не вижу». Если бы в религии все было видимо, осязаемо, доказуемо, зачем и во что нужно было бы верить? Если бы в религии не существовало тайны, чем бы отличалась она от всего остального, что окружает нас в земной жизни?

Вступая на путь христианский, мы бросаем вызов окружающему миру, требующему от нас логического оправдания нашей веры. Более того, мы бросаем вызов собственному разуму, который нередко сомневается в бытии Божиим... Выходя в плавание на корабле христианской веры, мы многим рискуем. У нас нет гарантии того, что мы достигнем цели, не претерпев «кораблекрушение в вере» (1 Тим. 1:19). Нам в земной жизни не обещана такая встреча с Христом лицом к лицу, которой удостоился Фома, прикоснувшийся к ранам на теле Спасителя и получивший осязаемое доказательство воскресения Христова. Конечно, в будущем веке мы увидим Христа лицом к лицу, но ведь и в это нужно *верить!* Сейчас же нам дан внутренний опыт Христа воскресшего — опыт, который сильнее любых логических доказательств, любого телесного «видения».

Для чего дан нам этот опыт? Чтобы мы поделились им с другими. Мы должны помнить, что до тех пор, пока мир не уверует в воскресение Христово, до тех пор, пока воскресший Христос не станет опытом всякого человека, не завершится миссия Христова на земле. И как апостолы после воскресения Христова пошли проповедовать Христа, так и мы призваны всей нашей жизнью — не только словом, но и делами — проповедовать Христа воскресшего.

Почему в пасхальные дни богослужение совершается не только внутри храма, но и вне его стен? Почему мы не довольствуемся обычным чинопоследованием, но считаем необходимым с крестами, иконами и хоругвями выходить на улицу? Именно потому, что наша миссия — не только наслаждаться близостью Христа здесь, в храме, но и свидетельствовать о Воскресшем там, на улице, где мир живет своей жизнью.

Будем помнить, что мы призваны быть продолжателями дела апостолов, которые не видели воскресение Христово телесными очами, но узрели его очами души. Будем помнить о том, что не только к ним, но и к нам обращены слова Спасителя: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам, и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф. 28:20).

1998

"Воскресение Христово видевшие". Неделя вторая по Пасхе, апостола Фомы

Воскресение Христа прошло столь же незамеченным, как и Его рождение. самого момента выхода Христа из гроба не видел никто. И с первых дней после воскресения у многих людей, даже у ближайших учеников Христа, даже у тех, кто знал и любил Его, появилось сомнение: а действительно ли Он воскрес? Когда мы читаем рассказы евангелистов о том, что происходило после воскресения Христова, о том, как ученики обсуждали друг с другом это событие, мы не можем не видеть, что в них оставалась тень сомнения и недоверия.

Двое учеников идут в Эммаус, к ним приближается Путник, в Котором они не узнают Христа, и они начинают рассказывать Ему о Человеке, Который учил народ, был распят на кресте и умер, но потом поползли слухи, вроде бы Он жив (Лк. 24:13–26). Они говорят обо всем этом с большим недоумением, несмотря на то, что Христос говорил им: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Ин. 11:25). И когда воскресший Христос явился им, сидевшим взаперти в горнице из страха перед иудеями, одни поверили в Него, а другие усомнились. Почему они усомнились? Потому, что Господь прошел через закрытые двери, потому, что Его облик был совсем иным, не таким, каким они привыкли видеть Его при жизни. Что-то изменилось в Нем, и они не могли с определенностью сказать, Христос это или нет.

Особенно же сомневался Фома, «называемый Близнец», ученик, которого не было среди апостолов, когда им явился Иисус. Услышав от других учеников о явлении Спасителя, Фома сказал: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ин. 20:19–25). Это были естественные слова человека, который хотел убедиться в том, что Тот, Кто являлся ученикам, был не призрак, не привидение, но реальный Христос, воскресший из мертвых, причем воскресший во плоти, а не в каком-то особом духовном теле. Явления умерших не были чем-то необычным для древнего человека, но воскресение во плоти, о котором говорил Христос, не было простым явлением усопшего: это была победа над смертью, преодоление естественных законов, и именно в это ученикам Спасителя было так трудно поверить.

Но вот Господь явился им вновь, когда и Фома был среди них, и сказал Фоме: «Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим». И тогда Фома воскликнул: «Господь мой и Бог мой!», – потому что раны на теле Иисуса убедили его в том, что Тот, Кто говорит с ним, – это реальный, живой, воскресший Христос. И далее Христос произносит слова, которые обращены не только к Фоме, но и ко всем тем, кто сомневается в реальности воскресения: «Ты поверил, потому что увидел Меня: блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20:26–31). «Не видевшие и уверовавшие» – это те, которые не были свидетелями воскресения Христова, но поверили Христу, потому что полюбили Его.

Невозможно прийти к христианству иначе, как полюбив Христа – живого Христа, Который умер и воскрес. Невозможно стать христианином под впечатлением нравственного учения Христа или из уважения к тому, о чем Он говорил и чему учил. Но, полюбив Христа, можно прийти к такой вере, которая невыразима словами и которая выше обычного земного видения. Никто из нас земными, телесными очами не видел воскресение Христово, но в каждом из нас живет уверенность в том, что «Христос воистину воскрес», та уверенность, которая подкрепляется в нас всякий раз, когда мы, приходя в церковь и причащаясь Святых Христовых Тайн, вновь обретаем воскресшего Христа в себе – именно того Христа, Который некогда являлся ученикам.

Вернемся еще раз к рассказу евангелиста Луки о двух путниках, которые шли в Эммаус. Они не узнали Христа своими телесными очами, но чем дольше Он был с ними, тем острее они ощущали в Незнакомце что-то очень знакомое – то, что они знали по опыту общения с Ним, по опыту Его живого присутствия. Когда же апостолы вошли в комнату и Он благословил и преломил хлеб, в этом знакомом жесте они узнали Христа, но Он тотчас стал невидим для них (Лк. 24:30–31). Это говорит о том, что видение, которым мы узреваем Господа воскресшего, кардинальным образом отличается от видения телесного: это внутреннее, духовное видение, это та уверенность, которую мы обретаем через пасхальный опыт, через опыт воскресения, когда, умирая вместе со Христом в дни Страстной седмицы, мы воскресаем вместе с Ним в пасхальную ночь.

Опыт видения воскресения Христова дается нам особым образом в пасхальные дни, хотя и в каждый воскресный день и в любой другой день недели мы можем быть способны ощущать живое присутствие Воскресшего. Но мы должны быть достойны этого опыта, должны быть такими, какими стали Его ученики после того, как Христос сказал им: «Примите Духа Святого» (Ин. 20:22). Если раньше они могли видеть Христа очами телесными, но не узнавали в Нем Бога воплотившегося очами духовными, то теперь, приняв Духа Святого, они могли сказать: «Воскресение Христово видевше».

И нам с вами, дорогие братья и сестры, преподается Дух Святой через церковные таинства, и прежде всего через причастие Святых Христовых Тайн. И потому на каждом из нас лежит та же ответственность и та же миссия, которая была возложена на апостолов – проповедовать Христа миру. Не случайно в пасхальные дни мы не только молимся в храме, но с крестом, Евангелием и

хоругвями, с иконой Воскресения Христова обходим вокруг храма крестным ходом, чтобы явить миру то богатство, к которому мы приобщаемся здесь. Ведь смысл крестного хода именно в том, чтобы показать: не только перед алтарем мы веруем во Христа и становимся свидетелями Его воскресения, но и вне стен храма мы должны свидетельствовать о том опыте пасхальной веры, которого мы здесь, в храме, приобщаемся. Будем помнить, что пасхальный опыт дается нам не для того, чтобы мы, насладившись близостью воскресшего Христа, спрятали свет Христов в свою внутреннюю сокровищницу, но для того, чтобы мы несли свет воскресшего Христа нашим близким, сродникам, знакомым, друзьям и врагам – всему миру, тому самому миру, который Господь через нас хочет просветить Своим воскресением. Аминь.

2000

Вхождение во Святое Святых. Неделя вторая по Пасхе. О Фоме

Когда Христос воскрес и явился ученикам, один из учеников, Фома, отсутствовал. По возвращении его другие ученики сказали ему, что видели Господа, но Фома ответил: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю». И вот, спустя несколько дней Господь явился и сказал Фоме: «Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим». И Фома воскликнул: «Господь мой и Бог мой!» А Иисус сказал: «Ты поверил, потому что увидел Меня: блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20:26–29).

Тайна христианской веры заключается в том, что мы приходим ко Христу, еще не увидев Его, потому что начинаем верить в Него, потому что сердце наше отзывается на Его слово, потому что в Его Евангелии мы слышим глаголы жизни, и постепенно перед нами раскрывается видение воскресшего Христа. Постепенно от веры бессознательной, мы приходим к вере разумной, когда Господь открывается нам и когда мы уже можем сказать: «Воскресение Христово видевшие», а не только «Воскресению Христову веровавшие».

Восьмой день по Пасхе для Древней Церкви был знаменателен потому, что завершался тот долгий цикл, с которым было связано таинство крещения. Крещению предшествовали долгие месяцы, может быть, и годы оглашения, когда люди постепенно постигали, в чем суть христианской веры, когда священник или епископ шаг за шагом вводил их в тайны христианства. Само крещение совершалось в Великую субботу; после крещения люди входили в храм и причащались Святых Христовых Тайн. А затем в течение пасхальной седмицы, когда совершается особое богослужение – отменяются обычные чтения, псалмы, люди слышат только о Воскресении Христовом, которое они увидели, узрели очами души, очами сердца, – в эти дни новокрещенные слушали уже не огласительные, но тайноводственные слова, т. е. им раскрывали самую сущность христианской веры – им объясняли, что такое причастие, в чем смысл крещения, как хлеб и вино во время Божественной Евхаристии прелагаются в Тело и Кровь Христа и т.д.

И весь этот цикл завершался именно на восьмой день по Пасхе теми обрядами восьмого дня, которые и поныне являются составной частью чина Крещения и смысл которых заключается в том, что заканчивается долгий путь вхождения человека в Церковь и он, наконец, вводится во святое святых. Как мы знаем, воцерковление всякого новокрещенного происходит через введение его в храм Божий. Если это мужчина, то его вводят в алтарь, если женщина, ее подводят к царским вратам. Все это имеет глубокий смысл, символизируя вхождение человека в самую сердцевину жизни Церкви, жизни в Боге. После этого он выходит в мир уже не как

человек сомневающийся, колеблющийся, подверженный всевозможным влияниям и опасностям, но как воин, как апостол Христов, и на него возлагается миссия свидетельствовать миру о Воскресении Христовом, которое он теперь уже опытно познал, ощутил, увидел.

Смысл воцерковления заключается еще и в том, что Церковь напоминает нам о том самом главном, ради чего мы, собственно, в нее и пришли, – о жизни во Христе. В Церкви, как в океане есть своя поверхность и своя глубина. На поверхности Церкви могут происходить бури и нестроения – то, что многих от Церкви отталкивает, – но это все только на поверхности. Если бы в Церкви был только поверхностный уровень, не стоило бы становиться ее членом. Но в ней есть другое измерение, есть та глубина молчания, где человек встречается лицом к лицу с Богом. И каким бы сильным ни был шторм, в глубине океана всегда тишина. Воцерковление означает наше погружение в те глубины церковной жизни, из которых вообще никогда не стоит выбрасываться на поверхность, дабы не соблазняться тем, что на ней происходит. Надо всегда пребывать в тех глубинах, где раскрывается нам Царство Божие и Сам Бог, где действует Святой Дух, где жизнь человека уже не подвластна никаким земным бурям, конфликтам, нестроениям.

Будем помнить об этом, пережив Страстную седмицу и Пасху, соприкоснувшись со Христом Воскресшим, *увидев* Воскресение Христово. Будем помнить о том, что мы призваны не оставаться на поверхности церковной жизни, но погружаться в ту глубину, которая на языке Христа и апостолов называется Царством Божиим, Царством Небесным. Аминь.

2001

Путь к небу. Вознесение Господне

Вчера завершилось сорокадневное празднование Пасхи. В течение сорока дней мы вспоминали Спасителя, Который по воскресении Своем многократно являлся ученикам, чтобы укрепить их в вере и удостоверить в истинности Своего воскресения. Являясь им, Он показывал им раны на Своих руках и ногах, на Своем теле. Являясь им, Он разделял с ними трапезу, беседовал с ними о Царствии Божием, и готовил их у пришествия Утешителя, Духа истины, который наставит их на всякую истину.

Последние годы жизни Христа прошли перед глазами учеников, они были свидетелями Его крестного страдания и смерти, они удостоверились в истинности Его Воскресения. Но даже после Его Воскресения они не могли понять, в чем был смысл всего происходившего. И в один из дней, когда Господь вновь явился им, – они спросили: «Не в это ли время, Господи, восстанавлиешь Ты Царство Израилю?» (Деян. 1:6). Ученики все еще жили надеждой на то, что Иисус станет земным властителем, царем Израильским. И только когда, на сороковой день по Воскресении Своем, Господь, придя с ними в Вифанию и благословив их, стал возноситься на небо, они, наконец, поняли, что речь идет вообще не о восстановлении земного царства, а о том, что Господь призывает их, а вместе с ними и всех нас, в Свое Небесное Царство. Речь идет о том, что Господь открывает новый путь, по которому никто из людей никогда еще не восходил.

В богослужебных текстах праздника Вознесения Господня говорится о том, что взойдя на небо и воссев одесную Бога Отца, Христос «спосадил» на престоле Божием человеческое естество. Он вернулся туда, откуда был послан, но не покинул эту землю: Он остался со Своими учениками в Церкви, которую основал, в Евхаристии, которую после Его смерти и воскресения Его ученики совершали еженедельно в воспоминание о Нем. Он остался в том Утешителе, Духе Святом, Которого Он послал Церкви, и Дух этот до сих пор пребывает в Церкви, входит в сердца наши и дает нам ощущение и чувство новой жизни. Чтобы даровать Его нам, Господь прошел через страдания и смерть.

Но для чего нужен был Утешитель? Для чего ученики должны были после воскресения Христа не расходиться, но ожидать в Иерусалиме сошествия на них Духа Святого. Это было необходимо, потому что без помощи Духа Святого они не могли осознать то, что видели и слышали, что произошло на их глазах. Да, они были свидетелями смерти и воскресения Господа, но еще не могли осмыслить и оценить этот опыт и передать его другим людям. И только после того, как обещанный Господом Утешитель сошел на учеников, они из «рыбарей» превратились в «апостолов» и перестали вопрошать Спасителя и друг друга, не восстановится ли царство Израильское. Они поняли, что задача их отныне состоит в том, чтобы идти и проповедовать всем народам, крестя их «во имя Отца и Сына и Святого Духа» и открывать людям тот путь, который открыл перед ними Господь Спаситель, – путь в Царствие Небесное, путь к обожению, путь к Небесному Отцу. Этим путем пошли они сами, этот путь открыли они для многих поколений христиан вплоть до наших дней.

И мы сегодня, в праздник Вознесения Господня, слыша о ранних днях Церкви Христовой и о том, как начиналась апостольская проповедь, ощущаем, что все это имеет самое прямое отношение к нам, потому что и мы вовлечены в историю спасения, потому что и для нас Господь открывает Своим вознесением врата Царствия Небесного, и к нам обращает Он все те слова, притчи, заповеди и наставления, которые обращал к апостолам, и нас, как апостолов, призывает идти в мир и проповедовать Его смерть и воскресение. Как говорит апостол Павел, всякий раз, когда на Евхаристии мы принимаем Тело и Кровь Христовы, мы тем самым возвещаем, исповедуем смерть и воскресение Господа.

И мы приходим в Храм Божий, чтобы здесь духовно укрепиться, чтобы почувствовать близость и присутствие Божие, чтобы ощутить, что Господь, вознесшийся на небо, неотступно пребывает вместе с нами. Но мы приходим сюда еще и для того, чтобы получить силы для нашей миссии на земле, для нашего служения, а служение у каждого из нас одно и то же – служение апостольское. Мы приходим сюда для того, чтобы Дух Святой, Которого Господь послал от Отца, укрепил нас, вошел в сердца наши, обновил духовно наш разум, наше сердце, наши чувства, чтобы Он сделал нас апостолами, как сделал апостолами простых галилейских рыбаков.

Празднуя Вознесение Господне, будем помнить о том, что Господь всегда с нами, что Он даровал нам Духа Утешителя, дабы укрепленные Святым Духом, озаренные присутствием Христа воскресшего и вознесшегося на небо, мы, подобно апостолам, шли и проповедовали Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

2001

Сила Духа Святого. Пятидесятница

«Святым Духом всяка душа живится, и чистотою возвышается, светлеется троическим единством, священнотайне». Эти слова говорят нам о том, что Святой Дух оживляет всю вселенную, все мироздание, присутствует в каждой человеческой душе, в ангелах, животных, в каждом цветке, в каждой травинке. Не случайно в праздник Пятидесятницы мы украшаем храм зелеными ветками и цветами. Ведь именно Святой Дух дает жизнь природе, именно благодаря Ему был сотворен весь мир, именно Святым Духом все «живет и движется». Благодаря Святому Духу каждый год кончается зима и начинается весна, когда природа воскресает к новой жизни.

Святой Дух все Собою наполняет и все оживотворяет. Он наполняет и сердца человеческие. Для Святого Духа нет никаких препятствий: Он «дышит, где хочет» (Ин. 3:8). Мы не знаем, откуда Он приходит и куда уходит, когда и почему Он приходит и уходит. Но мы знаем, что Святой Дух с нами и что Он оживотворяет всю нашу жизнь, преображает ее, изменяет, делает иной.

Многие поколения людей прошли через этот опыт преобразования жизни присутствием Святого Духа. Вспомним апостолов, на которых Святой Дух сошел в день Пятидесятницы. Это были простые галилейские рыбаки, люди некнижные. В течение нескольких лет Господь открывал им тайны Царства Небесного, но даже после Его воскресения они еще не понимали смысл того, чему Он учил их: они продолжали надеяться, что Он — тот Мессия, которого ждал народ иудейский, тот Царь Израилев, который восстановит утраченное былое могущество еврейского народа. Они слышали притчи Господни о Царствии Небесном и Нагорную проповедь, были свидетелями многих чудес, совершенных Господом, присутствовали при Его последних днях, видели Его страдания и смерть, удостоверились в Его воскресении. Но даже после воскресения Христова они все еще продолжали спрашивать Его: «Не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю?» (Деян. 1:6) Мысли их все еще ограничивались рамками маленького государства, судьбою которого они были искренне озабочены. И только после того, как Святой Дух сошел на них, когда они заговорили на иных языках, когда почувствовали в себе новые силы и новые возможности, они начали приходить к пониманию своего поистине вселенского призвания: проповедовать Евангелие «всем народам».

Господь Иисус Христос проповедовал всего лишь три с небольшим года в маленькой стране, видели Его немногие люди, и из тех, кто видел Его, уверовали лишь немногие. Господь ничего не написал Своей рукой, и все, чему Он учил, предстояло принести в мир именно апостолам — этим некнижным и малообразованным рыбакам. И для того, чтобы сделать их способными благовествовать во многих городах и селах, дойти до края вселенной, привести многие народы ко Христу, нужна была сила Божия, преобразующая, укрепляющая и оживляющая сила благодати Духа Святого, Который, как мы слышали сегодня, есть «Свет и Жизнь и живой Источник умный, Дух премудрости, Дух разума, благий, правый, умный, обладай, очищай прегрешения, Бог и боготворяй, огонь от огня исходяй, глаголай, дейй, разделяй дарования, Имже пророцы вси и божественнии апостоли с мученики венчашася... »

Вспомним, каким был апостол Петр при жизни Спасителя: преданным Христу, верным, любящим, но вместе с тем порывистым, самонадеянным и слабым. Во время бури на море, увидев Иисуса, он воскликнул: «Господи! Повели мне прийти к Тебе по воде» (Мф. 14:28); и пошел, но, усомнившись, стал тонуть. На Тайной Вечери он с уверенностью говорил Господу: «Если и все соблазнится, но не я» (Мк. 14:29); а вскоре отрекся от Господа. Таким был Петр. Но каким он стал после Пятидесятницы? Смелым, духовно сильным, способным говорить «как власть имеющий», обойти многие города и веси, отдать жизнь за Христа и Евангелие.

Вспомним, кем был Павел при жизни Христа и после Его воскресения — гонителем Церкви Христовой, врагом христиан, дышавшим «угрозами и убийством» против них. И кем он стал после того, как явился ему Христос и в таинстве крещения сошел на него Святой Дух? Павел стал апостолом язычников, он совершил много путешествий, основал христианские общины; он стал автором замечательных посланий, которыми до наших дней духовно питаются миллионы христиан во всем мире. Кто научил его всему этому? Кто дал ему силы и мудрость, мужество и терпение? Не Гамалиил, у ног которого он учился в юности, не книги, которые он прочитал, не другие апостолы, с которыми он встречался, но Сам Бог — через Духа Святого.

Так Господь через Духа Святого преобразует жизнь человека, так наполняет Он ее новым смыслом, так в человеческой немощи дает возможность явиться силе Божией. «Сила Моя совершается в немощи», — сказал Христос апостолу Павлу. «Мы немощны, но по благодати Святого Духа мы сильны», — говорил апостол Павел (2 Кор. 12:9). По евангельским меркам мы немощны, мы не соответствуем тому нравственному и духовному идеалу, который начертан для нас Господом в Евангелии. По-человечески мы не способны воплотить в жизнь заповеди Божии, но с помощью Святого Духа это для нас становится возможно. Святой Дух — это Тот, Кто

приходит к нам и преображает нас, дает нам силы на проповедь, из слабых и немощных людей превращает нас в апостолов, в носителей благовестия Христова.

Потому мы и обращаемся сегодня с молитвой Святому Духу, которую читаем в течение всего года, кроме пасхального периода: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша». Ибо мы знаем, что Святой Дух, Который присутствует всюду, все наполняя Собою, может и нашу омертвевшую душу воскресить к новой жизни, и наше охладевшее сердце воспламенить любовью; Он способен и нам даровать духовную весну; Он может и нас превратить в апостолов, в носителей слова Божия, в провозвестников Евангелия.

1998

"На пятидесятницу мир отвечает столпотворением Вавилонским...".

Пятидесятница

«Егда снизшед языки слия, разделяше языки Вышний; егда же огненная языки раздаяше, в соединение вся призва...» В этих словах кондака праздника Пятидесятницы проводится параллель между тем, что происходило на заре человеческой истории, — столпотворением Вавилонским, — и тем, что произошло в пятидесятый день по Воскресении Христовом — сошествием Святого Духа на апостолов. Тогда люди, одержимые безумной идеей построить башню, которая достигала бы до неба, были наказаны Богом: они заговорили на разных языках, перестав понимать друг друга. А в день Пятидесятницы каждый из сотен людей, пришедших в Иерусалим, услышал апостолов говорящими на его родном языке. Безбожное строительство стало причиной разделения человечества, а сошествие Святого Духа объединило всех людей в единое Тело, единую Церковь, где все понимают друг друга, потому что проникнуты одним духом, живут ради одной цели.

Со времени Вавилонского столпотворения все человечество разделено на разные племена, разные страны, у каждой из которых — свой язык, своя культура, своя цивилизация, своя духовная традиция. И все попытки унификации языка, культуры, мировоззрения, подобно строительству Вавилонской башни, оканчивались в лучшем случае неудачей, в худшем — катастрофой. Мы все были свидетелями крушения Вавилонской башни, которую строили на протяжении семидесяти лет: в течение всего этого времени людей разных национальностей, разных культурно-исторических традиций заставляли говорить на одном языке, исповедовать одну идеологию, навязанную им безбожной властью. Во имя идеи торжества безбожной коммунистической идеологии миллионы людей были репрессированы, загнаны в лагеря, уничтожены физически или морально. Но достигнутое единство оказалось недостаточно прочным: башня рухнула при первом порыве свежего ветра. Все народы, насильственно и искусственно объединенные, вновь разделились и стали строить жизнь каждый по-своему.

А сейчас мы становимся свидетелями строительства еще одной Вавилонской башни: человечество хотят объединить на основе западной гуманистической идеологии, которая, хотя и не отвергает Бога, но в центре всего ставит человека как «меру всех вещей». Именно во имя так называемых «прав человека» на людей сбрасывают бомбы, их обрекают на изгнание, лишения, голодную смерть.

В праздник Пятидесятницы 1943 года, в разгар Второй мировой войны, выдающийся русский богослов протоиерей Сергей Булгаков писал: «Дух пришел в мир, но достигает ли нас Его источник, жаждем ли Его? Или же нам ныне становится непосильно духовное Его торжество? Увы! На Пятидесятницу мир отвечает столпотворением Вавилонским, на шум с неба ревом воздушных и земных орудий, на разделяющиеся языки, почивающие на каждом, адским огнем учений ненависти и разделения сатанинской гордости и насилия. Мир горит и разрушается, а не преображается. Он не вдохновляется изливанием Духа, но задыхается в исступлении».

Эти слова весьма актуальны сегодня, на исходе XX столетия. Накануне Пятидесятницы, 29 мая, я вернулся из Белграда, куда ездил с делегацией христианских деятелей для переговоров с президентом Милошевичем и руководством Сербской Православной Церкви. В Белграде я не слышал «рева воздушных и земных орудий», но слышал вой сирены воздушной тревоги, означающий начало очередной бомбардировки. В то время, когда мы в здании Патриархии беседовали с Патриархом Павле и членами Священного Синода, внезапно загудели сирены, после чего во всем Белграде отключилось электричество: была разбомблена последняя электростанция. Для нас это означало всего лишь, что беседа продолжилась при свечах. Но для тех, кто в эти минуты лежал на операционном столе, чья жизнь поддерживалась аппаратом искусственного дыхания или искусственной почки, это означало неминуемую и немедленную смерть.

Видел я и мертвый аэропорт, куда давно уже никто не прилетает и откуда никто не вылетает, где не работают эскалаторы, нет воды в умывальниках, нет того обычного многолюдства и движения, с которым в нашем представлении связаны аэропорты. Видел десятки разрушенных зданий, от которых не осталось ничего, кроме четырех стен с пустыми глазницами окон, а внутри — ни потолков, ни стен, все уничтожено. И при всем этом люди гуляют по улицам, дети играют во дворах уцелевших зданий, катаются на велосипедах, никак не реагируя на вой сирен. По одному из немногих уцелевших мостов через Дунай движутся сотни автомобилей, хотя этот мост в любую минуту может быть разбомблен. А в Воеводине, через которую пришлось ехать в Белград, в самом разгаре полевые работы: сотни людей каждое утро выходят на поля, чтобы обрабатывать землю, засеивать ее семенами. Жизнь продолжается, и война тоже продолжается.

А сколько людей уже погибло под бомбами! Среди «случайных жертв» бомбардировок — не только сербы, но и косовские албанцы, ради блага которых якобы предпринимаются акции западных держав, объединенных одной идеей — борьбы за «права человека»? Косово превращено в выжженную землю, тысячи домов разрушены, сотни тысяч людей, оставшихся без крова, разбрелись по лицу Европы в поисках пристанища, а западные борцы за права человека все продолжают беспощадно громить то, что осталось, сбрасывая бомбы на города и веси Югославии.

У этого трагического противостояния есть, конечно, свои политические причины. Распад старой Югославии, ошибочная национальная политика нового югославского руководства, межнациональный конфликт в Косово, заинтересованность Запада в контроле над Балканами, неспособность сторон, вовлеченных в конфликт, прийти к взаимоприемлемому решению — все эти факторы способствовали тому, что происходит. Но есть и более глубокие — идеологические — причины у этого конфликта. Лидеры западных стран решили, что весь мир должен жить в соответствии с западными либеральными стандартами, и, поскольку Югославия этим стандартам пока не соответствует, решено ей их навязать насильственным путем.

Не следует отрицать преимуществ западной цивилизации: права человека в странах Запада обеспечиваются, люди живут не бедно, получают высокие зарплаты и пенсии, государство заботится о своих гражданах. Религия же никому не навязывается: во что хочешь, в то и веруй; полная свобода и вседозволенность (разумеется, в рамках гуманистических стандартов). Но все

это складывалось на Западе на протяжении нескольких столетий — начиная с эпохи Возрождения, когда на смену средневековой теоцентрической идеологии пришла идеология антропоцентрическая. Что же касается, например, России или Сербии, то эти страны вообще не участвовали в построении гуманистической вселенной: они развивались по своим законам, искали свой путь развития, соответствующий их культурно-исторической традиции. Не участвовали в строительстве западной цивилизации ни мусульманские страны, ни Китай, ни Индия, ни Африка, которые вовсе не готовы (и неизвестно, будут ли когда-нибудь готовы) жить в соответствии с западными стандартами.

Очевидно, что после Вавилонского столпотворения и вплоть до Второго пришествия Христова у человечества не может быть единого цивилизационного стандарта. Человечество обречено на то, чтобы быть разделенным в соответствии с различными культурными, духовными и политическими традициями разных народов и стран. Только в Церкви Христовой, где нет «ни эллина, ни иудея», или в эсхатологическом Царствии Божиим это разделение преодолевается. Здесь же, на земле, ни одна идеология не сможет стать общей для всех, ни одно мировоззрение, ни одна религиозная, культурная, цивилизационная или политическая доктрина не сможет объединить человечество. И все попытки навязать людям такую доктрину обречены на провал, подобный разрушению Вавилонской башни.

Что же остается нам, христианам, живущим в России, членам Русской Православной Церкви? Во-первых, мы должны не обольщаться тем, что происходит в западном мире — объединением Европы, глобализационными процессами, охватывающими все большее число людей. У этих процессов есть свои положительные стороны, но есть и своя изнанка — именно ее мы с ужасом наблюдаем в военных операциях против Югославии, жертвами которых становятся сотни тысяч людей. Мы должны ясно понимать, что если сегодня будет разгромлена Югославия, завтра могут взяться за Россию — у нас тоже нарушаются «права человека», мы тоже далеко не соответствуем западным стандартам.

В духовном же плане мы должны обращать свои взоры ко Второму пришествию Христову, к Царству Небесному, где все мы будем объединены Духом Святым в единой Пасхе, единой Пятидесятнице. Именно к этому мы должны себя готовить всей своей жизнью, каждым делом и каждым словом. «Непокоривость настоящему, непримиримость с ним и вера в грядущее нас да вдохновляет, — говорит отец Сергей Булгаков. — Веление Пятидесятницы есть творческое устремление нашего духа, которое для каждого свое. Оно противится ослеплению и ожесточению настоящего, оно зовет к грядущему, которое приходит и придет через все испытания настоящего... Пятидесятница не сулит нам мира и торжества на земле, их не сулит нам и Христос, но зовет к борьбе, к творческому делу, дает ее обетование и торжество». Будем подходить к жизни творчески, будем просить Духа Святого, чтобы Он пришел и вселился в нас, чтобы Он преобразил нашу жизнь и — через нас — жизнь наших ближних.

И, наконец, мы никогда не должны отходить от Церкви, разрывать живую связь с ней. Ибо что бы не случилось с миром сим, с нашей страной, с каждым из нас, Церковь будет стоять до скончания века, и «врата ада не одолеют ее». И для каждого из нас она будет оставаться Матерью, объединяющей всех нас в единое Тело действием Духа Святого.

30 мая 1999 г.

Плоды Духа Святого. День Святой Троицы. Пятидесятница

В праздник Пятидесятницы мы вспоминаем событие, которым завершилось домостроительство спасения рода человеческого. В этот день Господь послал на Своих учеников Святого Духа, сошедшего на них в виде разделяющихся языков: под действием Святого Духа представители разных национальностей, собравшиеся в Иерусалиме на праздник и говорившие на разных наречиях, начали понимать слова апостолов. Мы не знаем, говорили ли апостолы на разных языках или каждый из присутствующих слышал их говорящим на его языке, но смысл происшедшего заключается в том, что каждый слышал то, что он должен был услышать, на том языке, который он понимал. И с того момента, когда Господь послал Святого Духа на Своих учеников, тайна Пятидесятницы пребывает в Церкви, давая людям возможность слышать дыхание Духа Божия и воспринимать евангельскую весть, в тех понятиях и представлениях, в которых эта весть им доступна.

Господь говорит: «Дух дышит, где хочет... а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (Ин. 3:8). Нам не дано знать, почему Он приходит и почему уходит. Но есть в каждом из нас некое внутреннее чувство, которое помогает нам распознавать дыхание Духа Божия, как это было с пророком Илией, который почувствовал, что «не в буре... не в землетрясении... не в огне Господь», но в веянии тихого ветра (3 Цар. 19:11–12). Мы ощущаем это таинственное дуновение, словно веяние тихого ветра, когда Святой Дух приходит к нам. Он приходит, чтобы преобразить нашу жизнь, изменить нас изнутри и изменить все вокруг нас. Когда Святой Дух приходит, мы начинаем видеть мир другими глазами и оживаем, подобно тому, как весной после долгой зимы оживает природа, появляются цветы, травы и дыхание жизни возвращается ко всему живому.

Прикосновение Духа Святого преобразует жизнь человека на всех ее уровнях – не только на духовном, но и на душевном и телесном. Дух Святой проявляет Себя не только в церковной, но и в семейной и профессиональной нашей жизни. Именно потому перед началом всякого дела мы обращаемся к Духу Святому с молитвой, которую мы сегодня, в праздник Пятидесятницы, слышали неоднократно: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй...». Мы исповедуем, что Дух Святой присутствует везде и наполняет Собою всё, и просим Его о том, чтобы мы не оказались вне Его спасительного присутствия, вне Его благодатного действия. Мы просим, чтобы Святой Дух пришел и вселился в нас, чтобы Он очистил нас от всякой скверны, от всякого греха, от всего того, что мешает нам приблизиться к Богу, от того, что мешает нам увидеть мир таким, каков он есть на самом деле. Мы просим Святого Духа, чтобы на всяком нашем деле было Его благословение. Только тогда наша жизнь будет подлинно христианской, когда мы будем жить Духом Святым, когда вся наша жизнь будет нацелена на то, что святой Серафим Саровский называл «стяжанием Духа Святого».

Каковы плоды действия Духа Святого? Мы видим эти плоды в святых, например, в преподобном Серафиме. Когда Мотовилов однажды спросил святого старца, что такое Дух Святой и что значит «стяжание благодати Духа Святого», тот не ответил ему словами, но Мотовилов вдруг увидел, что лицо святого просияло подобно солнцу, и старец на его глазах преобразился. Мотовилов ощутил необычайное благоухание, почувствовал необычайную радость, неземную теплоту. Так действует Дух Святой – таинственно и непостижимо, и Его действие превосходит всякое человеческое понимание и всякое человеческое слово.

«Святым Духом всяка душа живится», – говорится в церковной песни. И поистине Дух Святой «везде сый и вся исполняяй». Но наша задача заключается в том, чтобы не пропустить те минуты, те мгновения, когда дуновение Духа касается нас. Мы должны учиться распознавать присутствие Духа и в самих себе, и в Церкви Божией, и в людях, и в окружающем мире. Тогда и мы сможем – в той степени, в какой каждый из нас способен вместить, – приобщиться к Святому Духу, как приобщились к нему святые апостолы, которых Святой Дух превратил из простых, безграмотных рыбаков в великих проповедников Евангелия, так что поистине «во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их». Если мы будем жить в Духе Святом, то и

нам Господь даст такой дар языков, что на наше слово будет откликаться сердце всякого слушателя вне зависимости от его национальности, возраста, социального положения и даже вероисповедания. Такую силу дает Господь тем людям, которые взыскали благодать Святого Духа. Будем искать этой благодати, будем просить Святого Духа, «Царя Небесного и Утешителя», чтобы Он пришел и вселился в нас, чтобы Он никогда не оставлял нас, и чтобы каждая наша мысль, каждое слово и дело были пронизаны Его животворным и благодатным присутствием. Аминь.

18 июня 2000 года

"О иже во аде держимых". Вечерня в праздник Пятидесятницы

Вечерня, которую мы сейчас совершили, — это совершенно особая служба. Ею по сути завершается то духовное путешествие, которое началось с Рождеством Христовым, продолжалось весь Великий Пост, всю Страстную Седмицу, Пасху, Вознесение и Пятидесятницу. В течение всего этого периода мы вспоминали то, что Отцы Церкви называют «домостроительством» Господа Спасителя, то есть Его спасительным делом, которое началось Его рождением, а закончилось вознесением и ниспосланием Святого Духа на апостолов.

На этой вечерне читаются совершенно особые, коленапреклонные молитвы. В них вспоминается вся история человечества от сотворения мира и все то, что Господь совершил ради избавления человечества от греха, ради спасения людей. Особое место в этих молитвах занимают прошения об усопших — о всех наших сродниках и близких, о всех, кто умер за много поколений и за много столетий до нас, не только праведниках, но и грешниках. В третьей молитве говорится и «о иже во аде держимых» — тех, кто больше других нуждается в нашем молитвенном предстательстве.

Почему мы молимся об усопших и особенно «о иже во аде держимых»? Потому что между Церковью земной и Церковью небесной нет непроходимой границы, между живыми и умершими нет непреодолимой пропасти, но все усопшие — наши братья и сестры, с которыми мы связаны тесными, неразрывными узами. И мы верим, что те, кто не удостоился райского блаженства и сейчас находится в тяжких мучениях, могут быть избавлены от них по нашим молитвам. Такова вера Православной Церкви, такова надежда наша, так проявляется наша любовь к усопшим братьям и сестрам, о которых болит и скорбит душа наша.

Никто никогда не будет спасен Господом насильно. Пока остается хотя бы один человек, который не хочет последовать за Христом, до тех пор существует ад, существует гееннское мучение как страдание богооставленности. Но и в аду действует любовь Божия, и в аду присутствует Господь, ибо после Своего воскресения Он сошел туда, чтобы и в аду прозвучало Его спасительное слово. Сойдя во ад, Господь обратил Свою проповедь к людям, которые при жизни не знали Его или не хотели последовать за Ним, которые шли по пути греха, отказавшись идти путем праведности.

Именно об этих людях молится сегодня Церковь, ибо они не вычеркнуты из ее памяти. Те наши усопшие сродники, которые, может быть, вели жизнь, недостойную христиан, а может быть, и вовсе не были христианами, умерли вне истинной веры и оказались в аду, — и они должны присутствовать в нашей памяти и нашей молитве. Ибо до тех пор, пока мы помним и молимся о них, остается надежда на их спасение.

Некоторые думают, что нам, православным христианам, нельзя молиться ни за кого, кроме членов Православной Церкви. По существующему обычаю, за православной Литургией, на проскомидии, не поминается никто, кроме православных христиан. Но помимо поминания на проскомидии существует много других форм поминовения. И тот факт, что имена инославных христиан или нехристиан не произносятся на молитве церковной, вовсе не означает, что мы вообще не должны молиться о тех, кто умер вне православной веры, что мы должны отречься от этих людей и что, коль скоро они умерли вне православной веры, надежды на спасение для них нет, а потому и молиться о них незачем.

У многих из нас родители, бабушки и дедушки, братья и сестры, а у кого-то может быть и дети умерли вне веры. Нельзя отчаиваться в спасении этих людей. И нельзя вычеркивать их из нашей памяти. Мы должны молиться о них, а также о всех «во аде держимых», помня, что Господь «умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит» (1 Цар. 2:6), и что, если мы печалуемся об этих людях, их страдание в аду может стать временным, очистительным. Господь «хочет, чтобы все люди спаслись» (1 Тим. 2:4), и в этом Его желании мы не должны препятствовать Ему: наоборот, своей молитвой за усопших мы должны помогать Богу спасать грешников. Жертва, которую принес Спаситель, универсальна: она принесена за каждого человека, живущего или когда-либо жившего на Земле. Будем и мы приносить «жертву уст», пламенную молитву «о всех и за вся» — о живых и умерших, праведных и неправедных, православных и неправославных, верующих и неверующих.

Конечная судьба каждого из нас зависит от нашего собственного выбора — от того, на чью сторону мы встанем: Бога или дьявола. Выбор этот делается нами в течение нашей земной жизни. Для тех же людей, от которых ничего более не зависит, которые уже все, что могли, сделали или не сделали, главная надежда на спасение — это мы, наша молитва о них, наша память о них.

И не будем рассуждать о том, кто спасется, а кто не спасется, потому что это известно лишь Богу. Но будем молиться о спасении всех, в том числе «иже во аде держимых». Ибо, как говорит преподобный Силуан Афонский, «у нас должна быть только одна мысль — чтобы все спаслись».

1998

Ходатай о нашем спасении. Память святителя Николая Чудотворца

Каждый святой проживает как бы три жизни. Одна — это его реальная жизнь. Другая — его житие. Третья — это «посмертная» жизнь святого, то есть его жизнь в многовековом опыте Церкви, включающем различные чудеса, исцеления и случаи помощи этого святого людям.

О первой, реальной жизни святого мы иногда знаем кое-что, иногда — очень мало, иногда — почти ничего. Мы знаем о жизни святого больше, если он оставил автобиографические сочинения (как например, святитель Григорий Богослов), или если он совершил такие деяния, о которых сохранились сведения в исторических источниках (например, в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, где упомянуты многие святые), или, наконец, если святой близок к нам по времени и память о нем еще жива среди наших современников (например, преподобный Силуан Афонский, многие мученики XX века).

Вторая жизнь святого — это его житие, написанное в некоторых случаях много столетий спустя и нередко лишенное исторической достоверности. Житие святого — это его словесная икона,

некий идеализированный образ: оно всегда пишется в соответствии с каноном, за пределы которого автор позволяет себе выйти лишь в исключительных случаях. Житийный канон заключается в том, что из одного жития в другое переходят одни и те же словесные штампы, одни и те же эпизоды, описания чудес. Едва ли не каждый герой агиографической литературы рождается от благочестивых родителей и уже в раннем детстве проявляет признаки особого христианского благочестия, избегает обычных детских игр. Едва ли не каждый святой прилежно учится в школе, но отказывается от высшего образования; претерпевает искушения от диавола, но всегда их преодолевает; борется с какой-либо злостной ересью своего времени и одерживает над ней победу; совершает многочисленные чудеса и исцеления.

Лишь в редких случаях — например, если житие написано одним из ближайших учеников святого, знавшим его при жизни — оно сохраняет черты фактической и исторической достоверности (как например, Житие преподобного Симеона Нового Богослова, написанное его учеником Никитой Стифатом, или житие преподобного Сергия Радонежского, написанное Епифанием Премудрым). Однако во многих случаях житие даже и не претендует на историческую достоверность, как не претендует икона святого на портретное сходство. Если мы сравним житие Григория Богослова, составленное в VII веке, с его автобиографическими сочинениями, то без труда увидим разницу между его реальным и идеализированным образами. Нередко написанное в житии даже противоречит той информации о жизни святого, которую мы имеем из других источников.

Что знаем мы о реальной земной жизни святителя Николая? Почти ничего. Есть его житие с рассказами о различных чудесах, однако многие из этих рассказов заимствованы из жития другого святого, Николая Сионского, жившего в VI веке. Ни один исторический источник IV века не упоминает о Николае, архиепископе Мир Ликийских. В житии святителя Николая рассказывается о том, как он принимал участие в I Вселенском Соборе (325 г.), на котором он ударил еретика Ария, за что был лишен сана, но впоследствии восстановлен в епископском достоинстве. Этот эпизод отсутствует в дошедших до нас документах Собора. Более того, среди подписей 153-х участников Собора нет подписи архиепископа Мир Ликийских Николая. Можно, конечно, предположить, что подписи собирались как раз в тот момент, когда святитель Николай был лишен сана Отцами Собора. Но, как бы там ни было, какого-либо документального подтверждения эпизода с Арием мы не имеем.

Означает ли все сказанное, что житиям вообще нельзя верить? Вовсе нет. Хотя бы потому, что от житий не всегда можно требовать исторической достоверности, на которую они и не претендуют. Житие говорит нам в первую очередь о значимости святого для Церкви и церковного народа, рисует нам его духовный образ. Что же касается исторического облика святого, то в некоторых случаях он остается как бы «за кадром».

И здесь важно сказать о той третьей жизни каждого святого, которую он проживает в опыте верующих на протяжении многих столетий, протекших после его смерти. Речь идет об исцелениях и чудесах, совершающихся у мощей или гробницы святого, о многообразной помощи, которую оказывает святой, когда к нему обращаются с молитвой. И во многих случаях оказывается, что таинственным образом эта жизнь святого в опыте Церкви соответствует тому, что мы можем узнать о святом из его жития. И житие, лишенное исторической достоверности, оказывается безусловно достоверным на каком-то глубинном и опытном уровне. И чудеса, описанные в житии, затем многократно повторяются в опыте других людей.

Из жития святителя Николая мы узнаем, что он заботился о бедных и спасал людей, попавших в тиски острой материальной нужды. Рассказывается, например, что он положил три мешочка с золотом на окно дома одной разорившейся семьи. Но сколько людей в наши дни могут засвидетельствовать, что по молитве к святителю Николаю они получили неожиданную

материальную помощь. Из жития мы узнаем, что святитель помогал бедствующим на море. Но и в наши дни немало случаев, когда потерпевшие кораблекрушение видели святителя Николая, приходящего им на помощь. В житии говорится о том, как святитель Николай явился во сне императору, приговорившему трех неповинных людей к смертной казни. Но и сейчас известны случаи, когда святитель Николай спасает людей от внезапной смерти. Над человеком уже занесен меч, он теряет последнюю надежду на спасение, как вдруг появляется благообразный старец, который приносит весть об избавлении.

Этим и объясняется тот феномен, что человек, о котором мы не знаем почти ничего в историческом плане, давно уже стал самым популярным святым христианского Востока и Запада. Может ли Рождество на Западе пройти без присутствия Санта-Клауса, приносящего подарки и радость детям? Даже многие нехристиане обращаются к святителю Николаю с молитвой — и получают помощь. До сего дня нетленные мощи святого, покоящиеся в городе Бари на юге Италии, источают благоуханное и целебное миро, и тысячи людей получают от него исцеления.

Один человек, которого я хорошо знаю, рассказывал, как он был спасен от смерти святителем Николаем. «Однажды рано утром, — говорил он, — в начале шестого, я ехал на машине с другом, который только накануне получил водительские права и сейчас сидел за рулем. Ехали мы не слишком быстро, поскольку был туман, и читали вслух утренние молитвы. В какой-то момент туман рассеялся, и водитель прибавил скорость. Неожиданно дорога пошла на спуск, и мы опять въехали в облако тумана. Водитель не заметил поворот, не успел сориентироваться, и машину вынесло на встречную полосу. Промелькнул дорожный знак, последовало несколько сильных ударов, после чего наступила темнота... Все происходило настолько быстро, что я не успел даже понять, что случилось. Единственное, что осталось в моей памяти — внезапное появление и незримое присутствие святителя Николая. Это было не видение, но совершенно ясное ощущение живого присутствия святого.

Мы очнулись в глубокой низине. Я отделался несколькими царапинами, мой друг — переломом руки. Машина была полностью разбита. Через некоторое время прибыли сотрудники дорожной полиции; их первый вопрос был: «Где трупы?» Когда им сказали, что пассажиры остались живы, они долго не могли поверить. Оказалось, что машина упала с высокого обрыва и, падая, несколько раз перевернулась. По всем признакам, мы должны были погибнуть, а машина — взорваться. Но ничего этого не произошло. Как я верю, благодаря вмешательству святителя Николая».

Это далеко не единственный известный мне случай чудесной помощи и заступничества святителя Николая. Из подобных рассказов можно было бы составить целую летопись чудес святителя Николая в наши дни. И среди присутствующих здесь наверняка есть люди, которые на опыте познали близость святителя Николая в трудную минуту и его готовность прийти на помощь.

Будем молиться святителю, чтобы он никогда не оставлял нас своим благодатным присутствием. Будем обращаться к нему не только в критические моменты, но и в повседневной жизни. Опыт верующих показывает, что святитель Николай откликается даже на просьбы о ничтожных и малозначительных вещах. Он, несомненно, один из самых действенных наших помощников, стоящих у престола Божия и ходатайствующих о нашем спасении.

"Правило веры и образ кротости". Память святителя Николая Чудотворца

Сегодня мы празднуем память святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мир Ликийских, одного из самых почитаемых и вместе с тем самых загадочных святых Православной Церкви. Загадочных потому, что мы очень мало знаем о его жизни. Нет вообще никаких достоверных исторических свидетельств о жизни этого святого. При этом, столь многие поколения верующих в течение многих веков испытали опыт реального присутствия святителя Николая в их собственной жизни. Мы знаем, как быстро он откликается на молитвы, приходит на помощь даже в тех ситуациях, где, казалось бы, помочь уже невозможно. И этот парадокс – с одной стороны, почти полное отсутствие каких-либо исторических сведений о святителе, а с другой, доказательства, которые в своем религиозном опыте имеет едва ли не каждый православный христианин, – свидетельствует о том, что в жизни Церкви очень много происходит совершенно по-иному, чем в жизни мира сего. И то, что требуется от нас как христиан в Церкви, во многом тоже отличается от того, что требуется от человека по законам этого мира.

Тропарь святителю Николаю, который мы слышали сегодня, начинается словами: «Правило веры и образ кротости». По-гречески это звучит так: «Канона пистеос ке икона праотитос». Здесь употреблены два очень важные слова – «канон» и «икон», которыми характеризуется святитель Божий.

«Канон» – слово, пришедшее из строительной практики. В строительном деле словом «канон» назывался отвес – груз на шнуре, с помощью которого определяли вертикальное положение стены. Без этого простого приспособления невозможно возвести стены дома прямо, если же стены имеют наклон, то, сколь бы ни был искусен архитектор, дом рано или поздно упадет. Таким образом, канон – это тот эталон, на который все ориентируется. В церковной жизни канонами называют правила, по которым живет Церковь, а также многие молитвы, составленные Святыми Отцами. Иначе говоря, святитель Николай, названный «правилом веры», является тем образцом, на который мы должны ориентироваться, тем жизненным примером, с которым мы должны сверять свою жизнь.

«Икон» значит «образ», отсюда и русское слово «икона». Этот термин имеет много значений. Образом Бога Отца является Христос, Бог Воплотившийся, Который в Своем человеческом естестве явил то, чем должен быть настоящий человек, чем, по сути, должен быть каждый из нас – живой иконой, живым видимым образом невидимого Бога.

Глядя на иконы в православных храмах, мы замечаем, что они пишутся по канонам – по правилам, которые коренным образом отличаются от тех, по которым создаются обычные картины. На иконах люди не изображаются реалистически. Мы видим здесь некий идеальный образ святого, видим не процесс, а результат всей его жизни, видим, чего этот святой достиг в духовном плане. Иконографический образ совсем не обязательно должен соответствовать реальной исторической действительности, но в иконе всегда есть то, что служит нам уроком. Каждая икона являет нам образ святого, который при жизни сделался образом Божиим, который достиг того, к чему призваны и мы – обожения.

Почему на иконах люди никогда не изображаются в профиль, но всегда лицом к нам? Потому что каждый человек, достигший богоподобия, т. е. созданный по образу Божию и сумевший реализовать в своей жизни образ Божий, обращен лицом и к Богу, и к людям. Святой – это человек, который раскрыл свой потенциал во всей полноте и который этой полнотой, этим

богатством может делиться со многими людьми. Это человек, в лице которого мы узнаем лик Христа, а в лике Христа – лик Божий.

На иконах святые обычно изображаются с предметами, символизирующими их святость и подвиг. Например, святителя Николая изображают с Евангелием, закрытым или открытым, потому что Евангелие – это непреложный канон, правило для христианской жизни, потому что святитель Николай достиг святости именно на пути исполнения евангельских заповедей: он сверял свою жизнь с Евангелием, подобно тому, как строитель выверяет вертикальное направление стены отвесом, канонем. Именно поэтому жизнь святителя стала столь прекрасной, полноценной и подлинно христианской и явила нам образец того, какой должна быть жизнь христианина.

Нет ни одной иконы, на которой не было бы надписи с именем святого. В Древней Церкви иконы не освящали: всякая икона считалась освященной с того момента, когда на ней появлялась надпись с именем святого. Эта надпись очень важна, потому что имя человека символизирует его индивидуальность, его личность. Каждого из нас Бог знает по имени. А это значит, что Он знает, к чему мы предназначены и как идем по тому пути, который нам предначертан. И мы не должны забывать о том, что, если Бог привел нас в эту жизнь, если Он дал нам человеческий облик по образу Своему и дал нам имя, то это потому, что Он хочет привести нас в Царствие Божие и увидеть и в нас, как видит в святых, образ Бога Невидимого.

Наконец, иконы пишутся по таким канонам, которые противоположны законам обычной живописи. В иконописи используется, например, обратная перспектива, когда из двух одинаковых величин большим изображается та, что находится дальше от зрителя, тогда как в обычной жизни то, что расположено ближе, кажется нам большим, чем то, что находится дальше. В обратной перспективе содержится некое указание на то, что многие явления, которые по законам мира сего кажутся благими, для христианина вредны, и наоборот – многое, что человеку мира сего кажется странным, непонятным, ненормальным, по законам евангельским является нормой и идеалом. Заповеди блаженства, например, представляют именно ту «обратную перспективу», в которой должен жить каждый христианин. То, что людям представляется несчастьем и слабостью – смирение, кротость, нищета духа и т. д. – те качества, которые перечислены в Заповедях блаженства, – именно они по закону христианской жизни и являются тем путем, который должен привести нас в Царствие Небесное. Не случайно в тропаре святителю Николаю говорится: «Сего ради стяжал еси смирением высокая, нищетою богатая». А мы помним, что в Евангелии Христос говорит, что обладателю земных богатств трудно войти в Царствие Небесное (Мф. 19:24), что человек, который «хочет душу свою (т. е. жизнь.) сберечь, тот потеряет ее» (Мф. 16:25), но кто раздает свое богатство бедным и избирает путь добровольной нищеты, кто встает на путь смирения, тот приобретает те нетленные блага, которые уготованы каждому из нас в Царствии Небесном.

Таков путь евангельский, предуказанный нам Самим Христом и явленный жизнью таких угодников Божиих, как святитель Николай. Будем, взирая на его икону, молясь ему, почитая его, стараться подражать ему. Будем стараться стяжать «смирением высокая, нищетою богатая», чтобы стать «правилом веры и образом кротости», т. е. теми, через кого свет Божий сияет, через кого лик Божий открывается людям. Аминь.

"Кровь мучеников есть семя Христианства". Освящение храма святой великомученицы Екатерины

Сегодня Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и Блаженнейший митрополит всея Америки и Канады Феодосий совершили освящение сего храма святой великомученицы Екатерины на Всполье – храма русской Православной Церкви, который служит одновременно подворьем Православной Церкви в Америке, единственного православного храма на территории России, где богослужение совершается частично на английском языке. Событие это для всех нас имеет совершенно особое значение. Для многих из здесь присутствующих именно с этим храмом связано вхождение в жизнь Церкви, именно в этом храме произошли их первые встречи с Богом в молитве и в причастии Святых Христовых Тайн.

Освящение храма началось с процессии, во время которой Святейший Патриарх обносил вокруг здания храма ковчежец с мощами святых. За этим действием стоит многовековая традиция. В первые века христианства храмы возводились в тех местах, где пролилась кровь мучеников или где несли свои подвиги преподобные и святители. Впоследствии храмы стали строить в самых разных местах, однако всегда хотя бы малая частица мощей мученика, преподобного или святителя полагалась в алтаре, чтобы на ней совершалась Божественная Литургия. Церковный писатель III века Тертуллиан говорил, что «кровь мучеников есть семя христианства». И именно потому, что на крови мучеников вырастает Церковь Христова, мощи мучеников или святых влагаются в антиминс и полагаются на престол.

Наш святой храм восстанавливается после многих десятилетий гонений, когда он использовался не по назначению, когда он разделял участь многих тысяч храмов – поруганных, оскверненных. В последнее десятилетие мы являемся свидетелями возрождения этих храмов, что иначе как чудом считать нельзя. И мы верим, что происходит это возрождение именно благодаря подвигу святых новомучеников и исповедников российских, чья кровь стала тем «семенем христианства», из которого сейчас произрастают столь обильные плоды, стала тем евангельским зерном, которое, падши в землю, умерло, чтобы принести стократный плод.

Храм наш имеет особую еще и потому, что в нем совершают молитвы христиане разных национальностей, в том числе, русские и американцы, англичане и бельгийцы, румыны и сербы. Все мы здесь, несмотря на разницу в культуре, языке и воспитании, предстоим одному Богу и молимся Ему «едином сердцем и едиными усты». Здесь, в храме Божиим, перед Лицом Бога милостивого преодолеваются те барьеры, которые разделяют нас, людей Востока и Запада. В течение более двух месяцев мы были объединены молитвой за страждущую Югославию, где происходила жестокая, кровопролитная война. Все мы – и русские, и американцы – здесь, в этом святом храме, возносили молитву о том, чтобы эта брань прекратилась. И вчера мы услышали радостную весть: война остановлена, бомбардировки прекратились. А потому сегодня, собравшись здесь, мы должны возблагодарить Бога за то, что Он услышал наши молитвы.

Опыт нашего совместного предстояния Богу в этом святом храме свидетельствует о том, что если грех человеческий и вражда человеческая разделяют людей Востока и Запада, людей разных национальностей, то святость тех, кто принес свою жизнь на алтарь Божий, объединяет их. Разделяет грех, а объединяет святость. Есть немало святых, которые являются общими для Русской Православной Церкви и для Православной Церкви в Америке: это и святейший Патриарх Тихон, и преподобный Герман Аляскинский, и святые новомученики протопресвитер Александр Хотовицкий и протоиерей Иоанн Кочуров. Все они являются нашими общими

святыми, заступниками и молитвенниками о душах наших. Именно благодаря их жертвенному подвигу веры наш храм сегодня восстанавливается, и приход растет.

Будем молиться Богу о том, чтобы благодать Божия никогда не оставляла нас, чтобы не повторились страшные времена гонений, чтобы храм сей, как мы молились сегодня в момент его освящения, стоял до скончания века и оставался для нас духовным домом, нашей духовной родиной. Аминь.

11 июля 1999 года

"Светильник для тела есть око". Неделя 3-я по Пятидесятнице

В сегодняшнем евангельском чтении я хотел бы обратить ваше внимание на слова Господа из Нагорной проповеди: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; если же око твоё будет темно, то все тело твоё будет темно».

Око – это орган, посредством которого мы воспринимаем окружающий мир. Очень многое в нашей жизни зависит не от происходящих событий, но от того, как мы их воспринимаем. Если стекло чистое и прозрачное, солнечный свет проникает внутрь здания беспрепятственно; чем менее прозрачно стекло, тем темнее в комнате, и даже в солнечный день в доме сумрачно. Подобное происходит и с нами: если наше душевное око затемнено, мы не способны воспринять божественный свет, не можем видеть Бога в потемках собственной души.

Более того, при затемненном око мы не способны адекватно воспринять видимый мир. Господь обращает наше внимание на, казалось бы, незначительные вещи, которые мы обычно вообще не замечаем. «Взгляните на птиц небесных, – говорит Он, – они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их... Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут» (Мф. 6:26, 28). Лилии цветут всего несколько дней, а потом погибают и засыхают, но когда расцветут, красотой своей превосходят царские одежды.

Господь заботится не только о птицах и цветах, но и о каждом из нас. А мы подчас именно из-за того не способны воспринимать с радостью и благоговением окружающий мир, что нам кажется, будто Бог плохо заботится о нас, и о своем завтрашнем дне мы должны думать сами. Но оттого, что мы поглощены заботой о завтрашнем дне, мы забываем о дне сегодняшнем. Оттого, что душа наша переполнена страхом и беспокойством за будущее, мы упускаем настоящее. Единственный ценный миг – сегодняшний, потому что то, что происходило с нами в прошлом, уже ушло, а то, что ожидает нас в будущем, еще не наступило. Часто мы оказываемся пленниками прошлого или будущего, забывая о том, как много хорошего, доброго окружает нас в настоящем. Мы живем как бы «на черновик», ожидая, что завтра или послезавтра наступит, наконец, то время, когда мы заживем по-настоящему. Так можно прожить всю жизнь и ничего не дожидаться, потому что если мы не умеем замечать те благодеяния, которые Господь нам посылает в людях, в окружающем мире, в птицах небесных и лилиях полевых, если мы концентрируемся только на негативных сторонах жизни, то сегодняшний день не принесет нам радости.

Многие люди подобны богачу из притчи Господней, говорившему: «Сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое. И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись». Но Господь сказал ему: «Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк. 12:16–21). Господь говорит нам: копить надо не земное богатство, но богатство Царствия

Божия: «Ищите же прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33). Господь не оставляет нас без хлеба насущного, даже если нам время от времени приходится жить в трудных, а иногда и отчаянных обстоятельствах. Если Бог питает птиц небесных, то напаяет и нас; если Он одевает лилии полевые, то оденет и нас. Нужно учиться довольствоваться немногим и радоваться тому, что у нас есть, вместо того, чтобы ждать, чего нам не дано и, может быть, никогда дано не будет.

Такую перспективу открывает нам Господь, когда говорит: «Если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло». По-славянски и по-гречески это звучит так: «Если око твое будет простым, то и тело твое будет светло». Надо учиться относиться к жизни проще, с доверием к Богу не проходя мимо даже самых, казалось бы, незначительных вещей, удивляясь премудрости Божией, которая заключена и в цветах, и в деревьях, и в природе в целом. Для каждого из нас эта книга природы открыта.

Однажды к преподобному Антонию Великому, египетскому отшельнику IV века пришли философы и спросили, как он может жить, в пустыне, не имея книг? И отшельник ответил: «Книга, в которой я непрестанно читаю чудеса Божии, есть природа. Наблюдая природу, я соприкасаюсь с Богом живым». Многие из нас сейчас, летом, имеют возможность бывать на природе, кто-то уезжает в отпуск, кто-то хотя бы на несколько дней вырывается из тисков городской жизни. Будем радоваться этим моментам. Когда Господь жил здесь, на этой земле, от Него не ускользали самые, казалось бы, незначительные вещи: птицы небесные, полевые лилии и многое другое, мимо чего мы проходим. Если мы очистим наше духовное око и научимся воспринимать с благодарностью и радостью все, что дает нам Бог, в благодарном сердце переплавляя все это в хвалу Богу, прославление Бога, то мы узнаем, что такое Царствие Божие и правда Его, узнаем, что такое чистое око, поймем, кто такие «чистые сердцем», которые «Бога узрят». Ибо Бога можно узреть лишь тогда, когда наше око чисто, когда мы способны видеть присутствие Божие даже в самых незначительных вещах. Будем жить так, чтобы встречать Бога на каждом шагу, в каждую минуту, не только завтра, но и сегодня, не только в прошлом или будущем, но и в настоящем.

О царственных мучениках. 80-летие со дня убиения Царской семьи

Исполнилось восемьдесят лет со дня смерти последнего русского императора Николая II, его жены императрицы Александры Федоровны, их пятерых детей: царевича Алексея и великих княжен Марии, Татьяны, Ольги, Анастасии, а также четырех их верных слуг.

О жизни последнего царя написано и сказано очень много, но, как правило, люди рассматривают его жизнь с двух противоположных точек зрения. Одни смотрят на него как на политического неудачника, который допустил множество ошибок и привел некогда великую страну к полной разрухе: в этом случае о нем говорят с осуждением, презрением и насмешками. Другие, напротив, делают из царя лубочную картинку, говорят о нем как об идеальном монархе, который вообще ни в чем никогда не ошибался и который стал жертвой провокационной деятельности врагов русского народа.

Оба суждения равно несправедливы по отношению к царю-мученику. Сторонники обоих взглядов пытаются использовать фигуру царя в своих политических целях. Людей и с той и с другой стороны интересует не реальный человек, Государь император Николай Александрович, а та идеология, в контексте которой его жизнь можно использовать. Поэтому его жизнь и

переписывают столь по-разному, в результате чего перед нами предстают две совершенно разные, даже противоположные фигуры.

А как Церковь вспоминает последнего царя? Чтобы понять это, нужно вспомнить, как о царях говорит Библия. В Священном Писании Ветхого Завета упоминаются имена многих царей и правителей, причем нередко авторы библейских книг ограничиваются ремаркой о том, что тот или иной царь «ходил» или, наоборот, «не ходил перед Богом». Многие знаменитые и великие дела царей оставлены за кадром, многие крупные победы и поражения ускользнули от внимания авторов Библии. Осталось лишь самое главное в жизни каждого царя, некий основной итог его жизни — а именно то, каким этот человек явился перед Богом. Прочее остается для исследования светским историком, ученым, политическим аналитикам.

Этот критерий используется Церковью при оценке жизни и деятельности того или иного правителя. Предстоял ли он перед Богом, сохранил ли верность Богу — вот что важно, остальное второстепенно. Если мы в этой перспективе взглянем на жизнь последнего русского царя, то увидим, что и он, и вся его семья были людьми глубоко верующими: на первом месте в этой семье всегда стоял Бог. Конечно, у Николая Александровича были грехи молодости, да и в последние годы жизни человеческие слабости были ему не чужды. Но кто из нас вправе судить царя-мученика за эти слабости? Многие критики царя указывают на то, что его отречение от престола было ошибкой. Да, оно было ошибкой, но ведь отрекся он не в целях личной выгоды, а ради блага России. Кроме того, ведь и апостол Петр отрекся от Христа, но станем ли мы осуждать его за это, зная о подвиге жизни и смерти, которым апостол многократно искупил свое отречение?

Царя критикуют за то, что он был связан с Распутиным, верил проходимцу и развратнику. Но об этом хорошо сказал в своей проповеди, посвященной памяти Николая II, отец Сергей Булгаков: «Царь взыскал пророка, а нашел хлыста». Станем ли мы осуждать его за то, что нашел он не того, кого искал? И он и императрица были глубоко религиозными людьми, которым Бог послал тяжкое испытание — болезнь единственного сына, наследника престола. В течение многих лет они жили надеждой на чудо. И вот нашелся человек который каким-то способом — внушением, средствами народной медицины, или еще каким-то неизвестным нам средством — умел приостанавливать болезнь ребенка, облегчать его страдания. Станем ли мы осуждать государя и государыню за то, что они поверили они человеку? Разве в наши дни не случаются, что люди, которые ищут духовного наставника, едут в какой-нибудь монастырь, наслышавшись о великом старце, который, как они надеются, предскажет им будущее, облегчит их страдания, поможет им решить проблемы, а вместо старца натыкаются на хлыста, духовного уроды, который калечит их жизнь?

В жизни Государя императора Николая Александровича и Государыни императрицы Александры Федоровны не было такой ошибки, которую бы они не искупили своим страданием и смертью. Если же говорить об их детях, — царевиче и царевнах, — то здесь вообще не может быть сомнений в их нравственной высоте, чистоте, смирении и святости. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, в частности, переписка царственных детей с близкими.

Много лет назад, когда мне было лет четырнадцать или пятнадцать, я прочитал книгу «Письма Царской семьи из заточения». Книга поразила меня более всего тем, с какой верой, с каким смирением и с какой благодарностью Богу воспринимали царственные мученики свои страдания. В их письмах — ни слова ропота или жалобы, ни слова отчаяния, только вера и упование на Бога.

Вероятно, до последних дней, может быть, до последних минут царь и его семья надеялись, что их спасут. Наверное, они боялись смерти, не желали ее. Но кто из нас осудит их за это? А разве

Христос в Гефсиманском саду не утратил смелости, разве не умолял Он Отца Своего: «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф. 26:39)? Но когда пришел час смерти, Он мужественно принял ее. С тем же мужеством и смирением, безропотно встретили свою смерть царственные мученики. По свидетельству одного из их убийц, когда царю и его семье был зачитан смертный приговор, он сказал солдатам: «Вы не ведаете, что творите». Перед лицом смерти царь почти повторил предсмертные слова Христа.

Русская Православная Церковь готовится к канонизации царственных мучеников. На этой почве много споров, спекуляций; есть люди, которые хотят использовать готовящуюся канонизацию в политических целях, например, для пропаганды монархических, националистических и даже шовинистических взглядов. Другие, наоборот, выступают против канонизации, ибо не могут забыть то, что узнали еще в школьные годы о жизни последнего царя, — жизни, представленной как сплошную цепь ошибок, приведших к крушению монархии и династии.

Но суд Божий и суд Церкви отличается от суда человеческого. Как я уже сказал, Церковь смотрит прежде всего на сердце человека — на то, насколько это сердце было обращено к Богу. И еще: Церковь смотрит не только и не столько на жизнь человека, сколько на его смерть, ибо именно в смерти, в предсмертных страданиях со всей силой проявляется человеческая личность, именно в смерти человек нередко вырастает в полную меру своего духовного роста.

Среди святых, почитаемых в христианской Церкви, есть люди, которые всю жизнь прожили без Христа и лишь в последние минуты уверовали в Него и исповедали Его. Во времена гонений были случаи, когда актер, игравший роль христианина в антихристианском театральном представлении, здесь же, на сцене, проникнулся любовью ко Христу и исповедовал свою веру в Него, после чего бывал тут же умерщвлен. Он умирал, не приняв крещения, но, как веровала Церковь, крестился собственной кровью, поэтому его сразу же причисляли к лику мучеников. Никто уже не вспоминал о его прежней жизни, вспоминали лишь его смерть. Факт исповедничества и мученичества сам по себе, вне зависимости от того, какую жизнь вел человек до этого, считался достаточным основанием для внесения его имени в списки мучеников.

Государя императора Николая Александровича Церковь будет канонизировать не за его жизнь, а прежде всего за то, как он вместе со своей семьей переносил страдания, как встретил смерть. Он и другие члены Царской семьи будут прославлены как страстотерпцы — не столько даже как страдавшие за Христа мученики первых веков, сколько как безвинно пострадавшие благоверные князья, безропотно перенесшие все, что выпало на их долю, подобно Борису и Глебу, убиенному царевичу Димитрию.

Государь, Государыня и их дети безгранично любили Россию, были верными чадами Православной Церкви, глубоко любили друг друга. Кто прочитает переписку Николая с Александрой или «Письма Царской семьи из заточения», тот увидит, сколько любви, добра и света в этих письмах. За одно только то, как эти люди относились друг к другу, они могут быть прославлены Церковью. И четверо слуг, убитых вместе с царственными мучениками, достойны прославления в лике страстотерпцев. Ибо им предлагали покинуть Царскую семью, но они предпочли остаться и разделить ее страшную участь.

Сегодня Русская Православная Церковь, как в России, так и за ее пределами, возносит молитву об упокоении царственных мучеников. А придет время, когда вся Церковь, во всех храмах будет возносить молитвы *им* как страстотерпцам, стоящим во главе сонма новомучеников и исповедников российских.

Путь Марфы и путь Марии. Память преподобного Сергия Радонежского и преподобномученицы Великой княгини Елизаветы

Сегодня Русская Православная Церковь совершает память двух великих святых, которые жили в разное время, шли разными путями, но каждый из которых явил своей жизнью и своим подвигом один и тот же идеал христианской святости, следования по пути заповедей Христовых.

Сегодня Церковь вспоминает преподобного Сергия Радонежского, святого, который более шестисот лет назад нес свой монашеский подвиг. В двадцатилетнем возрасте оставил этот мир, чтобы уйти в пустыню, в дремучий лес, и жить наедине с Богом. Уходя в уединение, он и представить себе не мог, что по прошествии времени к нему присоединятся ученики и что на месте его убогой избушки вырастет монастырь, а затем и великая лавра, которая станет духовным центром Русской Православной Церкви. Господь говорит: «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24). Преподобный Сергий был человеком, который в юности умер для мира. Его любовь ко Христу, к Святой Троице была столь велика, что он хотел оставив все, что есть на этом свете, уйти от мира и пребывать только с Богом. Но мир настиг святого в его уединении. Бог не оставил эту свечу под спудом, и она воссияла всей Российской земле.

В стремлении преподобного Сергия еще в юные годы, оставив всех и вся, остаться наедине с Богом не было ничего эгоистического. Он бежал не от людей, но от суеты мира сего, потому что душа его пламенно желала пребывать все дни в молитве и в предстоянии Богу. И позже, когда Господь открыл его подвиг людям, они стали стекаться к нему, и тот духовный мир, который святой стяжал в себе, стал распространяться на людей. Преподобный Сергий – это пример того, что человек, прежде чем он станет полезным людям, образцом для них, и получит право учить их, должен стяжать в себе те внутренние сокровища, которые приходят в наше сердце через молитву, через богомыслие, через тишину. Если нет в нас внутренней тишины, внутреннего мира, то мы не сможем передать его другим. Если мы не являем всей своей жизнью примера следования за Христом, исполнения заповедей Христовых, то не сможем ничему научить и других людей.

Святая преподобномученица Великая княгиня Елизавета, чью память мы тоже совершаем сегодня, шла иным путем. Она происходила из богатой аристократической семьи, была сестрой Александры Федоровны, императрицы российской, и женой московского генерал-губернатора. Но однажды случилось страшное: ее горячо любимый муж был убит бомбой террориста. После этого Елизавета Федоровна приняла на себя подвиг служения людям. Она построила в Москве, на Ордынке, в трехстах метрах от нашего храма, Марфо-Мариинскую обитель, насельницы которой занимались делами милосердия, ухаживали за больными, помогали сиротам, совмещая этот подвиг с молитвой и богомыслием. Святая Великая княгиня Елизавета окончила свои дни мученически. Именно в день памяти преподобного Сергия восемьдесят один год тому назад она была сброшена в шахту в Алапаевске.

Перед нами два примера святых. Один из них избрал путь Марии, т. е. ушел от мира, для того, чтобы пребывать с Богом, другая избрала путь Марфы, т. е. посвятила свою жизнь активному доброделанию, служению ближним. Но в конечном итоге их пути слились, потому что, встав на путь Марии, преподобный Сергий сделался и Марфой для очень многих людей, ибо внутренний

мир, который он стяжал, он затем дарил тысячам людей. А святая Великая княгиня Елизавета, которая пошла путем Марфы, через свое жертвенное служение, через посвящение всей своей жизни, всего своего труда Богу, стала Марией, потому что услышала в сердце своем голос Божий и ощутила присутствие живого Христа. Подвиг этих людей показывает нам, что в разные эпохи и времена, в разных обстоятельствах человек может идти одновременно и путем Марфы, и путем Марии, т. е. одновременно путем внутреннего делания и служения людям. Нельзя быть только Марией – думать о Боге и пренебрегать людьми. Но не следует и превращаться в Марфу – многозаботливую, думающую о многом, но забывающую о «едином на потребу». Подвиг христианина заключается в том, чтобы обладать и тем, чем обладала Марфа, и тем, что было у Марии.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всем разумением твоим». Это первая заповедь. И вторая: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:37, 39). Невозможно, возлюбив Бога, не любить ближнего; невозможно, любя ближних, не любить Бога. Святой апостол Иоанн говорит: «Не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (1 Ин. 4:20). Пример двух великих святых учит нас, что пути человеческие могут быть разными, но они могут соединиться в один путь христианской жизни, основанной на исполнении заповедей Христа о любви к Богу и к ближним. И если мы встанем на такой путь, то он приведет нас туда же, куда привел преподобного Сергия и святую преподобномученицу Елизавету – в Царство Небесное, в обитель Святой Троицы – Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

2000

Крест Христов. Праздник Ризоположения

Сегодня Русская Православная Церковь совершает память двух великих святых, которые жили в разное время, шли разными путями, но каждый из которых явил своей жизнью и своим подвигом один и тот же идеал христианской святости, следования по пути заповедей Христовых.

Сегодня Церковь вспоминает преподобного Сергия Радонежского, святого, который более шестисот лет назад нес свой монашеский подвиг. В двадцатилетнем возрасте оставил этот мир, чтобы уйти в пустыню, в дремучий лес, и жить наедине с Богом. Уходя в уединение, он и представить себе не мог, что по прошествии времени к нему присоединятся ученики и что на месте его убогой избушки вырастет монастырь, а затем и великая лавра, которая станет духовным центром Русской Православной Церкви. Господь говорит: «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24). Преподобный Сергий был человеком, который в юности умер для мира. Его любовь ко Христу, к Святой Троице была столь велика, что он хотел оставив все, что есть на этом свете, уйти от мира и пребывать только с Богом. Но мир настиг святого в его уединении. Бог не оставил эту свечу под спудом, и она воссияла всей Российской земле.

В стремлении преподобного Сергия еще в юные годы, оставив всех и вся, остаться наедине с Богом не было ничего эгоистического. Он бежал не от людей, но от суеты мира сего, потому что душа его пламенно желала пребывать все дни в молитве и в предстоянии Богу. И позже, когда Господь открыл его подвиг людям, они стали стекаться к нему, и тот духовный мир, который святой стяжал в себе, стал распространяться на людей. Преподобный Сергий – это пример того, что человек, прежде чем он станет полезным людям, образцом для них, и получит право учить их, должен стяжать в себе те внутренние сокровища, которые приходят в наше сердце через молитву, через богомыслие, через тишину. Если нет в нас внутренней тишины, внутреннего мира, то мы не сможем передать его другим. Если мы не являем всей своей жизнью примера

следования за Христом, исполнения заповедей Христовых, то не сможем ничему научить и других людей.

Святая преподобномученица Великая княгиня Елизавета, чью память мы тоже совершаем сегодня, шла иным путем. Она происходила из богатой аристократической семьи, была сестрой Александры Федоровны, императрицы российской, и женой московского генерал-губернатора. Но однажды случилось страшное: ее горячо любимый муж был убит бомбой террориста. После этого Елизавета Федоровна приняла на себя подвиг служения людям. Она построила в Москве, на Ордынке, в трехстах метрах от нашего храма, Марфо-Мариинскую обитель, насельницы которой занимались делами милосердия, ухаживали за больными, помогали сиротам, совмещая этот подвиг с молитвой и богомыслием. Святая Великая княгиня Елизавета окончила свои дни мученически. Именно в день памяти преподобного Сергия восемьдесят один год тому назад она была сброшена в шахту в Алапаевске.

Перед нами два примера святых. Один из них избрал путь Марии, т. е. ушел от мира, для того, чтобы пребывать с Богом, другая избрала путь Марфы, т. е. посвятила свою жизнь активному доброделанию, служению ближним. Но в конечном итоге их пути слились, потому что, встав на путь Марии, преподобный Сергий сделался и Марфой для очень многих людей, ибо внутренний мир, который он стяжал, он затем дарил тысячам людей. А святая Великая княгиня Елизавета, которая пошла путем Марфы, через свое жертвенное служение, через посвящение всей своей жизни, всего своего труда Богу, стала Марией, потому что услышала в сердце своем голос Божий и ощутила присутствие живого Христа. Подвиг этих людей показывает нам, что в разные эпохи и времена, в разных обстоятельствах человек может идти одновременно и путем Марфы, и путем Марии, т. е. одновременно путем внутреннего делания и служения людям. Нельзя быть только Марией – думать о Боге и пренебрегать людьми. Но не следует и превращаться в Марфу – многозаботливую, думающую о многом, но забывающую о «едином на потребу». Подвиг христианина заключается в том, чтобы обладать и тем, чем обладала Марфа, и тем, что было у Марии.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всем разумением твоим». Это первая заповедь. И вторая: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:37, 39). Невозможно, возлюбив Бога, не любить ближнего; невозможно, любя ближних, не любить Бога. Святой апостол Иоанн говорит: «Не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (1 Ин. 4:20). Пример двух великих святых учит нас, что пути человеческие могут быть разными, но они могут соединиться в один путь христианской жизни, основанной на исполнении заповедей Христа о любви к Богу и к ближним. И если мы встанем на такой путь, то он приведет нас туда же, куда привел преподобного Сергия и святую преподобномученицу Елизавету – в Царство Небесное, в обитель Святой Троицы – Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

2000

Изгнание Бесов. Неделя 5-я по Пятидесятнице

В евангельском чтении, которое мы только что слышали, говорится об изгнании Господом бесов из людей, которые долгое время были одержимы ими. В Евангелии много подобных историй. И всякий раз, читая их, мы задаемся вопросом: какое отношение это имеет к нам? Оказывается, что самое прямое, потому что, как и во времена Иисуса Христа, люди сегодня подвергаются нападениям со стороны бесов. В жизни человечества с тех пор изменилось многое, а в жизни

бесов не изменилось ничего. Они все так же коварны, хитры, и все так же прилагают усилия, чтобы воспрепятствовать нашему спасению.

Люди по-разному относятся к бесам. Одни вообще не верят в их существование, другие, наоборот, их страшатся и всюду видят для себя угрозу сглаза, порчи и тому подобного. Мы должны помнить, что если мы православные христиане, если мы исповедуемся и причащаемся Святых Христовых Тайн, носим на себе крест Христов и осеняем себя крестным знамением, если живем в соответствии с Евангелием и исполняем заповеди Божии, то ничто из этого нам не страшно, ничто бесовское не может нас коснуться, потому что мы прочно защищены щитом веры, щитом Христовым, который не позволит ни одной из стрел, посланных бесами, поразить нас.

Когда бесы могут повлиять на человека? Когда человек сам открывает им вход в свою душу. Это происходит всякий раз, когда мы сознательно противимся исполнению воли Божией. Это происходит с людьми, совершающими грехи, недопустимые для христианина. Путей проникновения бесов в человека много. Человек открывает бесам вход в свою душу, когда обращается к колдунам, ведьмам, экстрасенсам, предсказателям и гадалкам, когда участвует в чем-либо, связанном с влиянием на этот мир потусторонних сил. В этом случае он становится беззащитным.

Человек открывает вход злым силам, если злоупотребляет алкоголем или употребляет наркотики. Длительное воздействие больших доз алкоголя, не говоря уже о наркотиках, может привести к страшным последствиям, в том числе, к тому, что бесы вселятся в человека.

Вход бесам открывается через блуд и другие грехи, связанные с супружеской неверностью, прелюбодеянием – нарушением седьмой заповеди. Люди, испытавшие нечто подобное, знают, как страшно потерять целомудрие и чистоту и какие огромные усилия требуются потом прилагать человеку, чтобы восстановить свои взаимоотношения с Богом.

Церковь не случайно с большой строгостью относится и к грехам, связанным с нарушением седьмой заповеди, и к другим грехам, которые я перечислил. Ибо в каждом человеке происходит борьба между добром и злом, между Богом и дьяволом. Это борьба за спасение, духовное выживание каждого из нас. Если мы не устоим в этой борьбе, с нами может произойти то, что произошло с теми бесноватыми, о которых мы читали сегодня. И тогда мы станем зависимыми от темных и лукавых сил и нам будет очень трудно бороться с ними. Поэтому приложим все усилия, все свое старание и усердие, чтобы сохранить чистоту и не допустить тех грехов, через которые в нашу душу могут войти бесы. Не будем отходить от Церкви даже на короткое время. Будем помнить, что собственными силами мы вряд ли сможем справиться с теми искушениями, которые приходят к нам от бесов. Но если Бог с нами, то кто против нас? Если мы с Богом, то нет такой силы – злой, темной, бесовской, – которая могла бы повредить нам. Аминь.

Человеческий лик Бога. Неделя 6-я по Пятидесятнице

Мы слышали рассказ евангелиста об исцелении Господом расслабленного, пролежавшего у купели Силоамской в ожидании чуда тридцать восемь лет. Когда Иисус подошел к нему и спросил «Хочешь ли быть здоров?», он ответил: «Так, Господи, но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода» (Ин. 5:6-7).

«Не имею человека» — вот слова, которые услышал Господь от расслабленного. В этих словах выразилась вся боль, скорбь, вся безмерная глубина его страдания и одиночества. Трагедия расслабленного заключалась в том, что за тридцать восемь лет своей жизни он не встретил *человека* — того, кто оказался бы способен разделить с ним его страдание, взять на себя хотя бы часть его беспомощности. Можно, оказывается, прожить тридцать восемь лет — и остаться одиноким. Можно прожить целую жизнь — и не встретить *человека*!

Когда-то философ Диоген ходил днем по городским улицам, держа в руках зажженный фонарь и говоря: «Ищу человека». Это изречение античного философа осталось в памяти человечества символом того, как трудно иногда бывает среди сотен, тысяч, миллионов, теперь уже миллиардов людей, населяющих землю, встретить настоящего человека.

Но если встреча с настоящим человеком произошла, каким чудом она оказывается! Господь подошел к расслабленному, и оказался первым подлинным человеком, которого тот встретил. В Его лице расслабленный обрел того, кого ему всю жизнь не хватало, того, о ком он всю жизнь тосковал, кого всю жизнь ждал. Как говорит святой Григорий Богослов: ты искал человека, а обрел и человека и Бога.

Став человеком, Бог явил человечеству подлинный лик человека. В лице Христа, Бога воплотившегося, мы видим Человека в абсолютном смысле слова — того Человека, Который рядом с нами, даже если бы мы были оставлены всеми людьми...

Иногда, оказываясь в отчаянных обстоятельствах, мы ищем помощи от людей, но не находим ее. И когда исчерпаны все наши возможности, когда мы теряем последние надежды, когда руки бессильно опускаются, вдруг на помощь приходит Христос, и мы понимаем: вот Тот, Кого душа наша всегда искала, Кого жаждала изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год.

Современное человечество не только обезбожено: оно обесчеловечено. Бесчеловечность, равнодушие к страданиям других, нежелание помочь, поделиться, выйти навстречу, эгоцентризм и эгоизм приобретают поистине вселенские масштабы. Все труднее бывает в пустыне современного мира встретить человека. Многие теряют волю к жизни от неизбывного одиночества и тоски, которых некому облегчить, которые не с кем разделить.

Во II веке святой Феофил Антиохийский, полемизируя с язычником, писал: «Ты говоришь: покажи мне твоего Бога. А я тебе отвечу: сначала покажи мне твоего человека, и тогда сможешь увидеть моего Бога». Мы не можем видеть Бога, пока не вырастем в полную меру нашего человеческого роста. Мы не можем называться христианами, пока не станем настоящими людьми.

Подумаем теперь о том, что рядом с нами всегда есть расслабленные, — физически или духовно, — нуждающиеся в нашей помощи и поддержке. Готовы ли мы прийти к ним? Готовы ли уделить им наше время, разделить с ними нашу жизнь? Если нет, значит, мы христиане только по названию, но не по делам. Истинный христианин — тот, кто готов, по слову Спасителя, положить душу свою за друзей своих (Ин. 15:13). Именно таким был Сам Христос — Он не пожалел жизни Своей для нас и показал нам, что такое настоящий Человек.

Иногда говорят, что христианство слишком возвышенно, что заповеди Божии слишком трудны, что Евангелие требует от нас слишком многого. На самом же деле от каждого из нас требуется только одно — быть человеком. Если ты человек в полную меру этого слова, значит, ты — христианин; если ты недостойн называться человеком, значит, ты еще не созрел для христианства...

Чудо умножения Хлебов. Неделя 8-я по Пятидесятнице.

Чудо умножения хлебов, о котором мы сегодня слышали в евангельском чтении (Мк. 6:34–44), научает нас нескольким вещам. Прежде всего, тому, что Господь может напитать, насытить нас, даже если по человечески у нас ничего – или почти ничего – нет. Наша жизнь и смерть в руках Божиих, и наша пища – то, что мы называем хлебом насущным, – тоже в Его руках. Иногда у нас бывает «двенадцать коробов полных», наш дом переполнен хлебом и пищей; но иногда у нас остается лишь пять хлебов и две рыбки. Господь же всегда здесь и готов напитать нас, у Него всегда достаточно щедрости, чтобы никто из нас не ушел алчущим, чтобы каждый был насыщен.

Это справедливо в отношении пищи не только телесной, но и духовной. Человеку недостаточно одного материального благополучия, чтобы быть счастливым, чтобы душа его была наполнена; ему необходим Сам Бог. И Господь создал человека таким, что душа его всегда стремится к Нему. Только Бог может душу человеческую наполнить и насытить Собою. И до тех пор, пока Господь не пришел к нам, не вселился в нас, мы алчем и жаждем. Но когда Он приходит, мы ощущаем полноту жизни – то, о чем Христос сказал: «Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10:10). Жизнь с избытком возможна только во Христе и через Христа.

Хлеб, которым питает нас Господь, – это не только хлеб земной, дающий жизнь нашему земному телу, но это и Хлеб, сходящий с небес, т. е. Сам Господь, Которого мы причащаемся в таинстве Евхаристии за Божественной Литургией. Евхаристия – это то самое чудо умножения хлебов, которое происходит всякий раз, когда мы собираемся в храме Божиим на Литургию, всякий раз, когда мы причащаемся Святых Христовых Тайн. В Причастии Сам Господь входит в нас, Он становится единым телом и единой кровью с нами, Его Тело становится нашим телом, Его Кровь – нашей кровью.

Готовясь к причащению, мы должны «испытывать себя», чтобы Причастие не было для нас «в суд или во осуждение», чтобы не получилось, как говорит апостол Павел, что мы тела наши, которые «суть члены Христовы», отнимаем у Христа, «чтобы сделать их членами блудницы» (1 Кор. 6:15). А это происходит, когда человек, причащающийся Святых Христовых Тайн, ведет жизнь не евангельскую, живет не по заповедям Божиим. Когда мы причащаемся, мы принимаем в себя не только Христа под видом хлеба и вина, но весь евангельский закон, все нравственные, духовные и иные нормы, содержащиеся в Евангелии.

Пусть каждый из нас испытывает себя, дабы представать перед страшным судом собственной совести еще до того, как наступит последний Страшный суд. Пусть каждый воскресный и праздничный день даст нам возможность проверить свою жизнь на соответствие евангельскому идеалу, очиститься от грехов в таинстве исповеди, в молитве покаяния и благодарности Богу за то, что Он удостоивает нас этого таинства. Пусть причащение Святых Христовых Тайн поможет нам, обновившись духовно и телесно, соединиться с Богом, потому что только жизнь в Боге может нас насытить и наполнить. Нет иного хлеба и иной рыбы, которая могла бы напитать нас, кроме Самого Христа. И до тех пор, пока мы не соединились с Ним, душа наша продолжает алкать и жаждать. Но после этого соединения душа приобщается к тому блаженному покою, тому внутреннему миру, который есть Царство Небесное. И этого Царства мы приобщаемся прежде всего через причащение Святых Христовых Тайн. Будем как можно чаще прибегать к Причастию с мыслью и молитвой о том, чтобы Он помог нам жить по Евангелию и достичь того

духовного состояния, о котором апостол Павел говорил: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20). Аминь.

2000

Наследие Новомучеников. Неделя 8-я по Пятидесятнице. Память священномученика Вениамина, митрополита Петроградского

Сегодня Русская Православная Церковь вспоминает священномученика Вениамина, митрополита Петроградского, а также убиенных вместе с ним священномученика архимандрита Сергия и мучеников Юрия и Иоанна. Они пострадали в 1922 году, – были осуждены безбожной властью по так называемому «делу о церковных ценностях».

Священномученик Вениамин и иже с ним пострадавшие оказались в числе многих тысяч мучеников, засвидетельствовавших свою веру во Христа, любовь к Нему и преданность Церкви в годы жесточайших гонений, которые обрушились на Церковь после катастрофы 1917 года. Сегодня, вспоминая эти годы и этих людей, мы должны не только удивляться высоте их подвига, не только поклоняться их страданиям, но и задумываться об уроках, какие необходимо извлечь из того, что произошло с нашей Церковью в начале XX века.

На протяжении столетий Русская Православная Церковь была огромной моральной и духовной силой – тем очагом святости, духовности и просвещения, от которого питался весь народ. Но в начале XX века Церковь, как и государство в целом, оказалась в глубочайшем кризисе. И было бы большой ошибкой думать, что переворот 1917 года стал лишь результатом деятельности группы заговорщиков, «обманувших» простой народ. В действительности катастрофа 1917 года явилась результатом глубокого кризиса, охватившего российское общество на всех его уровнях и затронувшего как высшую государственную власть, так и широкие народные массы, как церковную иерархию, так и рядовых членов Церкви.

В XIX – начале XX века православная вера принималась обществом как некая данность, как нечто само собой разумеющееся. С этой верой рождались, жили и умирали. И многие переставали ценить тот дар, который был им дан в Православной Церкви, в православной вере. Многим казалось, что благочестие заключается лишь в том, чтобы исполнять те или иные правила, обряды, ритуалы. Отношение некоторых людей к Церкви напоминало отношение фарисеев времен Христа к иудейскому закону: внешне исполняли, а о внутреннем забывали. И именно это фарисейство, которое разъедало все стороны жизни российского общества, и стало причиной того, что многие начали постепенно отходить от Церкви, причем происходило это постепенно и незаметно. Будучи формально верующими, эти люди в душе своей веру потеряли, и вместо того чтобы быть «солью земли» и «светом мира», как говорит Христос о христианах, они стали той негодной солью, которая «потеряла силу» и была выброшена «на поправление свиньям». Церковь накануне 1917 года нуждалась в радикальном изменении, обновлении, преображении.

Священномученик Вениамин, как и многие другие новомученики и исповедники российские, был участником Всероссийского Поместного собора, который заседал в Москве в те дни, когда власть в стране переходила в руки большевиков. Этот собор готовился более десяти лет, на нем должны были быть рассмотрены ключевые вопросы церковной жизни, его решения должны были привести к многим изменениям в жизни Церкви. Но беда заключалась в том, что собора ждали слишком долго, собрался он слишком поздно, и все его постановления и решения так и не

были претворены в жизнь. И сегодня мы стоим у той же черты, у которой стоял Поместный собор 1917–1918 годов.

Урок из происшедшего заключается в следующем. Через Церковь Бог дает нам колоссальный, ни с чем не соизмеримый дар, который мы должны ценить. Мы должны понимать, что православная вера заключается прежде всего во внутреннем делании, в возделывании земли нашего сердца. Внешние атрибуты религиозной жизни – это лишь вспомогательные средства. Но если человек не работает над собственным сердцем, не борется со своими грехами, не преображается внутренне по образу Христа, не движется по пути к богоуподоблению, он становится «медью звенящей и кимвалом звучащим». Он становится таким же, какими были фарисеи во времена Христа.

Нашему народу был дан колоссальный потенциал веры. Жесточайшие гонения, обрушились на Русскую Православную Церковь в 20–30-е годы. Было сметено с лица земли множество храмов, большинство из которых уже никогда не будет восстановлено, погибли тысячи священнослужителей. Но даже такие беспрецедентные по масштабу гонения не смогли подточить веру в народе. Наоборот, многие в результате гонений пришли от внешнего, формального благочестия к внутренней глубокой вере во Христа. В 1937 году, через двадцать лет после начала гонений, когда производилась всесоюзная перепись населения, на вопрос о религиозной принадлежности 46% россиян ответили «православный христианин». Но это были уже не те дореволюционные православные, которые воспринимали веру как должное, но те, кто сознавал, что за исповедание Христа можно лишиться жизни.

И в наши дни этот огромный потенциал веры в народе сохраняется. Летом 2000 года мы были свидетелями того, как сотни тысяч людей стояли в очередях в Храм Христа Спасителя и другие московские храмы, чтобы приложиться к мощам святого Пантелеимона, привезенного с Афона. Мы были свидетелями многих чудес и исцелений, которые тогда происходили. Все это посылается нам Богом как видимый знак величия и истинности православной веры. Но не будем забывать о том, что если мы уподобимся фарисеям времен Христа, если потеряем благоговение к этому дару, утратим сознание важности хранить его, то с нами произойдет то, что однажды уже случилось и чему не дай Бог повториться.

Сегодня, в день памяти священномученика Вениамина, в Храме Христа Спасителя открывается Архиерейский собор, на котором должны быть рассмотрены многие аспекты церковной жизни и приняты решения по многим ключевым вопросам, в том числе и по вопросу о канонизации новомучеников и исповедников. Список лиц, представленных к канонизации насчитывает сотни имен. Именно благодаря подвигу этих людей Православная Церковь жива и сегодня. Именно на крови новомучеников и исповедников российских Церковь не только стоит, но возрождается и укрепляется. И дай Бог, чтобы события, которые происходили в XX веке с нашей Церковью, никогда более не повторились. Дай Бог, чтобы мы, православные христиане, вступившие в XXI век, были бы достойны высокого звания христианина. Дай Бог, чтобы мы хранили нашу веру православную как драгоценное наследие, которое завещано нам нашими отцами и за которое многие из них отдали свои жизни. Аминь.

2000

Притча о двух должниках. Неделя 11-я по Пятидесятнице

В притче о двух должниках (Мф. 18:23–35), которую мы только что слышали, две основные темы: наши взаимоотношения с Богом и наши взаимоотношения с ближними, т. е. друг с другом.

Мы все должники перед Богом, потому что не исполняем или плохо исполняем то, что Он нам поручил, когда призвал нас в Свою Церковь и удостоил священного имени «христиане». Мы должники перед Богом, потому что Его заповеди не стали нашей жизнью, а Евангелие не стало нашей нравственной нормой, потому что мы не соответствуем евангельскому идеалу, христианина. Если бы Господь был справедлив по отношению к нам, то за все наши долги Он мог бы с нас взыскать подобному тому господину, который вспомнил о долгах своего раба. По закону, раб этот должен был оказаться в долговой яме и находиться там до тех пор, пока не отдаст все до последней полушки (Лк. 12:59). Это то, чего мы заслужили своей жизнью, и это то, что должно было бы произойти с нами, если бы Господь был справедлив. Но Он несправедлив, и именно в этой «несправедливости» Божией и заключена наша надежда. Надежда не на то, что мы получим награду за свои труды, потому что трудов наших слишком мало, добродетели наши ничтожны, но на то, что, вопреки справедливости, и закону, несмотря на наши грехи, и неверность Богу, Он помилует нас. Наша надежда на Царствие Божие зиждется именно на этом уповании, о чем говорил преподобный Исаак Сирий: «Не называй Бога справедливым, потому что, если бы Он был справедливым, ты давно за свои грехи был бы осужден на вечные мучения. Где же справедливость, если ты согрешил, а Он послал Сына Своего Единородного для того, чтобы Он взял на Себя твои грехи и ради тебя, и вместо тебя понес заслуженное тобою наказание?» В этом и заключается тайна наших взаимоотношений с Богом: мы надеемся на Его милость. Но Господь говорит нам, что поступит с нами по справедливости, если и мы будем поступать с вашими братьями по-человечески. Мы перед Богом в большом долгу, но есть люди, которые должны нам, хотя и немного. Умеем ли мы прощать, оставлять эти долги, умеем ли мы быть для людей тем, чем Бог является для нас? Ведь путь к обожению лежит не через абстрактные духовные состояния, но через реальные добродетели. Святитель Григорий Богослов, принимая однажды у себя в храме градоначальника, и сказал ему: «Ты поставлен начальником над многими, используй же свое положение для того, чтобы быть для них богом, для того, чтобы быть для них тем, чем Бог является для тебя». У каждого из нас есть пространство, пусть небольшое, ограниченное, на котором мы можем быть богами для других людей, принося им добро и прощая их долги. Мы должны это делать, если сами хотим получить прощение от Бога. Мы должны быть не просто справедливыми законниками, но милосердными самарянами, т. е. людьми, которые приходят на помощь. Каждый день в молитве «Отче наш» мы обращаемся к Богу со словами: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Но живем ли мы в соответствии с этим прощением? Относимся ли мы к ближним нашим так, как учит нас Христос?

Если мы посмотрим на перспективу наших взаимоотношений с Богом и людьми, то увидим, что нередко эти взаимоотношения бывают как бы изначально порочными, и порочность эта в том, что наше отношение к Богу потребительское. Мы воспринимаем Его как источник, из которого можно черпать бесконечно, мы обращаемся к Нему с молитвами, прося что угодно, надеясь, что Бог нам подаст. И очень часто, молясь Богу и прося у Него того или другого, мы как бы забываем о Самом Боге. И уже не Сам Он становится целью молитвы, но то, что мы можем от Него получить. Об этом потребительском отношении один священник, живший в начале века, сказал так: «Мы шесть раз говорим Богу: “Подай, Господи”, – и только один раз – “Тебе, Господи”».

Подобным образом мы относимся и к нашим ближним. Мы ждем от них даров, сами же большим трудом преодолевая внутреннюю черствость и холодность сердца, делимся с ними тем, что имеем. Мы ждем, что и Бог, и люди будут нас прощать, но сами с трудом прощаем долги ближним. Услышав сегодня из уст Самого Господа притчу, обращенную к каждому из нас, задумаемся о своем отношении к Богу и к людям. Задумаемся над тем, что у каждого из нас есть шанс стать тем по благодати, чем Бог является по природе, т. е. достичь того состояния, которое

Отцы Церкви называли обожением. Но не забудем, что обожение достигается не иначе как конкретными делами по отношению к нашим ближним. Аминь.

2000

"Хорошо нам здесь быть" Преображение Господне

В земной жизни Господа Иисуса Христа было очень немного радостных, светлых минут. Бог воплотился, пришел в этот мир прежде всего для того, чтобы погрузиться в нашу тьму, разделить с нами скорбь и будни человеческого существования. Именно потому Господь Иисус Христос столько времени проводил с людьми грешными, нуждавшимися в очищении, просвещении, спасении. Именно потому Господь избрал для Себя крестный путь, пострадал за людей, был отвергнут ими, принял оплевывание и заушение, крестную смерть и сошел во ад, чтобы все то пространство, где до Его прихода царствовало зло, наполнить Своим Божеством и светом.

В Евангелии описано лишь несколько случаев, когда Божество Христа было видимым образом явлено людям. Например, это произошло во время крещения Иисуса, когда с неба прозвучал голос Божий: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 3:17). Другим таким моментом – и именно его мы вспоминаем сегодня – было преобразование, когда Господь, взяв трех своих ближайших учеников, взшел с ними на высокую гору, и там, когда Он молился, «просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет». И голос Отца прозвучал вновь: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный... Его слушайте».

Когда видение еще продолжалось, один из учеников, Петр, сказал: «Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илию», – ибо Моисей и Илия явились Иисусу и беседовали с Ним об исходе Его, т. е. о Его крестной смерти (Мф. 17:1–9). Слова апостола Петра были естественной реакцией человека на присутствие Божие, на Его внезапное явление, на неожиданное, светоносное посещение свыше. «Хорошо нам здесь быть», – т. е. хорошо бы, чтобы все это продлилось, чтобы этот момент славы, света никогда не кончался. Но после восшествия Иисуса на гору было сошествие с нее, были Его встречи с бесноватым отроком и многими другими людьми, нуждавшимися в исцелении. Сойдя с горы, Господь вновь погрузился в нашу человеческую тьму, чтобы разделить ее с нами. А затем был Гефсиманский сад и Голгофа.

Каждый из нас проходит через разные состояния. Иногда мы бываем на Фаворе, а иногда оказываемся на Голгофе. Иногда присутствие Божие столь ощутимо, явно, что нам хотелось бы, чтобы эти минуты никогда не кончались, длились вечно. Но иногда Бог словно бы покидает нас, оставляет во тьме наедине с самими собой, с нашими проблемами и грехами. Но в такие минуты особенно важно помнить о Его присутствии и о том, что нашу человеческую тьму Он просвещает изнутри божественным светом.

Божественный свет, который был явлен ученикам на Фаворе, – это не какой-то материальный свет, который сияет «как солнце», но это Свет Нетварный, это Сам Бог, само присутствие Божие, энергия Божия – то божественное действие, посещение свыше, в котором является людям слава Божия. И этот свет осиял не только учеников на Фаворе, Он являл себя многим людям, многим святым, в том числе святителю Григорию Паламе и преподобному Симеону Новому Богослову. И среди наших современников есть люди, которые созерцают божественный свет. Блаженной памяти старец архимандрит Софроний неоднократно удостоивался лицезреть божественный свет, который был для него не только явлением славы Божией, преобразовавшей его изнутри.

Но для чего Господь посещает нас Своим божественным светом? Не для того, чтобы, ярко блеснув, быстро исчезнуть и оставить нас во тьме. Господь посещает нас, чтобы, узрев Его свет, мы сделались пронизаны им и вся наша жизнь изменилась, чтобы с нами происходило то, о чем Сам Господь сказал: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16). Божественный свет посещает нас, чтобы преобразить не только все вокруг нас, но и нашу собственную жизнь, дабы мы изменились и свет Божий начал через нас распространяться на других людей.

Именно потому Церковь празднует Преображение Господне, что оно может стать и нашим преобразованием, что и для нас могут открыться двери к созерцанию божественного света, – созерцанию которого за прошедшие века удостаивались столь многие. Но чтобы этот свет не был поглощен нашей человеческой греховной тьмой, мы должны жить в соответствии с Евангелием, и через наши добрые дела, через весь наш облик люди узнавали Христа. Ведь о Христе и христианстве судят прежде всего по нам, верующим, членам Церкви. Вокруг нас живет немало людей, которые, может быть, уже давно пришли бы в Церковь, если бы на жизненном пути не повстречали христианина, который не был достоин этого высокого звания и который, вместо того чтобы излучать свет и сияние Божества, источал смрад греховных страстей.

Будем помнить о том, что те минуты просветления, которые мы время от времени испытываем или здесь, в храме, причащаясь Святых Христовых Тайн, или во время молитвы, даются нам, чтобы мы менялись к лучшему, преобразались. Будем стремиться к тому, чтобы в нравственном и духовном плане всегда быть на предельной доступной для нас высоте, никогда не опускаясь ниже той очень высокой планки, которую мы видим в Евангелии. Аминь.

2000

"Ободритесь; Это я, не бойтесь". Неделя 9-я по Пятидесятнице, попразднство Преображения

Сегодня, в попразднство Преображения Господня, мы слышали евангельское чтение о том, как оказавшись в море во время бури ученики Христовы начали терять надежду на спасение, когда вдруг увидели Господа, Который приближался к ним, ступая по воде. Сначала они подумали, что это призрак, и испугались, но Господь сказал им: «Ободритесь; это Я, не бойтесь», – и апостол Петр пошел навстречу Учителю по волнам. Пока в апостоле жила вера, пока в нем не было сомнения, он шел по воде, но стоило ему усомниться, как он начал тонуть (Мф. 14:22–31).

Этот евангельский рассказ говорит нам о том, что Бог бывает с нами не только в великие, славные моменты нашей жизни, не только когда мы, подобно Петру, Иакову и Иоанну, пребываем с Господом на горе и созерцаем божественный нетварный свет, но что Его присутствие столь же сильно и в то время, когда мы находимся в отчаянии, среди житейских бурь, когда наш корабль тонет. Господь всегда и везде с каждым человеком. И Его присутствие равным образом распространяется как на праведников, так и на грешников. Он с нами и в те моменты, когда мы Его ощущаем и когда не ощущаем. Господь всегда с нами – и в счастье, и в беде. И если мы не чувствуем Его присутствие, то только потому, что наше сердце не всегда открыто навстречу Богу, что мы не всегда готовы любить Его всем сердцем и всей душой. Любовь же Божия бесконечна, и потому Господь никогда, ни на одно мгновение не забывает ни одного человека. Каждый из нас находится в памяти Божией и в любви Божией, каждый

драгоценен для Бога. Господь не оставляет людей даже тогда, когда они чувствуют себя оставленными.

В течение недели мы переживаем трагедию, которая происходит в Баренцевом море, где моряки оказались в морской пучине. Большинство из них, вероятно, уже не сможет вернуться к этой земной жизни, хотя и остается еще какая-то, пусть и слабая, надежда на их спасение. И мы сегодня вознесем молитвы как за тех моряков-подводников, кто, может быть, еще жив, и об их сродниках, чтобы Господь дал им утешение и укрепил их, а также о тех, кто уже перешел в мир иной. Но мы не должны забывать, что люди, которые оказались в страшной морской пучине, отрезанные от мира, которые не могли даже воззвать о помощи, которые не знали, придет к ним спасение или нет, и которые умирали медленной и страшной смертью, – все эти люди находились в присутствии Божиим, потому что Господь и в ледяных глубинах был с ними. Покинутые и беспомощные, они были с Богом, и Господь был с ними.

Мы должны всегда помнить: что бы ни происходило с человеком, какая бы катастрофа или житейская буря ни обрушилась на него, везде и всегда с ним пребывает Господь, и всегда и везде присутствие Его благодатно и спасительно. Мы не должны сомневаться в том, что Господь спасает не только тех, кто явным образом ощущает Его присутствие в храме, через таинства, и прежде всего через причащение Святых Христовых Таин, но и тех, кто по каким-то обстоятельствам оказался вне Церкви или еще на пути к ней.

Господь спасает даже тех, кто бежит от Него. Вспомним пророка Иону, который не захотел исполнить миссию, возложенную на него Богом, и бежал от Бога на корабле. Когда началась буря, он был выброшен в море и оказался в морской пучине. Будучи поглощен китом, он уже не надеялся на избавление. Но из глубины моря он воззвал к Богу, и Господь даровал ему избавление.

Вспомним тех, кто спасся или погиб во время потопа. Тогда Ной и его семейство были спасены Богом, дабы человечество сохранилось на Земле но абсолютное большинство людей оказалось тогда в губительной и вместе с тем спасительной морской пучине. Она была губительна, потому что они потеряли в ней свою земную жизнь, но она могла быть хотя бы для некоторых из них спасительной, потому что, как говорит апостол Петр, эти люди «спаслись от воды» (буквально – «спаслись посредством воды»: 1 Пет. 3:20). Они исчерпали свои возможности приблизиться к Богу здесь, на земле, и сошли в преисподнюю, но не для того, чтобы быть там оставленными навеки, а для того, чтобы там встретить Господа, Который при сошествии Своем во ад проповедовал им Евангелие для того, о чем говорит нам тот же апостол Петр. Все это говорит нам о том, что Господь всегда с нами, с каждым из нас. Таким образом, Господь пребывает со спасающимися, но не оставляет и погибающих. И в какой бы глубине богооставленности и безнадежности ни находился человек, Господь всегда будет рядом с ним, так как хочет спасти его. Поэтому не будем терять надежду на спасение даже тех грешников, которые, по человеческой логике, не должны быть спасены, – тех, кто умер без веры, без покаяния, или без крещения.

Святитель Григорий Богослов, будучи еще некрещеным молодым человеком пересекал на корабле Средиземное море. Внезапно начался шторм, и корабль начал терпеть бедствие, так что моряки и пассажиры уже потеряли надежду на спасение. Григорий же более всего испугался не морской пучины, которая может поглотить его, став для него гробом, но того, что он лишится спасительных вод крещения. И этот шторм оказал на него благотворное и спасительное воздействие, ибо именно в тот момент он дал обет посвятить себя служению Богу. Господь спасает человека разными путями – не только через воду крещения, но и через воду бедствий и скорбей. И многие из тех, кто в этой жизни скорбел и страдал, мучился и умирал, теперь находятся на небесах вместе с Господом.

16 августа решением Архиерейского собора Церковь причислила к лику святых более тысячи человек, из них более восьмисот – это пострадавшие в годы гонений, новомученики и исповедники российские. Жили эти люди по-разному, но смерть каждого из них привела к Богу, потому что благодаря подвигу мученичества они вошли в Царствие Небесное. Свои грехи и грехи народа они искупили собственной кровью, став теми жертвами, на которых стоит теперь Церковь Христова. И наверное, кто-то из них, находясь в тюрьмах и лагерях, испытывал отчаяние, страдал, кто-то молился подобно Господу, прося, чтобы, если возможно, миновала его чаша сия. Кто-то, подобно Иоанну Крестителю в темнице, мог усомниться и в том, что Христос есть Сын Божий, и в присутствии Божиим, и в спасительной силе Божией. Мы, вероятно, уже никогда не узнаем, что происходило тогда с большинством из них, но мы уверены, что каждый из них теперь предстоит Богу и молится о нас. И мы знаем, что те страдания, которые они претерпели, и страшная смерть привели их к тому блаженному покою, в котором они теперь пребывают и которого дай Бог удостоится каждому из нас по молитвам святых новомучеников и исповедников российских. Аминь.

20 августа 2000 года

"И остави нам долги наша". Неделя 11-я по Пятидесятнице

Некий человек был должен царю крупную сумму – десять тысяч талантов. Но когда царь захотел получить с него эти деньги, оказалось, что тому нечем платить, и царь простил ему долг. Человек же тот, сознавая тяжесть своего финансового положения, решил взыскать деньги со своих должников. Встретив человека, который был должен ему сто динариев, он начал его душить, требуя возврата долга (Мф. 18:23–35).

Эта притча, которую мы неоднократно слышали и читали, учит нас нескольким вещам. Во-первых, тому, что все мы – должники перед Богом, и долг каждого из нас очень велик. И мы только потому не выплачиваем этот долг, что Господь никогда не стремится, в отличие от царя из притчи, сосчитаться с нами. Если же Господь решил бы потребовать с нас долг, если бы подсчитал, сколько из данных Им талантов мы употребили в дело, а сколько растратили попусту, то, конечно, никакого оправдания нам не было бы в нашей неготовности исполнять дело Божие, в нежелании следовать Евангелию, в неспособности найти применение полученным талантам, в нашей бездеятельности и лени.

Во-вторых, притча Господня показывает, что мы нередко видим в Боге нашего должника. Забывая о том, что каждый из нас получил от Господа множество великих и богатых даров и принимая эти дары как должное, мы всегда ждем от Бога еще чего-то большего и если не получаем желаемого, у нас появляется обида или раздражение. Мы считаем, что кроме тех десяти тысяч талантов, которые Господь нам уже дал, мы должны получить от Него еще сколько-то талантов и, не получая их, считаем себя обиженными, обделенными. Ведь проблема заключается не в том, что нам мало дано, а в том, что данное нам богатство мы не пускаем в оборот, зарываем в землю, а потому оно не только не приносит прибыль: его нам не хватает даже на то, чтобы расплатиться с долгами.

В-третьих, притча, которую мы слышали сегодня, говорит о нашем отношении к ближним. Господь дает нам очень много, мы же даем нашим ближним очень мало. Господь щедро делится с нами Своей благодатью и Своими дарами, мы же для людей жалеем деньги, вещи, время, внимание, мы боимся растратить данные нам таланты, забывая о том, что, если их не пускать в оборот, то они потеряют цену, подобно тому, как деньги, изъятые из реального обращения,

превращаются в бесполезные бумажки. Господь одарил нас талантами не для того, чтобы мы держали их богатство при себе, а для того, чтобы мы делились ими с ближними.

Господь прощает нам наши долги, но и мы должны прощать своим должникам. В молитве «Отче наш» мы ежедневно повторяем: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Но чтобы иметь право обращаться с этой просьбой к Богу, мы должны забывать о долгах других людей перед нами и помнить только о своем долге перед другими. Господь простит нам все наши долги, у Него хватит щедрости, милости и любви, чтобы простить любой наш грех, но при одном условии, что и мы тоже будем прощать людям. В жизни все взаимосвязано, и потому если мы от Бога ждем прощения и милости, то должны уметь и сами оказывать милость, которую мы окажем нашим ближним и дальним.

Поставим себя перед судом этой притчи. И если есть кто-то, кого мы не могли простить, то простим его. Если кто-то нам должен, простим ему долг, чтобы милость и благодать Божия всегда были с нами. Аминь.

3 сентября 2000 года

Христос и богатый юноша. Неделя 12-я по Пятидесятнице

Думая о том, что произошло с богатым юношей, мы часто обращаем внимание прежде всего на то, что он не последовал за Христом, не решился отказаться от своего богатства, а также на слова, которые Господь сказал ему и ученикам Своим: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие». Часто мы упускаем из вида начало этой истории о том, что богатый юноша пришел к Иисусу с вопросом: «Что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?» Господь ответил ему: «Соблюдай заповеди». Юноша спросил: «Какие?» – Иисус ответил: «Не убивай; не прелюбодействуй; не кради, не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя». И юноша сказал: «Все это сохранил я от юности моей» (Мф. 19:16–26).

Спроецируем эту историю на нашу жизнь и зададим себе вопрос: можем ли мы ответить Господу с чистою совестью так, как ответил Ему богатый юноша: «Все это сохранил я от юности моей»? Соблюдаем ли мы те десять ветхозаветных заповедей, которые были даны человечеству как основа для его нравственного выживания? Можем ли мы поставить себя на один уровень с этим богатым юношей? Мы видим, что сегодня творится вокруг нас, в нашем обществе. Убийства становятся обычным явлением – и не только на криминальной почве, но и те убийства, которые совершают ежедневно тысячи российских женщин, – убийства плода во чреве. Воровство стало обычным делом. За последнюю неделю наша церковная лавка была дважды ограблена, а за несколько дней до этого был украден ящик с пожертвованиями на содержание храма. Крадут иконы, Евангелия, и нам начинает казаться, что все это как бы в порядке вещей. Мы говорим себе: это происходит потому, что людям трудно жить, им не хватает денег и т. д. Но почему трудно жить, почему денег не хватает? Именно потому, что воровство совершается на всех уровнях, в том числе и на самом высоком, когда крадут миллионы долларов, и на самом низком, когда продавщица обсчитывает вас в магазине на три рубля. Воровство в большом масштабе начинается с воровства в малом, и массовые убийства тоже начинаются с единичных случаев. Все в мире взаимосвязано. Каков народ – таково у него и правительство, и наоборот – каково правительство – таков и народ. Если народ ворует, то и в правительство попадают воры, а если государство обкрадывает людей, то и люди крадут у государства.

Недавно, посетив в очередной раз Англию, я оказался в маленьком городке, где стоит церковь XIII века. Зайдя в нее, я был приятно удивлен тем, что двери ее распахнуты настежь, нет ни сторожа, ни полиции, на престоле стоит церковная утварь – чаши, кресты – на стенах висят иконы, вдоль них расположились статуи святых, и почему-то никому не приходит в голову все это стащить. Более того, хранителям этой церкви не приходит в голову посадить туда сторожа или провести сигнализацию, потому что в основе жизни лежит доверие людей друг к другу.

Конечно, мы можем сказать: к тому, что происходит вокруг нас, мы лично непричастны – мы не убиваем, не крадем. Но ведь мы часть нашего народа, о котором иногда говорят, что это народ-богоносец, народ, на который Богом возложена какая-то особая миссия, на самом же деле, по крайней мере, в наши дни, это народ, не соблюдающий не только христианские, но и ветхозаветные заповеди. Но нравственное и духовное исцеление общества не начнется, пока не произойдет нравственное и духовное перерождение каждого отдельного человека – и тех, кто стоит на вершине власти, и тех, кто находится на нашем уровне, на уровне обывателей. Только когда каждый человек научится исполнять десять ветхозаветных заповедей, когда прекратятся убийства и воровство, когда люди начнут почитать отцов и матерей, а не относиться к старикам, как сейчас многие относятся – как к ненужному, отработанному материалу, уже ни на что не годному, – вот тогда можно будет говорить о духовном преображении общества.

Нравственный идеал христианства слишком высок, и очень немногие способны ему следовать и жить вровень с теми требованиями, которые предъявляет к ним Евангелие. Но мы должны помнить, что если Христос говорит: «Трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19:23), – то осуждается не само богатство, не деньги, а все то, к чему может привести погоня за богатством. Ведь люди, которые взламывают церковные двери, крадут иконы и богослужебную утварь, а в последнее время и убивают священнослужителей с целью ограбления, совершают это в погоне за богатством. И ни одного из них нельзя оправдывать тем, что им не хватает денег. Многим из нас их не хватает, как не хватило множеству людей в истории человечества. Отсутствие денег – не повод для безнравственных поступков. Недостаток денег – не повод для нарушения заповедей – не только христианских, но и ветхозаветных.

Богатство само по себе не может препятствовать тому, чтобы человек вошел в Царство Небесное, как и бедность сама по себе не гарантирует вхождения в него. Царство Небесное дается тем, кто способен поделиться своим богатством с другими, направить его на благо других. Царство Божие дается людям не просто бедным в материальном плане, но «нищим духом», «алчущим и жаждущим правды», «чистым сердцем», как говорит нам Евангелие. Мы слышим эти слова за каждой литургией, и каждый раз они звучат как суд над каждым из нас и над нашим обществом в целом.

Таким же судом для нас являются десять заповедей Ветхого Завета. И мы, христиане, должны учиться тому, чтобы десять заповедей, которые соблюдал богатый юноша, стали основой нашей жизни – в личном плане, на уровне наших семей, на уровне наших взаимоотношений с сослуживцами на работе. И тогда постепенно от конкретных людей эти нравственные нормы распространятся на все общество, ибо духовное преображение общества начинается с духовного преображения каждого из нас. А научившись исполнять основополагающие заповеди, мы можем думать о следующем шаге, на который не смог решиться богатый юноша, – о том, чтобы раздать свое имение, взять крест Христов и последовать за Ним. Аминь.

О званых на брачный пир. Неделя 14-я по Пятидесятнице

Мы только что слышали притчу Господню о званых на брачный пир (Мф. 22:1–14), притчу о том, как Бог призывает людей на Свою вечерю, но люди по тем или иным причинам отказываются откликнуться на зов Божий.

Как и другие притчи Иисуса, она имеет несколько смысловых уровней. Прежде всего она относится к еврейскому народу, которому Бог из века в век посылал пророков и который их отвергал, а затем отверг и Возлюбленного Сына Божия, пришедшего, чтобы этот народ спасти. Но в более широком плане эта притча говорит и о многих других народах. Бог призывал не только еврейский народ, в разные эпохи Он призывал и другие народы, которые хотел сделать народами-богоносцами, но они либо вообще не откликнулись на зов Божий, либо оказывались недостойны этого зова. Но народ – не абстрактное понятие, народ – это все мы, каждый из нас. И все, что происходит с народом, отражается на каждом из нас, и наоборот, все, что происходит с нами, отражается на народе в целом. Отсюда – еще один смысл притчи: она адресована каждому конкретному человеку, каждому из нас.

Очень часто мы не способны ответить на зов Божий. Наступает воскресный день, а мы по лени и нерадению, по холодности или черствости сердца не хотим прийти в храм, откладываем посещение храма до следующего воскресенья. Мы отвергаем зов Божий, когда, придя на Божественную Литургию, не причащаемся Святых Тайн также по лености и нерадению или потому, что не подготовились к Причастию, не вычитали положенное правило. Но подготовка к принятию Святых Христовых Тайн – это не просто вычитывание молитв. Готовиться к участию в Трапезе Господней нужно всей жизнью. Апостол Павел говорит: «В вас должны быть те же чувствования, что и во Христе Иисусе» (Флп. 2:5). И именно в том, чтобы в каждом из нас были эти чувствования, и заключается подготовка к принятию Святых Христовых Тайн. Именно это и есть та «брачная одежда», о которой говорится в притче. Господь призывает каждого из нас, но мы должны не просто откликнуться на этот зов и приходиться на брачную вечерю в чем попало и как попало. Мы должны всей своей жизнью, исполнением заповедей Христовых, добрыми делами, молитвой и покаянием готовиться к Причастию.

Мы не имеем право приступать к принятию Святых Христовых Тайн, если в нас нет тех чувствований, что во Христе Иисусе. Именно Христос – тот образец, которому мы должны следовать. Мы не имеем права приступить к Святым Христовым Тайнам, если носим в себе обиду на кого-то или если сами кого-то обидели. Господь говорит: «...если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя... пойдя, прежде примиришься с братом твоим, и тогда придя и принеси дар твой» (Мф. 5:23–24). Всякий раз, когда приближается воскресный день, мы должны спросить себя: приступаем ли мы к Богу в мире со своей совестью, с ближними, готовы ли мы к принятию Святых Христовых Тайн или нет, носим ли мы в себе те чувствования, которые были в Иисусе Христе, т. е. в какой мере наша жизнь является подражанием жизни Христа, Бога Воплотившегося? Если мы принимаем Святыи Христовы Тайны, не примирившись с Богом, с собой и с ближними, то с нами может произойти то, что произошло с человеком, пришедшим на вечерю не в брачной одежде. Царь, увидев этого человека, сказал своим слугам: «Связавши ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 22:13).

От того, как мы причащаемся, с чем приходим к Богу, зависит наша судьба в вечности – будем ли мы выброшены «во тьму внешнюю», где будет «плач и скрежет зубов», или удостоимся обетованного Царства Небесного. Наша судьба решается когда мы, услышав зов Божий,

откликаемся на него или нет, заботимся о «брачной одежде» или нет. А зов этот звучит непрестанно. Каждую минуту, каждый час и каждый день жизни мы слышим призыв Божий, и в каждый конкретный момент совершаем выбор между добром и злом, между Богом и дьяволом, между светом и тьмой, выбор, от которого зависит наше будущее. Аминь.

2000

"Много званых, но мало избранных".

Неделя 14-я по Пятидесятнице

«Много званых, но мало избранных». Этими словами кончается притча Господа Иисуса Христа о званых на вечерю (Мф. 22:1–14). Притча эта говорит о том, как Бог относится к нам и как мы относимся к Богу.

Для всех нас Богом уготован брачный пир. На этом пиру места хватит всем. Как говорит Господь, «в доме Отца Моего обителей много» (Ин. 14:2). И Господь призывает нас, одного за другим, но не каждый из нас откликается на Божий зов. Один говорит: «Господи, благодарю Тебя за приглашение, но мне некогда, у меня земля; и то, что на ней происходит, для меня сейчас важнее. Небо далеко, а земля – вот она, здесь, под ногами. Может быть, позже, в старости, у меня будет время подумать о небесном, сейчас же дай мне насладиться земными радостями». Но земля и все, что на ней, преходит, как говорит Священное Писание, а человек и Бог остаются. Перейдя границу, отделяющую жизнь от смерти, человек остается один на один с Богом. И если в земной жизни он копил только земные богатства, а «сокровищ на небе» не собрал, то перед лицом Бога он остается ни с чем. Если вся жизнь человека была связана только с землей, то, когда земля отнимается, ничего иного у него не остается.

Другой на зов Божий отвечает: «Да, Господи, я слышал о Твоем брачном пире, но у меня много работы, нет времени. Вот закончу дела – и приду». И человек старается закончить дела, но они не кончаются, потому что – таков закон жизни сей – дела вообще никогда не кончаются, человек всегда занят. Надо сознательно высвободить себя для участия в пире Господнем, делать паузы, передышки, чтобы откликаться на зов Божий. Один современный богослов сказал: «Подумай о том, сколько за всю историю человечества было сделано дел, сказано слов, но ни об этих делах, ни о словах теперь никто не помнит; лишь немногие из человеческих дел, самые важные, самые значительные записаны в книгу истории, все остальное бесследно исчезло из памяти человечества. И те дела, которые мы совершаем, хотя и кажутся нам очень важными, перед лицом вечности гораздо менее значимы, чем то, что мы можем сделать для своей души и для Бога».

Бывает, что человек, услышав зов Божий, говорит: «Господи, я счастлив в земной жизни: у меня есть семья, жена, дети, которых я люблю, есть друзья, мне с ними хорошо, и больше мне ничего и не надо. Может быть, со временем у меня все это отнимется, может быть, я переживу своих родственников и друзей, и тогда у меня будет время подумать о Тебе». Но никакая земная любовь, никакая дружба не может заменить для человека участие в пире Господнем, общение с Богом.

«Много званых, но мало избранных». Слыша эти слова Господа, подумаем о том, что, когда Бог нас зовет, мы делаем выбор: откликаться на зов, или нет. Каждого из нас призывает Бог, для каждого из нас уготовано место в Его небесных обителях. И если мы не оказываемся на Его брачном пире, то это наша вина, ибо это значит, что мы не откликнулись на зов Божий. Тогда происходит то, о чем говорит Спаситель, – званые оказались недостойны, а потому вместо нас

будут приглашены другие. Вечеря Господня так или иначе наполнится возлежащими и пирующими, обители в доме Отца Небесного займут достойные. Но окажемся ли мы среди них?

«Много званых, но мало избранных». Каждый из нас является званым, но не все окажутся избранными. Ими будут лишь те, кто сам избрал жизнь по заповедям Божиим. В конечном счете, выбор между добром и злом, Христом и антихристом, Богом и дьяволом, жизнью и смертью – за нами. Этот выбор мы совершаем ежедневно, ежечасно и ежеминутно. Ибо в каждый конкретный миг нашей жизни, в каждой конкретной ситуации мы стоим перед дилеммой, которая столь ясно выражена в Ветхом Завете: «Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое» (Втор. 30:19).

2000

Подвиг самоотречения. Усекновение главы Иоанна Предтечи

Вся жизнь святого Иоанна Предтечи была подвигом самоотречения и следования за Христом. В юности он ушел в пустыню, чтобы наедине с Богом познать пути премудрости Божией, чтобы приготовить себя к встрече со Христом. Затем, вернувшись к людям, он начал увещевать их, призывая к покаянию. К нему приходили многие – богатые и бедные, добродетельные и грешные. Они исповедовали ему грехи свои, а он крестил их в воде, говоря: «Идущий за мною сильнее меня» (Мф. 3:11). И когда люди, слыша его проповедь, размышляли, не Христос ли это, он говорил: «Я недостойн развязать ремень у обуви Его» (Ин. 1:27). Когда же Христос пришел креститься к нему, он сказал народу: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1:29).

Иисус Христос начал Свою проповедь теми же словами, что и Иоанн Креститель: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4:17). Между Иоанном Крестителем и Иисусом Христом существовала тесная связь. Когда Господь начал Свою проповедь, миссия Иоанна Крестителя подходила к концу, поэтому Иоанн сказал о Христе: «Ему должно расти, а мне у малеться» (Ин. 3:30). И еще до того, как Христос пошел по пути умаления, истощания, кенозиса, по этому пути пошел Иоанн Предтеча, который претерпел заточение в темнице и был казнен по приказу Ирода.

Мы знаем, – евангелисты не скрыли этого от нас, – что Иоанн Предтеча, находясь в темнице, послал своих учеников, чтобы спросить Иисуса: «Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?» (Мф. 11:3). Ответ на этот вопрос имел для Иоанна Крестителя решающее значение, потому что, если бы Иисус не был Христом, то миссия Иоанна Крестителя оказалась бы тщетной, а вся его жизнь от начала и до конца – ошибкой. Иисус не ответил ему прямо, но просил передать: «Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют; и блажен, кто не соблазнится о Мне» (стт. 4–6). Иоанн Креститель получает от Христа слово предупреждения: не соблазнись, не усомнись, не споткнись на последнем этапе твоего пути. И он не соблазнился, не усомнился, не споткнулся, но сохранил верность Христу до конца, став первым христианским мучеником. Он пошел крестным путем, Христовым путем, и сошел во ад, чтобы и там засвидетельствовать о пришествии Спасителя. Всей своей жизнью Иоанн Предтеча доказал, что следование Христу возможно, что человек может вырасти в такую меру уподобления Христу, чтобы отдать всю свою жизнь Богу, чтобы умалиться и истощить себя даже до смерти, и смерти крестной.

Судьба Иоанна Крестителя свидетельствует еще и о том, что человек, который решился в этой жизни говорить только правду, свидетельствовать об истине, не соглашаться на компромиссы, в этом мире неизбежно будет страдать, потому что мир живет по иным законам, чем те, кто свидетельствует об истине. В мире перемешано добро и зло, истинное и ложное, белое и черное, божественное и дьявольское. И твердая жизненная позиция всегда встречает зависть, злобу, ненависть. Иоанн Предтеча пострадал потому, что обличал Ирода за его безнравственность, книжников и фарисеев – этих «порождений ехиднинных» (Мф. 3:7) – за их греховные дела. И именно за ту твердую позицию, которую он занял с самого начала и проводил до конца, его предали смерти.

В Евангелии говорится, что многие крестились от Иоанна Предтечи, а фарисеи и книжники не крестились. Почему? Потому что та религия, которую проповедовал Иоанн, коренным образом отличалась от того, чему учили книжники и фарисеи. И то, что после Иоанна Крестителя начал говорить Христос, резало, словно ножом, по сердцу книжников и фарисеев, ибо Он разрушал все, что они строили на протяжении десятилетий. Религия книжников и фарисеев была религией внешних правил, это был «дом на песке», который рано или поздно должен был рухнуть, это была оболочка без содержимого. Главное в религии – любовь к Богу и ближнему, исполнение заповедей Божиих – они подменили множеством мелких предписаний, которым пытались следовать сами и требовали, чтобы им следовали и другие.

В религии всегда существует опасность подмены главного второстепенным, всегда есть искушение избрать вместо подвига мужества и следования за Христом те или иные внешние дела, из которых, по мнению избравшего их человека, и будет состоять религиозность. Но не такой веры ждет от нас Господь. И в Церковь он нас призвал не ради того, чтобы мы, подобно книжникам и фарисеям, научились лишь внешней обрядовости и упустили внутреннее. Господь призвал нас для того, чтобы мы учились у Него Самого, у Иоанна Крестителя, у многих святых мучеников и пророков, которые в течение столетий свидетельствовали о Боге не только своим словом, но и всей своей жизнью. Он призвал нас учиться тому, что является главным содержанием христианской веры – отречению от себя и следованию за Ним, отречению от себя вплоть до смерти, если Господь призовет нас к этому.

Вспоминая сегодня Иоанна Крестителя, будем помнить о том, что многие люди прошли этим крестным путем, отдав жизнь за Христа, за истину, за ближних. Не случайно в день Усекновения главы Иоанна Крестителя Церковь возносит молитву о воинах, отдавших свою жизнь за веру и отечество, и молится о них, потому что они, как и Иоанн Креститель, пострадали безвинно, стали неизбежными жертвами противостояния между Христом и антихристом, которое продолжается на протяжении всей человеческой истории и будет продолжаться до конца этого мира. Будем помнить и о той великой задаче, которую поставил перед нами Бог, о том, что каждый из нас в той или иной степени призван на тот же путь, по которому шли Иоанн Креститель, мученики и исповедники, – путь самоистощания, самоотречения и следования за Христом. Аминь.

2000

Наследие пророков. Память святого пророка Или

Сегодня Церковь празднует память святого пророка Божия Или. В Третьей и Четвертой книгах Царств мы читаем о великих делах пророка, о чудесах, которые он совершал перед лицом народа израильского. Читаем о том, как, чтобы доказать бытие истинного Бога, он призывает четыреста пятьдесят пророков Вааловых и приносит жертву Господу, а они приносят жертвы своим богам;

и жертву пророка по его молитве попадает Божественный огонь, жертв же лжепророков огонь не касается.

Мы читаем о том, как Илия приходит в дом бедной вдовы и воскрешает ее сына, о том, как пророк бежит от гнева нечестивой царицы Иезавели в пустыню и, не находя в себе более сил на пророческое служение, в отчаянии взывает к Богу: «Довольно уже, Господи; возьми душу мою». Но Бог утешает его, не только посылая ему воду и хлеб, но и таинственным, необычайным образом являясь ему «в тихом веянии ветра». Ощущая это легкое дуновение, Илия понимает, что Господь явился ему не в грозных явлениях природы – не в буре, не в землетрясении, не в огне, – но именно в легком дуновении ветра духовного. Этим дуновением Духа Святого Бог утешает пророка и дает ему новые силы.

Наконец, мы видим как Илия идет вместе со своим учеником пророком Елисеем, и Елисей узнает, что его учитель в этот день будет взят от него. Илия говорит: «Проси, что сделать тебе, прежде нежели я буду взят от тебя». И Елисей отвечает: «Дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне». Илия сказал: «Трудного ты просишь. Если увидишь, как я буду взят от тебя, то будет тебе так». Вскоре явилась огненная колесница, и вихрь вознес Илию на небо. Это был человек, который при жизни воскрешал мертвых, это был пророк, который не увидел смерти, но был вознесен Богом в Царствие Небесное.

Жизнь пророка Илии научает нас тому, какими были истинные пророки, призванные Богом на особое служение, на особую миссию – возвещать людям о Боге. Пророки были гонимы, и мы слышали сегодня в евангельском чтении слова Христа: «Пророк не имеет чести в своем отечестве» (Ин. 4:44), – т. е. там, где он проповедует, он не бывает понят. У всех пророков были враги и недоброжелатели, люди, которые желали им смерти. Как и все люди, пророки имели свои немощи, и не всегда была им по силам та невероятно трудная миссия, которая была на них возложена – свидетельствовать о Боге людям, которые не хотели этого свидетельства слышать.

Читая о жизни других пророков, мы узнаем, что, когда Господь призывал их, некоторые из них отказывались. Один сказал, что он слишком юн, другой – Иона – вообще бежал от Лица Божия, сознавая, что нет у него сил исполнить возложенную на него Богом миссию. Пророк Илия в отчаянии просил у Бога смерти. Но пророков всегда подкрепляла благодать Божия, в своем служении они непосредственно соприкасались с Богом, встречали Его в личном духовном опыте.

Встречи эти бывали разные. Иногда Господь приходил в легком дуновении ветра, т. е. в некоем сокровенном духовном утешении, как это было с пророком Илией. Но бывало и так, что не только пророк, но и весь народ был свидетелем явления Божия, когда, например, тот же Илия с помощью огня решил показать, быть ли Господу или Ваалу Богом Израиля. В разные периоды человеческой истории Бог посылал людям пророков, чтобы от них люди слышали слово истины, чтобы они чудесами засвидетельствовали присутствие Божие и силу Божию. И во все эпохи пророки были людьми немощными – такими же, как мы с вами. Их пророческая миссия намного превышала их естественные человеческие силы, и они, не надеясь на собственные силы, искали помощи у Бога. Они просили у Бога духовного подкрепления в трудные минуты, когда были оставлены людьми, гонимы, когда враги искали их смерти. И Господь таинственным образом подкреплял их благодатью Святого Духа.

И еще одному научаемся мы из жизни пророка Илии – тому, что каждый пророк оставлял после себя духовное потомство. Пророки не были людьми, которые, подобно знаменитостям мира сего, ярко блеснув, исчезают. Пророки оставляли после себя учеников, поэтому дело, которому они служили, не умирало и после их смерти. Когда Илия был вознесен на небо колесницей Божией, Елисей взял его милоть, т. е. плащ, и ударил ею по воде, и вода расступилась, и Елисей понял, что духовное наследие пророка Илии перешло к нему. Нередко бывало, что ученики оказывались

выше учителя, потому что дух, который был на одном пророке, переходил на другого и с еще большей силой действовал через него. Так духовное преемство переходило от одного пророка к другому, вплоть до последнего из пророков и первого из апостолов – Иоанна Крестителя. Затем оно переходило от одних апостолов к другим, затем к епископам, к священникам и ко всему народу Божию, который это благодатное свидетельство о Боге – также передавал из поколения в поколение; оно дошло и до нас, и ныне мы являемся его обладателями.

Потому, вспоминая ветхозаветных пророков, мы вспоминаем не каких-то людей, которые жили в древности и три тысячи лет назад прославились своими великими делами, но святых, духовное наследие которых продолжает жить в нашей Церкви. Вспоминая их и молясь им, мы надеемся хотя бы в малой степени проникнуться тем духом, которым они жили, и получить хотя бы частицу той благодати Божией, которая была дана им не ради них самих, но дабы помочь им нести нелегкую миссию свидетельства о Боге перед людьми, тот крест, под тяжестью которого и мы порой сгибаемся, не находя в себе сил, чтобы его понести.

Иногда мы говорим: Господи, это невозможно, этот крест слишком тяжел для меня. И тогда приходит благодать Божия в «веянии тихого ветра», и ее освежающее и укрепляющее дуновение дает нам новые силы.

2000

"Возлюби Господа Бога твоего..." Неделя 15-я по Пятидесятнице

Приступив к Иисусу, законник спросил Его: «Какая первая из всех заповедей?» Иисус отвечал ему: «“Возлюби Господа Бога всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею”»: вот первая заповедь! Вторая подобная ей: “возлюби ближнего твоего как самого себя”: иной большей сих заповеди нет» (Мк. 12:28–31).

Мы много раз слышали этот евангельский отрывок, но задумывались ли о том, что значит любить Бога всем сердцем и всей душой? Сердце – духовный центр человека, где зарождаются и всякая нечистота, и самые святые чувства. Мы должны жить так, чтобы все наше сердце было наполнено Богом, пронизано Его присутствием. Сердце наше всегда откликается на все, что происходит вокруг, а потому нередко бывает исполнено смятения, переживаний, волнений, а ведь мы могли бы жить так, чтобы оно было наполнено Богом и в нем царствовала бы любовь Божия. Скольких трудностей, бедствий и проблем, внутренних и внешних, нам удалось бы избежать, если бы мы научились направлять свои сердечные, внутренние силы на любовь Божию, если бы душу свою не растрачивали на суету, на скорби и переживания, связанные с жизнью мира сего.

Как мы можем возлюбить Бога всем нашим разумением? Прежде всего, если всегда будем носить в памяти имя Божие, если молитва Иисусова соединится с нашим умом, если присутствие Божие в наших мыслях будет постоянным. Часто наш ум занят не тем, чем надо, даже во время молитвы мы отвлекаемся и наши мысли блуждают «на стране далече». Часто мы не умеем контролировать свои помыслы, и тогда к нам приходят помыслы блудные, греховные, помыслы зависти и ненависти. Многие пороки зарождаются именно в уме, и если мы не умеем его контролировать, то не можем воспрепятствовать развитию в нас пороков и греховных страстей.

Наконец, возлюбить Бога нужно всею крепостию нашею, иными словами, всем нашим телесным составом. Не только ум, душа и сердце должны быть сосудами, вмещающими любовь к Богу, но

и тело наше должно быть проникнуто этой любовью. Мы слышали сегодня слова апостола Павла: «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (2 Кор. 4:10). Как может Бог быть прославлен через наше человеческое тело? И как слава Иисусова может открыться через наше тело? Прежде всего, если мы не будем допускать многочисленных пороков, грехов и страстей, связанных с жизнью нашего тела. С какой легкостью некоторые из нас относятся к нарушению седьмой заповеди – «не прелюбодействуй». Как часто приходится на исповеди слышать об абортах как о чем-то повседневном, обыденном; слышать о внебрачных связях, о супружеской неверности. Но пока мы живем так, мы не можем говорить о том, что через наше тело прославляется Христос.

Если в душе, сердце, уме и теле человека царствует любовь Божия, то это значит, что человек – на пути к святости. Почему многие святые достигали такого состояния, что их тела изменялись, преображались, и после смерти их останки сохранялись нетленными, более того, становились благоуханными? Именно потому, что тела святых были пронизаны любовью Божией еще при жизни святых. Но и мы в меру своих сил должны стремиться к тому, чтобы наше тело становилось храмом Божиим, храмом Святого Духа.

С первой заповедью связана и вторая – «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Одно не бывает без другого. Мы не можем любить Бога всем сердцем, всею душою, всем умом и всею крепостию, и при этом не любить ближнего. Но мы не сможем по-настоящему любить ближних, если не научимся любить Бога. Невозможно любить ближнего и при этом нарушать седьмую заповедь. Блудная страсть не имеет ничего общего с любовью. По внешнему своему облику она может напоминать любовь, но сущность ее противоположна, потому что подлинная любовь к ближнему – это любовь жертвенная, а не влечение, направленное на удовлетворение похоти.

Господь говорит: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Это значит еще и то, что мы должны любить самих себя – не в том смысле, что делать себе поблажки, потакать своим слабостям, порокам и страстям, но в том смысле, что заботиться о своем уме, сердце, теле, чтобы любовь Божия царствовала в нас. Если мы не любим себя такой христианской любовью, то не сможем возлюбить ни Бога, ни ближнего, не сможем исполнить ту заповедь, которая есть наибольшая в законе и на которой утверждаются закон и пророки. Аминь.

2000

Воскрешение сына вдовы Наинской. Неделя 20-я по Пятидесятнице

«Не плачь!» С этими словами обратился Господь к вдове, которую встретил идущей в похоронной процессии — вдове, хоронившей своего единственного сына. Когда-то она похоронила мужа, а теперь прощалась с тем, кто был ее единственной надеждой, любовью и радостью, — с сыном (Лк. 7:11-17).

Страшно терять близких — родителей, братьев и сестер, друзей. Но нет, наверное, большего горя, чем то, которое испытывает мать, теряя своего ребенка: вся жизнь ее словно обрывается, утрачивает смысл. Мы не можем даже в малой степени представить себе, что пережила Матерь Божия, стоя у креста Сына Своего. Матерь Божия не стала бы нашей Матерью и Матерью Церкви, если бы не прошла через это великое, безмерное страдание, о котором преподобный Силуан Афонский сказал: «Когда Она стояла при Кресте, тогда безмерна, как океан, была ее скорбь, и муки души Ее были несравненно большими, чем Адамово мучение по изгнании из рая. И если осталась Она жива, то только потому, что сила Господня укрепила Ее, ибо Господь хотел,

чтобы Она увидела Его воскресшим». Горе и страдание всех матерей земли понесла на Себе Матерь Божия, и именно к Ней тянется сердце наше, когда, кажется, не к кому больше обратиться в минуту отчаяния и скорби о потере близких.

Читая евангельский рассказ о том, как Господь Иисус Христос воскресил сына вдовы, мы невольно задаемся вопросом: почему чудо возможно было тогда и почему оно не происходит сегодня? Почему матери теряют своих детей, и Бог не воскрешает их? Почему каждый из нас теряет близких и не может воскресить их, даже если горячо молится? Почему те, кого мы так горячо и нежно любим, уходят от нас, часто преждевременно, неожиданно? Почему Бог, Который воскресил сына вдовы Наинской, не воскрешает *моего* сына, брата, отца, друга, *мою* мать, *мою* дочь?

Праведный Иов, потеряв всех своих детей, разодрал на себе одежды в знак скорби и сказал: «Господь дал, Господь взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов 1:21). Это был мужественный, глубоко верующий человек: он «смирился под крепкую руку Божию» (1 Пет. 5:6). Но вряд ли кто из нас способен принять потерю близких с такой же верой и таким же смирением. Чаще нас гложут вопросы: почему? за что? И мы не находим на них ответа, потому что нет на них ответа в настоящей жизни. Только в будущем веке, когда мы вновь встретимся с нашими родными и близкими, мы поймем, почему всем нам надо было умереть, чтобы потом воскреснуть.

Об одном мы должны твердо помнить: смерть никогда не бывает наказанием за что-либо. Смерть — это вершина человеческой жизни, ее венец и завершение: человек живет для того, чтобы умереть и перейти в лучшую жизнь. Смерть может иногда *выглядеть* как наказание за грех, ибо Господь не забывает научать нас различными способами, в том числе и через смерть наших близких. Но для самого человека, даже если он умер преждевременно, например, в результате несчастного случая, даже если умер без покаяния, смерть не есть наказание. Смерть — это переход туда, где человека ждет встреча с Богом. И если смерть преждевременна по человеческим меркам, она никогда не преждевременна в глазах Божиих. Только Бог знает тот момент, когда каждому из нас надлежит умереть, и только Он определяет день и час нашей смерти.

Но почему люди умирают преждевременно? Прежде всего потому, что многие созревают для встречи с Богом и вырастают в полную меру духовного роста и возраста гораздо раньше, чем достигают старости. Земная жизнь есть лишь подготовительный этап к будущей вечной жизни: по сравнению с этой вечной жизнью и сто, и семьдесят, и пятьдесят, и двадцать, и десять лет настоящей жизни — лишь краткий миг.

Но есть и другая причина, по которой человек может умереть преждевременно: когда он настолько укоренился в грехе, что дальнейшее его пребывание на земле становится бессмысленным, и Бог прекращает жизнь этого человека, пока остается для него надежда на спасение. Страшно умереть во грехе, умереть, не успев покаяться; но это все же лучше, чем дожить до того, когда исправление станет невозможным.

«Не плачь!» — с этими словами Господь обращается к каждой матери и к каждому из нас, кто теряет своих близких. Не плачь, потому что воскреснет твой сын, твоя мать, твои братья и сестры. Не плачь, потому что все мы — один за другим — умрем, но все и воскреснем и вновь встретим друг друга. Не плачь, потому что усопшие близкие наши, оставив земную жизнь, перешли в лучшую — ту, о которой преподобный Симеон Новый Богослов сказал, что по сравнению с ней настоящая жизнь — словно небо, нарисованное карандашом на бумаге, в сравнении с реальным небом. Не плачь, потому что настанет время, когда «отрет Бог всякую

слезу» с очей человеческих, «и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (Откр. 21:4).

1997

Память святых отцов седьмого вселенского собора. Неделя 20-я по Пятидесятнице

Сегодня мы слышали чтение из Евангелия от Иоанна – слова, которые Христос произносил на Тайной Вечере за несколько часов до того, как был арестован и предан на распятие. Эти слова, эту молитву «о тех, которых Ты дал Мне» – о Своих учениках и будущих последователях – христианах – Иисус обращает к Своему Отцу (Ин. 17:9). В этой молитве Он просил Отца помочь христианам сохранить единство: «Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17:21). Христиане последующих веков это богозаповеданное единство не сохранили, и сейчас, спустя двадцать столетий, мы видим, что множество христиан в мире по-разному воспринимают Христа и Его Евангелие. Проблема отсутствия единства среди христиан является вызовом для всей христианской Церкви. На этом я и хотел бы сегодня остановиться.

Слова Христа о единстве христиан – это Его заповедь, адресованная всем нам. И на каждом из нас лежит долг способствовать тому, чтобы разделение в среде христиан постепенно исчезало, а единство постепенно восстанавливалось. Чтобы соответствовать этой миссии, мы должны прежде всего быть сами истинно православными людьми – не на словах, а на деле. Мы должны знать учение нашей Церкви, изучать творения Святых Отцов, которые должны быть нашими настольными книгами, нашим ежедневным духовным питанием, духовной пищей, хлебом насущным. Мы не сможем свидетельствовать о христианстве, если не будем знать собственную православную традицию, если не будем во всем следовать тому, чему учили нас Отцы Церкви.

Мы должны относиться к нашим инославным братьям как братьям во Христе, помня: то, что нас объединяет, больше того, что разделяет. Ведь они, как и мы, веруют во Христа как Бога и Спасителя, и Христос является центром их христианской жизни. Среди верующих, которые принадлежат к другим христианским конфессиям, немало тех, кто всю свою жизнь отдает на то, чтобы верно следовать евангельскому идеалу, кто по образу жизни и делам бывает более христианином, чем мы, носящие имя православных христиан, потому что наша жизнь часто не соответствует этому высокому имени.

В то же время мы не должны относиться к христианским разделениям легкомысленно, так, как если бы их не существовало вовсе. Среди православных христиан бытует и такой взгляд: перегородки, воздвигнутые людьми, до неба не достигают. Даже если они и не достигают до неба, то, во всяком случае, они столь глубоко врыты в землю, что не в человеческих силах их разрушить. Но что невозможно людям, возможно Богу. Господь может восстановить утраченное единство, если мы будем соответствовать тому идеалу, который начертан Христом в Евангелии, – если мы будем чистыми сердцем, кроткими, смиренными, «алчущими и жаждущими правды», если будем вести евангельский образ жизни.

И последнее, что хотелось бы сказать на эту тему. Грех разделяет, а святость соединяет. Именно в результате человеческого греха, который был привнесен христианами в жизнь Церкви, возникли разделения. И до тех пор, пока у христиан сохраняется склонность к греховной жизни, будут сохраняться разделения. Разделения врачуются только любовью, стремлением к святости. Чем ближе христиане к Богу, тем ближе они друг к другу. Вся жизнь христианина должна быть

евангельской, и о нашем православии должны свидетельствовать не слова наши, но дела. Преподобный Симеон Новый Богослов говорил: «Православный не тот, кто не вносит новый догмат в Церковь Божию, но тот, у кого жизнь соответствует евангельскому учению». А недавно почивший старец Софроний утверждал: «Православный христианин – это тот человек, который живет свято и который видит Бога, как Он есть». У православного человека вся его жизнь, каждое его слово и дело должны свидетельствовать об истинности православной веры. Если мы будем стремиться так жить, то исполним то, о чем Христос молился в последние часы своей жизни: «Да будут все едино». Аминь.

2000

Богатство и бедность. Неделя 22-я по Пятидесятнице

Мы привыкли слышать в притче о богаче и Лазаре одну главную вещь: те люди, которые в земной жизни наслаждаются, в будущем веке будут страдать, а те, которые здесь страдают, получают там утешение. Но в этой притче есть и другие детали, которые мы не всегда замечаем.

Прежде всего я хотел бы обратить внимание на то, что из двух героев этой притчи один назван по имени – Лазарь, а другой, богач, так и остается безымянным. Я думаю, что это имеет глубокий смысл. Господь как бы говорит нам: у каждого человека есть имя, данное ему Богом. Это имя включает в себе цель существования человека, его призвание восстановить в себе образ Божий через добродетели. И человек может либо реализовать божественный замысел, изначально заключенный в его имени, как в зародыше, либо не реализовать. Если человек сумел его реализовать, сумел вырасти в полную меру возраста Христова, то после смерти Господь встретит его, узнает и назовет по имени, как на Страшном суде Он узнает тех, кто был Ему верен. Если же человек этот свой потенциал не реализовал, своего предназначения не осознал и не оправдал, если он не вырос в ту меру, в которую должен был вырасти, если не жил по заповедям Божиим, то в мир иной он переходит словно безымянным. Таким людям Господь говорит: «Отойдите от Меня, делающие беззаконие, Я не знаю вас». Я думаю, что в притче Господней нищий назван по имени, а богатый не назван, именно потому, что один свое призвание исполнил, а другой нет. Вы спросите: неужели призвание Лазаря заключалось в том, чтобы быть нищим и бесполезно лежать у врат богатого человека? Нет. Его призванием было благодарить Бога за все, что выпало на его долю, и со смирением терпеть страдания. Нищета и отверженности были тем крестом, который он нес всю жизнь. И когда многотрудная и многоболезненная жизнь закончилась, Господь признал в нем Своего верного раба, исполнившего свое жизненное предназначение.

Обратим теперь внимание на то, что произошло после смерти с богатым. При жизни он одевался в порфиру и виссон, каждый день веселился и развлекался, не обращая внимания на тех людей, которые нуждались в его помощи и которых он мог бы осчастливить даже крошками со своего стола. Ему не было дела и до нищего, лежавшего у ворот, которого Бог знал по имени, а богач наверняка не знал. Но вот богач переходит в мир иной – и вся перспектива его жизни меняется, все его видение становится иным. Он вдруг осознает, что находится в аду и в муках, он видит Авраама и узнает его, он видит Лазаря и узнает его, причем узнает уже по имени, а не как безымянного нищего, и обращается с молитвой к Богу. Все это говорит о том, что перспектива, в которой мы видим происходящее здесь, на земле, при переходе в вечность полностью меняется. Те, кто здесь праздновал и веселился, там могут оказаться в муках, те, кто здесь не замечал человеческих страданий и горя, там их заметят. Но только помочь уже никому не смогут – ни другим, ни себе. Так вот, наша задача заключается в том, чтобы уже здесь, на земле,

рассматривать всю жизнь «из перспективы вечности», думая не только о себе, но и о ближних, тогда и в будущем веке с нами не произойдет того, что произошло с богачом.

И наконец, подумаем о природе адских мучений, о которых говорится в притче. Находясь в аду, в муках, богач молил, чтобы Лазарь, омочив конец перста в воде, охладил его язык. Какая реальность стоит за этим образом? О чем здесь идет речь? Преподобный Исаак Сирийский говорил, что адское мучение – это раскаяние человека в том, что он не сделал, в тех грехах, за которые при жизни он не принес покаяния. Раскаяние в будущей жизни бесплодно, оно уже не может помочь человеку, так как в ином мире у нас отнимается возможность заглаживать свои грехи добрыми делами. Именно это бесплодное раскаяние и символизируется неутолимой жаждой.

Возможность принести покаяние дается нам только на земле. В конечном итоге притча говорит нам, что тем, как живем здесь, как относимся к нашим ближним, мы решаем свою судьбу в вечности. Поэтому не нужно спрашивать себя и друг друга, каким образом адские мучения сочетаются с милосердием Божиим. Они не сочетаются с милосердием Божиим, но они сочетаются с *нашей* черствостью, *нашей* неспособностью или нежеланием следовать по пути, который Бог указал нам, и поэтому виновники этих мучений – мы сами.

Будем же поступать так, как заповедал нам Христос. Будем помогать тем нашим близким, которые оказались в беде, будем откликаться на горе, будем делиться с голодными. Это единственный путь, ведущий на «лоно Авраамово», в Царство Небесное. Все остальные пути ведут в погибель.

5 ноября 2000 года

Притча о богаче и Лазаре. Неделя 22-я по Пятидесятнице

В притче Господней, которую мы слышали только что (Лк. 16:19–31), речь идет о двух людях – очень богатом и очень бедном. Богатый человек всю свою жизнь проводил в празднествах, веселился, развлекался. Нищий же лежал у дверей его дома и мечтал о том, чтобы хотя бы какие-то крохи перепали ему со стола богатого. Когда нищий умер, ангелы взяли душу его и отнесли «на лоно Авраамово». Затем умер богатый, и его похоронили. Но в будущей жизни эти два человека как бы меняются ролями. Вдруг оказывается, что тот, кто был богат, «одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно», за всю свою земную жизнь не накопил ничего, что позволило бы ему войти в Царство Божие. Не нашлось за ним ни добродетелей, ни заслуг, ни добрых дел, которые были бы ему зачтены. А нищий, который всю жизнь пролежал у ворот, оказался «на лоне Авраамовом».

Почему это произошло? Совсем не потому, что один был богат, а другой беден. Во все времена человечество разделялось на богатых и бедных, и во все времена между ними была пропасть. И сейчас есть люди как очень богатые, так и очень бедные. Одни разъезжают на дорогих автомобилях, отдыхают на экзотических курортах, а другие же стоят на переходах в метро или у дверей храмов с протянутой рукой. Так было две тысячи лет назад, во времена земной жизни Христа, и, несмотря на многие изменения к лучшему, которые произошли с тех пор, такое положение сохраняется и по сей день.

Итак, богач был осужден на мучения не за то, что был богат. И нищий удостоился «лона Авраамова» не за то, что был нищ. Богатый был осужден за то, что, живя счастливой, роскошной жизнью, – каждый день для него был праздником, – он не замечал, что рядом с ним были люди,

которые нуждались в его милости, в его помощи. Если бы, пересекая порог своего дома, он хотя бы несколько раз, заметив нищего у ворот, бросил бы ему несколько жалких монет, отчего его богатство, конечно, не уменьшилось бы, то, возможно, это изменило бы его судьбу в вечности. В конечном итоге человек получает приговор от Судии на Страшном суде не за то, был ли он богат или беден, но за то, как он распорядился вверенным ему богатством.

Среди нас мало людей материально богатых, но у каждого из нас есть что-то, чем можно поделиться с ближними. Рядом с каждым из нас живут люди, которые ждут от нас помощи – материальной, духовной или просто доброго слова. Та пропасть, которая существует между богатыми и бедными, могла бы быть гораздо менее значительной и трагической, если бы богатые задумывались о том, что вокруг них есть бедные, и делились бы с ними тем, что у них есть. Богатому человеку достаточно, может быть, одной сотой его капитала, чтобы изменить к лучшему жизнь многих людей, но богатые об этом, как правило, забывают. То, что дано нам Богом, дано нам не только для того, чтобы мы этим пользовались и этому радовались, но и для того, чтобы мы делились этим с нашими ближними. Может быть, именно потому на улицах так много нищих, что Господь хочет, чтобы мы делились с ними, чтобы была у нас возможность для активного доброделания.

То же относится и к богатству духовному. Мы с вами Самим Христом призваны в Церковь, чтобы мы делились тем, что здесь получаем, с нашими ближними. Будем помнить об этом. Ведь и жизнь в конечном итоге дана нам для того, чтобы мы разделили ее с другими людьми, а не для того, чтобы прожили ее для себя. Эгоист, который жил, думая только о себе, перейдя в жизнь будущую, оказывается там ни с чем, потому что все, что он накапливал здесь десятилетиями, здесь остается, туда же можно взять лишь то, что накопил внутри себя. А накопить внутри себя можно, то, что отдал другим – себя и свое.

Не будем забывать о том, что одни богатые, перейдя в иную жизнь, были спасены Богом за свое милосердие, другие же осуждены за жестокость, немилосердие, за то, что не думали о других. Так же и бедные – одни перешли в иную жизнь и удостоились Царства Небесного за свое терпение, смирение, за то, что даже тем немногим, что имели, делились с нуждающимися, а другие были осуждены – не за то, что страдали, но за то, что, страдая сами, не сострадали другим. Наше материальное состояние может быть лучшим или худшим, наше духовное богатство может быть большим и меньшим, но, каким бы оно ни было, мы обязаны им делиться с нашими ближними. Аминь.

2000

О молитве. Неделя 24-я по Пятидесятнице. Память святой великомученицы Варвары

Почему многим из нас так трудно бывает сосредоточиться на молитве? Почему случается, что мы произносим слова молитвы, а ум наш блуждает на стороне? Почему посторонние помыслы одолевает нас во время молитвы? Почему нам иногда кажется, что молитвы наши не достигают цели, остаются неуслышанными?

Молитва, по словам великого Евагрия, есть беседа ума с Богом. Молитва есть наша встреча с Богом. Однако может случиться, что мы молимся, а встреча не происходит, произносим слова, а беседа не получается. Ведь молитва — это диалог, она предполагает некий «ответ», который человек должен услышать. Если же он не слышит ответа, значит, что-то не в порядке в его молитвенной практике, значит, ему следует проверить себя, правильно ли он молится...

В прочитанных сегодня двух евангельских отрывках речь идет о трех чудесах Господа Иисуса Христа: об исцелении десяти прокаженных (Лк. 17:11-19), об исцелении кровоточивой женщины и о воскрешении дочери начальника синагоги (Лк. 8:41-56). Каждое из этих чудес произошло по просьбе людей, то есть по молитве их к Иисусу. Эти обращения людей к Господу с надеждой на исцеление служат примером того, с какими чувствами мы должны приступать к молитве.

Десять прокаженных взывают к Иисусу о помощи, но не смеют приблизиться к Нему. По иудейскому закону, прокаженным было запрещено приближаться к людям, чтобы не заразить их этой ужасной болезнью. И вот они стоят вдали, чувствуя себя отверженными, недостойными, и взывают с надеждой на исцеление: «Иисус Наставник, помилуй нас». И Господь, услышав их вопль, исцеляет их.

Это пример *смирненной* молитвы — подобных примеров немало в Евангелии: достаточно вспомнить мытаря, сотника, жену-хананеянку, разбойника на кресте. Приступая к молитве, каждый из нас должен чувствовать, что он приносит свои прошения Богу «от скверных устен, от мерзкого сердца, от нечистаго языка, от души осквернены». Если душа моя осквернена проказой греха, дерзну ли я стоять наравне с другими людьми, посмею ли приблизиться к Богу? Молясь, надо сознавать себя первым из грешников, как в молитве перед Причастием мы говорим, повторяя слова апостола Павла: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз». Это не риторика — это реальное чувство своего ничтожества и своей греховности, которое мы должны испытывать перед Святой Чашей.

С этим же чувством следует всякий раз приступать к молитве. Если мы научимся видеть себя ниже других, наша молитва будет услышана Богом. Если мы будем сознавать свои недостатки и каяться в них перед Богом, не видя или не желая замечать недостатки других, наша молитва будет принята Богом. Но увидеть, что другие люди лучше, чем ты сам, невозможно без помощи Божией, так же, как невозможно проникнуться истинной любовью к людям без того, чтобы эта любовь была дана свыше. Потому нужно просить Бога в молитве, чтобы Он дал нам увидеть свои грехи и не дал видеть грехи ближних.

Молитва гордого не достигает Бога. Напротив, молитва смиренного, как говорит преподобный Исаак Сирий, идет прямо из уст его в уши Божии. «Когда предстанешь в молитве твоей перед Богом, — пишет этот великий сирийский святой, — сделайся в помысле своем как бы муравьем, как бы пресмыкающимся по земле, как бы пиявкой и как бы лепечущим ребенком. Не говорит перед Богом чего-либо от знания, но мыслями младенческими приближайся к Нему, чтобы сподобиться тебе того отеческого промышления, какое отцы имеют о детях своих младенцах».

Пример такой смирненной молитвы — не «от знания», а от глубокой веры — кровоточивая жена. Она вообще не произнесла ни слова, а лишь протиснулась сквозь толпу и прикоснулась к одежде Христа. И в ответ на свою безмолвную молитву она получила исцеление от болезни, которая мучила ее в течение многих лет.

Итак, можно молиться без слов — одним сердцем. Если мы в чувстве сердца своего соприкасаемся с Богом, молитва наша будет услышана. Богу не нужны слова: Он знает все, в чем мы нуждаемся, еще прежде, чем мы обращаемся к Нему. Но Он хочет, чтобы мы прикоснулись к краю ризы Его, чтобы в безмолвной молитве обратились сердцем к Нему с твердой надеждой на помощь и исцеление. И если мы *так* молимся, мы будем услышаны, и исцеление произойдет.

Что лучше: прочитать несколько канонов или акафистов невнимательно или одну краткую молитву с вниманием? Ответ очевиден. Лучше пять слов сказать умом, чем тысячу слов языком (1 Кор. 14:19). Бывает, что люди изо дня в день, из года в год вычитывая утренние и вечерние

молитвы, настолько привыкают к ним, что их содержание не доходит до сердца: слова обесцвечиваются от постоянного и бездумного повторения. Таким же образом и «Последование ко Святому Причащению» многие читают каждую неделю, но не вдумываются в его содержание. В этом случае действует простой и неумолимый закон: если слова молитвы не дошли до тебя, они не дойдут и до Бога; если твое сердце не отозвалось на молитвенные прошения, то и Бог не отзовется. Если мы не прониклись тем духом глубочайшего смирения, покаяния и вместе с тем благодарения и радости, которым дышат молитвы к Причащению, мы не сумеем причаститься достойно.

Лучше, наверное, прочитать одну молитву, но не спеша, вдумчиво, повторяя каждое слово до тех пор, пока содержание его не дойдет до самой глубины сердца, чем вычитать целое последование, но остаться холодным. Лучше потратить полчаса на чтение «Отче наш», но пережить каждое слово этой молитвы, чем провести те же полчаса, вычитывая скороговоркой различные «правила». Лучше молиться своими словами, беседуя с Богом обо всем, что лежит на душе, чем вычитывать чужие слова, написанные людьми иного опыта, иной эпохи. Молитвы, написанные древними Отцами, хороши тем, что они учат нас, *как* правильно молиться, с какими чувствами надо приступать к Богу. Но эти молитвы только в том случае имеют ценность, если каждое их слово станет нашим собственным словом, если мы вживемся в их смысл, их содержание, и принесем их Богу как свои собственные прошения.

Часто бывает, что люди во время молитвы больше заботятся о словах, чем о чувстве, которое должно быть в них вложено. Говорят с Богом «от знания» — на особом, возвышенном и искусственном языке. Многие вообще избегают молиться своими словами, думая, что безопаснее молиться по книжке. На самом же деле с Богом можно говорить на том же языке, на котором мы думаем и на котором говорим с друзьями, ибо Он — наш Друг, готовый услышать нас в любой момент и помочь нам в любом деле. Потому Он и заповедал «не многословить в молитве», что не нуждается в множестве слов, чтобы услышать нас. Одно прошение «Господи, помилуй» настолько всеобъемлюще, что может заменить множество молитвословий, прочитанных по книге.

И, наконец, третий пример: Иаир, начальник синагоги, просит Иисуса о воскрешении его дочери. Это образец молитвы за ближних. Мы призваны молиться не только о самих себе, но и о всех наших родственниках и друзьях, о ближних и дальних. Христиане связаны между собою крепкими узами любви, которые не разрываются даже в момент смерти. Поэтому мы молимся не только за живых, но и за усопших. Приступая к молитве, нужно помнить, что даже находясь наедине, мы молимся вместе со всей Церковью, наша молитва вливается в поток других молитв, воссылаемых нашими братьями-христианами к Богу. Молитва есть личная встреча каждого конкретного человека с Богом, но для того, чтобы встретить Бога, нужно сначала *встретить человека*, то есть принять ближнего в свое сердце, *увидеть* его: увидеть в нем образ Божий. Потому Господь заповедал нам говорить «Отче *наши*», а не «Отче *мой*», и молиться от лица всей общины, а не от своего собственного лица — даже когда мы, затворив за собой дверь, молимся втайне.

Молитва есть опыт Царства Божия. Но в Царство Божие невозможно войти изолированно от других, ибо там все спасенные общаются друг с другом, живя во взаимной любви. Изолированными один от другого люди оказываются в аду: будучи вне Царства любви, они лишены и возможности встречи между собой. Но если мы составляем одну церковную общину и у нас есть настоящее *чувство* общины, мы не можем допустить, чтобы кто-то из нас оказался вне Царства Небесного: не можем представить себе, чтобы одни спаслись, а другие — нет. Мы должны молиться друг за друга таким образом, чтобы один спасенный вел за собой в рай десятки других. Как Моисей, который просил Бога о прощении грехов своего народа, говоря, что, если

Бог не простит народ, пусть изгладит и его имя из книги Своей (Втор. 32:32). Или как Павел, который желал сам быть *отлученным от Христа за братьев своих* (Рим. 9:3).

Перед нами три евангельских примера молитвы, которая была услышана Богом. Молитва прокаженных услышана потому, что она возносилась из глубины смиренного сердца, из сознания собственного недостойнства и собственной отверженности. Молитва кровоточивой жены — потому что эта женщина безмолвно соприкоснулась с Господом, благодаря вере, которая была у нее в сердце. Молитва начальника синагоги — потому что он, молясь, думал не о себе, а о своей дочери, потому что молитва его была проникнута любовью к ближнему и состраданием.

Если мы научимся молиться так, как молились эти люди, то и наши просьбы будут услышаны Богом, и с нами будут происходить чудеса, и наша душа исцелится, подобно прокаженным и кровоточивой, воскреснет к новой жизни, подобно дочери Иаира. Когда же мы познаем в душе своей происшедшее изменение к лучшему, не забудем поблагодарить Господа, как поступил один из десяти исцеленных. Благодарить Бога надо за все — за радости и за скорби, за утешения и испытания. Но особенно благодарны мы бываем Господу, когда чувствуем, что молитва наша была услышана, и произошло то чудо, которого мы просили, на которое надеялись.

Ответ на вопросы, поставленные мной в начале слова, заключается в следующем. Для того, чтобы мы умели сосредотачиваться, чтобы посторонние помыслы не беспокоили нас на молитве, чтобы ум наш не блуждал вдалеке, и чтобы мы ощутили, что молитва наша дошла до Бога, мы должны молиться так, как молился Господу Иаир. У него дочь лежала на одре болезни — мог ли он думать о чем-либо другом? Нужно молиться так, как кровоточивая жена и как прокаженные: вся их последующая жизнь зависела от того, выздоровеют они, или нет — могли ли у них возникнуть посторонние помыслы? Каждый раз, приступая к Богу для молитвы, мы должны помнить, что в этот момент решается судьба нашей души: исцелится она или останется прокаженной, воскреснет или останется мертвой, будет спасена или погибнет.

Плодом каждой произнесенной молитвы должно быть наше приближение к Богу. Всякий раз после прочтения утренних или вечерних молитв, после посещения богослужения, мы должны чувствовать, что стали ближе к Богу, что стали родными Ему. Если этого не происходит, значит, мы молимся неправильно, значит, мы не достигли еще того *обожения*, о котором учили Святые Отцы: состояния, когда мы становимся *богоподобными*. Это состояние приобретает нами через молитву, через исполнение заповедей Христа, а также — особенно явным образом — через причащение Святых Христовых Таин. О чем и сказано в одной из молитв ко Святому Причащению: «Божественное Тело и *обожает* мя и питает; обожает дух, ум же питает странно».

Дай нам Бог почувствовать близость Его к сердцу нашему, почувствовать, что мы стали родными Богу, что сделались Его сынами и дочерьми, «богами по благодати». Дай нам Бог научиться настоящей молитве, в которой мы соприкасаемся с Господом, беседуем с Ним, встречаем Его лицом к лицу. Дай нам Бог в этой молитвенной сосредоточенности и собранности встретить праздник Рождества Христова, а затем и Пасхи Христовой, и, наконец, встретить Самого Христа в Царствии Небесном. Аминь.

1996

О милосердном Самарянине. Неделя 25-я по Пятидесятнице

Законник, приступив к Иисусу, спросил: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» Господь, отвечая, переадресовал его к Закону — первоисточнику, который законник должен быть знать лучше, чем кто-либо другой. Ведь именно в Законе было впервые сказано: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и ближнего твоего, как самого себя» (Лк. 10:25-27).

Но одно дело знать Закон, другое — исполнять его; одно дело — слышать заповедь Божию, другое — воплощать ее в жизнь. Потому законник и спрашивает Господа: «А кто мой ближний?» Ему не все ясно в этой заповеди: для него она слишком абстрактна.

И Господь отвечает ему притчей — о том, как некий человек попался в руки разбойников, был избит и лежал, израненный и окровавленный, при дороге. Мимо проходили священник и левит, но оба, отвернувшись, сделали вид, что не заметили его. И только самарянин, увидев несчастного, сжалился над ним, обвязал его раны, посадил на своего осла, довез до ближайшего города, поместил в больницу, заплатил врачам. «Кто из этих троих был ближний попавшемуся разбойникам?» — спрашивает Господь. «Оказавший ему милость», — отвечает законник (Лк. 10:30-37).

Итак, Господь привел в пример самарянина — человека, не принадлежавшего к «истинной вере», к богоизбранному народу израильскому. Иудеи относились к самарянам с презрением, к ним не прикасались, с ними не разговаривали. Между двумя нациями существовал многовековой непреодолимый барьер. Отчуждение доходило до такой степени, что иудеи скорее бы умер от жажды, чем напился воды из рук самарянина. С такой же брезгливостью иудеи относились к хананеям, римлянам и другим язычникам.

Подобное гнушение людьми, принадлежащими к другому народу, к другой вере, было глубоко чуждо Христу. В течение всей Своей земной жизни Он сознательно преодолевал барьеры, созданные человеческими руками. Именно поэтому Он очень часто в притчах и проповедях приводил в пример самарян, хананеев, римлян — всех тех, к кому правоверные иудеи относились враждебно и презрительно.

Господь показывал, что примеры человеческой доброты встречаются у всех народов и во всех верах, что Закон и заповеди Божии исполняют люди самых разных национальностей и разных вероисповеданий. Можно знать Закон и не исполнять его, а можно не знать Закона, но исполнять его. Так и в наши дни можно быть верующим православным христианином, но не жить по заповедям Божиим, а можно принадлежать к другой вере, или вообще быть неверующим, но исполнять заповеди Христовы.

Многие люди, далекие от истинной веры, не задумываясь, исполняют заповеди Божии просто потому, что эти заповеди естественны для каждого человека. А православные христиане, гордые тем, что они принадлежат к избранному стаду Божию, нередко смотрят на этих людей с презрением, говоря: «Разве может спастись католик, протестант, мусульманин или атеист?» Как будто тот факт, что человек является инославным, иноверцем или атеистом, уже перечеркивает всю его жизнь, обесценивает все творимое им добро.

Господь наш был не таким! Он мог очень жестко говорить с фарисеями и книжниками, которые знали наизусть Священное Писание, но не делали ничего, чтобы его исполнить, которые заботились об исполнении тысячи мелких предписаний, касающихся внешнего образа жизни, но оставляли, как говорил Господь, «важнейшее в законе: суд, милость и веру» (Мф. 23:23), то есть справедливость, милосердие по отношению к ближним и веру, выражаемую делами. Фарисеи и книжники только заявляли о своей приверженности истинной вере, а многие самаряне и хананеи на деле доказывали любовь к Богу Истинному.

Приведу в качестве примера случай из собственной пастырской практики (а подобных случаев было, увы, немало). Я тогда жил в глухой литовской провинции, был настоятелем четырех маленьких бедных приходов, находившихся на большом расстоянии один от другого. Однажды меня попросили отслужить панихиду на русском кладбище, куда пришлось очень долго добираться на попутных машинах (общественный транспорт туда не ходил). Вместе с псаломщиком я совершил панихиду; присутствовало более сотни людей, приехавших на тридцати автомобилях.

Когда панихида закончилась, хлынул ливень. Я спросил, не сможет ли кто-нибудь из них подвезти нас до ближайшего населенного пункта. Но они один за другим стали вежливо отказываться, говоря, что к сожалению, очень заняты, что в ресторане их ждет поминальный обед, что они едут в противоположную сторону. Мы с псаломщиком отправились под проливным дождем пешком по проселочной дороге, не зная даже, в каком направлении надо идти. Мы прошли совсем немного, и вдруг нас догнала машина, и нам предложили подвезти, куда необходимо. В машине была пара пожилых литовцев из числа присутствовавших на панихиде. Я спросил, не приглашены ли и они на поминки в ресторане. Они ответили: «Приглашены, но для нас важнее оказать услугу православному священнику, чем ехать в ресторан». Это были единственные католики на сотню православных. Кто же в тот момент оказался моим ближним?

То, что Христос говорил две тысячи лет назад — в историческом, религиозном и национальном контексте Своего времени — актуально и для нашей эпохи. И среди нас немало фарисеев и книжников, гордящихся своей принадлежностью к истинной вере. Но есть и «самаряне» и «хананеи», которым, как говорит святитель Григорий Богослов, «не хватает только имени христианина, тогда как они обладают самой реальностью». Задумаемся: кто первым войдет в Царство Божие — те, кто так уверен в собственном спасении, что готовы всех прочих осудить на вечные муки, или те, кто, не принадлежа к истинной вере, совершают дело Божие — то дело, которое мы так часто оказываемся неспособными совершать?

1997

Исцеление согбенной женщины. Неделя 27-я по Пятидесятнице

Женщина, которая в течение восемнадцати лет не могла распрямиться, была исцелена божественной силой Господа Спасителя. Этот случай, рассказанный евангелистом Лукой, напоминает нам о чудесном исцелении, происходящем с каждым человеком, который на своем жизненном пути встречает Христа.

Жизнь многих из нас в этом мире складывается так, что постепенно, с годами мы сгибаемся под тяжестью возложенного на нас груза. Это может быть груз земных забот, переживаний, неразрешимых проблем; это может быть оказавшийся на наших плечах крест, постигшая нас болезнь, выпавшие на нашу долю испытания; это могут быть грехи, с которыми мы не в силах справиться. Под тяжестью всего этого мы сгибаемся.

Иногда нам кажется, что кроме той трудной земной ситуации, в которой мы находимся, ничего больше на свете не существует. Согбенная женщина, пока Господь не исцелил ее, видела лишь пятак земли под ногами. Точно так же и мы часто не способны видеть то, что выше нас, или даже то, что на одном уровне с нами, а видим только находящееся у нас под ногами. Склонившись к земле, мы не видим небо. Будучи погруженными в земные дела и заботы, мы

забываем о том, что помимо того крохотного клочка земли, который нам дан в удел, существует еще нечто бесконечно более великое и прекрасное: целый мир с его земными и морскими просторами, небо с его светилами и звездами и, наконец, Царство Небесное, к которому все мы призваны, ибо каждому из нас в нем уготована своя обитель.

Приходя в церковь, мы имеем возможность соприкоснуться с этой высшей, иной реальностью в своем собственном живом опыте. Церковь помогает нам духовно распрямиться, забыть о земле, вспомнить о небе, отрешиться от материального и здешнего, приобщиться к духовному и «тамошнему».

Исцеляя сгорбленную женщину, Господь Иисус Христос показывает, чего Он ждет от каждого из нас. А ждет Он, что мы встанем перед Ним в полный рост, что мы вырастем, как говорит апостол Павел, «в меру полного возраста Христова» (Еф. 4:13), что мы распрямимся, расправим крылья, вздохнем полной грудью. Господь хочет, чтобы мы помнили о нашем высоком и небесном призвании — быть чадами Божиими, быть жителями небесного града, горнего Иерусалима.

Нередко люди верующие сгибаются под тяжестью собственных грехов. А бывает, что они склоняются к земле под бременем покаяния в совершенных грехах. Испытываемое ими раскаяние в содеянном не дает им сил к исправлению, не вдохновляет на подвиг нравственного самосовершенствования, на исполнение заповедей Божиих, на активное добродетельное, но лишь ввергает в еще большее уныние, чем то, в котором они находились до того, как осознали свои грехи.

В таком «покаянии» кроется некая духовная ошибка. Господь не хочет, чтобы мы сгибались под тяжестью чувства собственного недостойнства. Мы приходим к Святой Чаше и исповедуем искренне и от всего сердца веру в то, что Господь пришел «грешных спасти, от нихже первый есмь аз». Если нет у нас такого чувства, мы не можем достойно причаститься, и если хотя бы одного человека мы считаем хуже себя, значит, мы еще не созрели для встречи со Христом. Но сознавая себя грешными, видя всю бездну зла, которое в нас, мы не должны от этого впадать в уныние и в отчаяние. Мы должны помнить, что, как говорит преподобный Исаак Сирин, никакой человеческий грех, даже самый тяжкий, не пересиливает милосердия Божия. И все наши грехи вместе взятые, по слову преподобного Исаака, словно горсть песка, брошенная в океан милосердия Божия, где она растворяется и исчезает бесследно.

Церковь дает нам возможность сосредоточиться не на себе, а на Боге, переориентировать внимание с самих себя, со своей жизненной ситуации на Царство Небесное, к которому мы можем приобщиться. Несмотря на все наши грехи, на нашу неспособность подняться до уровня, на котором должен жить христианин, несмотря на то, что мы оказываемся неспособными исполнять заповеди Христовы, которые, как нам кажется, превосходят наши человеческие силы, — несмотря на все это, у нас остается возможность постоянно духовно обновляться здесь, в Церкви, через приобщение Тела и Крови Христовых, через молитву, через богослужение.

Церковь дает нам новые силы для того, чтобы мы духовно возрастали, восходили «от силы в силу», все более и более распрямляясь, все меньше вспоминая о земле, все больше обращаясь к небу. Чем ближе человек к Богу, тем больше он чувствует свою греховность, но одновременно возрастает в нем и ощущение близости Божией. И тогда покаяние становится радостью — как выздоровление после долгой болезни, как распрямление после многих лет уродливой сгорбленности.

Будем же идти вместе со Христом и вместе друг с другом прямым путем, не останавливаясь ни на день, ни на час, ни на минуту. Будем восходить к обителям Царствия Небесного, где для каждого из нас хватит места, если только мы окажемся достойными Бога.

Неземная радость Православия. Интервью журналу "Сретение" № 2, 2001

— *Ваше Высокопреподобие, насколько я могу судить по Вашему возрасту, Вы пришли в Церковь в то время, когда «моды» на православие еще не было. Расскажите, пожалуйста, как это случилось?*

— Не было не только «моды» на православие, не было даже возможности исповедовать православную веру и при этом оставаться полноценным членом общества. Я в течение одиннадцати лет учился в специальной музыкальной школе и за эти годы не встретил там ни одного верующего человека. Сейчас, конечно, я знаю о многих из своих соучеников, что они были верующими, но тогда все это скрывали.

Из нашей семьи первой пришла в Церковь моя мама: ей было тогда 38 лет. Я был крещен в одиннадцатилетнем возрасте — тайно, на дому. В тринадцать лет начал ходить в церковь Воскресения Словущего на Успенском вражке: там часто служил митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, а настоятелем был протоиерей Леонид Ролдугин, замечательный проповедник. В пятнадцать лет меня пригласили в алтарь, и я начал прислуживать и читать за богослужением. Это давало мне огромную радость. Православное богослужение пленяло своей глубиной, какой-то неземной красотой, значимостью каждого слова и каждого литургического действия.

Жил я рядом с этим храмом, а школа находилась в двух кварталах. Поначалу никто в школе о моем «увлечении» Церковью не знал, но однажды я, стоя в стихаре на солее, заметил в толпе молящихся одну из своих преподавательниц. Встретившись со мной взглядом, она, кажется, больше испугалась, чем я: она сделала вид, что это не она, и поспешно покинула храм. Спустя некоторое время мой учитель по гармонии во время урока с большим волнением сообщил мне о том, что меня видели «там». Он просил, чтобы я прекратил ходить «туда», а то меня выгонят из школы. Я ответил, что эта просьба для меня невыполнима. Впрочем, дело замяли, и я спокойно доучился. Потом даже поступил в консерваторию.

Большое впечатление на меня оказали две поездки в Грузию, во время которых я иподиаконствовал у Святейшего Патриарха Грузинского Илии, а также посетил несколько замечательных монастырей, в том числе Бетанский монастырь, расположенный в горах. Там общался с отцом Иоанном Шеклашвили (он теперь, кажется, в старостильном расколе); беседы с ним оставили во мне глубокий след. Много раз ездил в Псково-Печерский монастырь и там общался в основном с двумя людьми — отцом Иоанном Крестьянкиным и известным иконописцем отцом Зиномом. Неоднократно встречался и беседовал также с отцом Кириллом в Троице-Сергиевой Лавре. От него и от отца Иоанна Крестьянкина получил благословение на монашество.

Несколько раз мне посчастливилось принимать участие во встречах верующей молодежи с митрополитом Сурожским Антонием: эти встречи происходили тайно, на частных квартирах, куда набивалось по 50-60 человек; атмосфера напоминала раннехристианские собрания «дверем затворенным», «страха ради иудейска». Владыка Антоний производил неотразимое впечатление, и встречи с ним запомнились мне на всю жизнь. С Владыкой Антонием я потом многократно встречался и в Англии.

В Англии же мне посчастливилось неоднократно посещать отца Софрония, ученика преподобного Силуана Афонского, который отнесся ко мне с отеческой любовью. Он мне много рассказывал об Афоне и о святом Силуане, а также о различных сторонах духовной жизни. В последний раз я виделся с ним за три недели до его кончины, и мы беседовали без перерыва более четырех часов. О времени своей кончины он знал заранее.

Из московских клириков я близко общался с отцом Александром Шаргуновым и отцом Валентином Асмусом. Отец Александр был уже тогда одним из самых известных в Москве духовников. А отец Валентин был молодым диаконом, ходил в малиновой тройке из тонкого вельвета, носил золотые карманные часы и слыл монархистом (что по тем временам было чем-то экстраординарным: никакой «моды» на монархизм тогда, конечно же, не было). Отец Валентин открыл мне доступ в свою библиотеку, которой я пользовался в течение нескольких лет. Иногда я приходил к нему часов в семь вечера, и мы за чашкой чая беседовали до полуночи. В полночь я выражал готовность отправиться домой в связи со скорым закрытием метро, и отец Валентин спрашивал: «еще чаю?»; тогда я уже оставался у него до открытия метро, и вся ночь проходила в беседе на разные ученые и богословские темы.

— *Вы самый молодой и самый известный богослов Русской Православной Церкви, Вас высоко ценят за рубежом: в прошлом году Вам была присвоена степень доктора Свято-Сергиевского института в Париже, Вы читаете лекции в учебных заведениях Великобритании и США. Какой путь надо было пройти, какое образование получить, чтобы стать ученым такого уровня?*

— Своей главной богословской школой я считаю не университет и не духовную академию, а православное богослужение. В течение двух лет пребывания в Виленском Свято-Духовом монастыре я ежедневно участвовал во всех богослужениях — либо сам служил, либо читал и пел на клиросе. Когда меня затем направили на приход (маленький деревенский приход в «забытой Богом» литовской деревне), я ежедневно совершал все богослужения суточного круга без сокращений: начинал в 2.30 утра полунощницей, затем шла утренняя с кафизмами, библейскими песнями и пр., затем часы и литургия; все заканчивалось часам к 11. Вечером служил вечерню и повечерие. Все это было необыкновенно питательно для души. Богослужебные тексты Православной Церкви — неисчерпаемая сокровищница богословия. У меня до сих пор не укладывается в голове, почему в наших духовных школах их не изучают с богословской точки зрения, ведь в этих текстах в рафинированном виде содержится вся догматика, вся аскетика и вся мистика Православия.

Другим важным формирующим фактором были для меня творения Святых Отцов. Кажется, еще в юности я перечитал всю основную патристическую литературу, имевшуюся на русском языке: ранних Отцов, Афанасия Александрийского, Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Макария Египетского, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, «Добротолюбие». Особенно сильный след во мне оставили писания Исаака Сирина и Симеона Нового Богослова.

Будучи клириком Литовской епархии, я окончил заочно Московскую духовную семинарию и затем духовную академию. Не могу сказать, что это обучение что-либо существенное прибавило к тому, что я получил путем самообразования. Затем два года преподавал в тех же Московских духовных школах: сначала гомилетику, потом догматику и Новый Завет; вел также факультативный курс греческого языка. После двух лет преподавания, по благословению ректора (тогда им был епископ Дмитровский Филарет) и по решению ученого совета академии, был направлен в Оксфордский университет, где в течение еще двух лет писал докторат о преподобном Симеоне под руководством замечательного богослова епископа Диоклийского Каллиста.

Два года в Оксфорде были для меня очень важным временем. Темой моей работы был «Преподобный Симеон Новый Богослов и православное Предание». Фактически я писал гораздо больше о православном Предании, чем о преподобном Симеоне. Тема Предания с этого момента стала главной темой всех моих богословских книг. Должен сказать, что пребывание в инославной среде очень способствует углубленному изучению своей собственной традиции, которую мы часто не знаем и не ценим, потому что воспринимаем как нечто само собой разумеющееся и не требующее специальной апологии. В инославной среде православный ученый, хочет он этого или нет, становится апологетом своей традиции, а это очень важно для его собственного формирования. Думаю, что именно благодаря этому с научной точки зрения я в Оксфорде узнал о православии гораздо больше, чем за все предыдущие годы пребывания в православной среде.

В Оксфорде, работая над книгой о преподобном Симеоне, я получил такой мощный научный заряд, что его мне хватило еще на несколько последующих книг — в частности, о Григории Богослове и об Исааке Сирийце. Изучать преподобного Исаака в оригинале я начал под руководством выдающегося сириолога профессора Себастиана Брока: он занимался со мной сирийским языком, и мы вместе читали беседы из открытого им в 1983 году «второго тома» сочинений преподобного Исаака, которые я затем перевел на русский язык.

— Скажите, обязательно ли ехать учиться за рубеж, чтобы получить хорошее богословское образование? И куда лучше «направить стопы своя»?

— Думаю, что когда-нибудь, если нам удастся создать свою сильную богословскую школу, нужда в стажировках за рубежом может отпасть сама собой, но пока что это необходимо. Дело в том, что наше духовное образование на протяжении восьмидесяти лет развивалось в полной изоляции от мировой богословской науки: до сих пор во многих наших духовных школах используются учебные пособия XIX века. А на Западе в течение XX столетия богословская наука сделала громадный скачок и в библеистике, и в патристике, и в церковной истории и в других областях. Игнорировать все это колоссальное богатство только на том основании, что оно накоплено в инославной среде, недопустимо.

«Куда направить стопы?» Есть три варианта. Можно учиться на богословском факультете светского университета (Оксфорд, Кембридж, Сорбонна, Гейдельберг, Гарвард и т.д.). Туда трудно поступить, и там очень высокие научные требования, но зато и результат может быть более впечатляющим, чем в других случаях. Второй вариант — поступить в какую-либо инославную школу (католическую или протестантскую). Третий вариант — поехать в православное учебное заведение, например, в Афинский или Салоникский университет, в Свято-Сергиевский институт в Париже, в Свято-Владимирскую семинарию в Нью-Йорке. Я выбрал первый вариант и не пожалел. Но знаю немало молодых людей, которые выбирали другие варианты и достигли больших успехов в научной работе.

— Отец Иларион, Вы монах. Что или кто сыграл решающую роль в выборе такого призвания? Вы никогда не раскаивались в своем выборе?

— В своем выборе я не раскаивался ни одной секунды — даже в самые трудные моменты жизни. Быть монахом — великое счастье, потому что монашество дает возможность отдавать все свои силы служению Богу, Церкви и людям. Только нужно учитывать, что к монашеству у человека должно быть особое призвание. Если этого призвания нет, а человек принимает постриг — либо по молодости, не подумав о последствиях своего решения, либо под воздействием неопытного духовника — это может привести к жизненной трагедии. Думаю, монашество можно принимать только в том случае, если у человека нет ни малейшего колебания, что это — и только это — его

путь. Пока сохраняется хоть тень сомнения, лучше терпеливо ждать и не спешить с принятием ответственного решения.

— *Что значит «ученое монашество»? Кто такой ученый монах и чем он отличается от обычного?*

— Разделение между монахами образованными и необразованными, между «учеными» и «толчеными», между академиками и простецами — искусственно. Это одна из особенностей современного православного монашества, в особенности русского. В древности все монахи были в той или иной степени учеными (даже если монах не умел читать и писать, он мог выучить на слух весь Новый Завет или всю Псалтирь). Сейчас же ученый монах — тот, кто уделяет внимание научной, богословской работе, кто занимается самостоятельным исследованием в той или иной области богословской науки. Не всякий преподаватель духовной школы, принявший монашество, может считаться «ученым монахом»: среди таких немало людей с начетническим подходом, лишенных научного дара. Архимандрит Киприан (Керн), написавший прекрасную статью об ученом монашестве, говорит о том, что, помимо «ангельского образа», некоторые иноки имеют еще и «помазание науки». Это и есть ученые монахи.

— *Вы много говорили о своих духовных наставниках. Судя по Вашим рассказам, это были люди высокой духовности. Сейчас нередки случаи, когда молодой человек, желающий найти опытного духовного руководителя, попадает в руки псевдодуховника с сектантскими методами руководства духовной жизнью. В чем отличие настоящего старца от лжестарца? Как молодому человеку избежать опасности попасть в руки младостарца?*

— Во-первых, духовного отца надо выбирать с большой осторожностью. Познакомившись с пастырем, не следует сразу же кидаться в «объятия отча» и записываться в духовные чада: надо пообщаться с ним, попытаться почувствовать, что он за человек, насколько он духовно опытен, насколько его внутренний настрой соответствует вашему.

Во-вторых, есть некоторые признаки, отличающие старца от лже-старца, духовника от лже-духовника. Думаю, главным из них является наличие или отсутствие в пастыре уважения к своему духовному чаду как самостоятельной личности. Если духовник с категоричностью настаивает на исполнении своих требований, лишает своих духовных чад какой-либо свободы, ведет себя властно, безапелляционно, как начальник с подчиненными, — то это лже-духовник. Если пастырь, подобно фарисеям времен Христа, «налагает на людей бремена неудобноносимые», то это лже-пастырь. Если старец позволяет себе решать за людей те вопросы, которые только они сами могут решить, — например, жениться ли или принимать монашество, — вмешивается в их личную, семейную жизнь, диктует им свои условия, сводит и разводит мужчин с женщинами и т.д., то это «лже-старец». Как говорит Святейший Патриарх Алексий, «подлинный старец бережно относится к каждому человеку». Именно бережное, осторожное, вдумчивое, уважительное, смиренное отношение к людям должно характеризовать всякого истинного старца, истинного пастыря и истинного духовника.

В декабре 1998 года Священный Синод Русской Православной Церкви принял Определение, в котором указал на «участвовавшие в последнее время случаи злоупотребления некоторыми пастырями вверенной им от Бога властью "вязать и решить"». В этом определении даны четкие указания относительно того, как духовники должны вести себя по отношению к своим духовным чадам. Очень жаль, что далеко не все пастыри прислушались к голосу руководства Церкви.

Для меня примером подлинного старца всегда служил и продолжает служить архимандрит Кирилл, духовник Троице-Сергиевой Лавры. Он человек глубокого смирения, никогда никому ничего не навязывает. В своем интервью, посвященном теме духовничества, он говорит:

«Духовного отца надо искать по расположению своей души. Когда вы доверяете своему духовному отцу и сердце ваше раскрывается перед ним... тогда вы чувствуете, что получаете от этого духовную пользу... Если духовник в каком-то отношении не отвечает своим требованиям, вы легко можете его оставить и перейти к другому, который большую доставляет духовную пользу. Тут такого закона, который прикреплял бы, нет». Думаю, что это единственно верный подход. Духовник должен людей не к себе «прикреплять», а к Богу вести. Как говорит митрополит Сурожский Антоний, духовник должен быть подобен Иоанну Предтече: готовить людей к встрече со Христом, а когда Христос придет, отступить в тень, «умалиться» и дать возможность людям самим строить свои отношения с Богом.